

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Мякинченко Мария Александровна

**Москва в литературной памяти Ф. М. Достоевского:
генезис, место и роль в художественной системе**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
М. И. Щербакова

Москва

2021

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Москва в судьбе и мировоззрении Ф. М. Достоевского.....	20
§1. Тяга по родному городу: московские детство и отрочество и последующие поездки Ф. М. Достоевского в Москву	20
§2. Ф. М. Достоевский и общественно-литературная жизнь Москвы второй половины XIX в.	42
§3. Москва в публицистике Ф. М. Достоевского (историко-культурологический аспект).	70
Выводы	85
Глава 2. Образ Москвы в творческом преломлении Ф. М. Достоевского	86
§1. Московские прототипы в петербургских произведениях Ф. М. Достоевского 1840-х гг	86
§2. «Грибоедовская Москва» в художественной рецепции Ф. М. Достоевского (творчество 1860–1870-х гг.)	102
§3. Московские реалии в романах Ф. М. Достоевского 1860-х гг.....	123
Выводы	146
Глава 3. Контекст московских событий в творческой истории романов Ф. М. Достоевского 1870-х гг.	148
§1. Московские реалии и прототипы в романе «Бесы».....	148
§2. Эволюция московских реалий в истории текста романа «Подросток»	174
§3. Московский полюс в художественной структуре романа «Братья Карамазовы».....	196
Выводы	208
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	209
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.	214

Введение

Москва – место рождения и детских лет жизни Достоевского. Это город, в котором он мечтал поселиться после каторги и ссылки, где похоронены его мать и первая жена и где он сам хотел обрести вечный покой. В Москве были изданы его главные романы, в том числе «Братья Карамазовы», которые, как и знаменитая речь о Пушкине, с триумфом прочитанная там же в 1880 г., стали духовным завещанием писателя. Во время жизни в древней столице, детства и отрочества, проведенных в доме на улице Новая Божедомка, будущий писатель скопил богатый материал, который позднее лег в основу многих его сочинений. Прототипами ряда героев Достоевского были москвичи – родные, друзья, просто знакомые или выдающиеся люди своего времени. Все это позволило И. Л. Волгину назвать Достоевского «московским писателем»¹.

Возможность такого определения объясняется своеобразием метода Достоевского, заключающегося в синтезе жизненных впечатлений и личных переживаний с глубоко осмысленными, пропущенными через собственное мировидение текущими фактами действительности, черпаемыми из журнально-газетной хроники, наконец, литературными и историко-культурными источниками, которые хранились в памяти писателя на протяжении всего жизненного пути. «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно» (16, 10)² – записывает Достоевский в черновых вариантах романа «Подросток».

Еще одна особенность творческого метода писателя, без учета которой невозможно говорить о «московском следе» в литературной

¹ Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский: начало начал. М.: Академический проект, 2018. С. 158.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 16. С. 10. Далее все цитаты из сочинений и писем Ф. М. Достоевского приводятся по данному изданию с указанием в круглых скобках номера тома, номера книги (если таковой имеется), и страницы.

памяти Достоевского, – это автобиографизм его произведений, то есть «воспроизведение в художественных текстах собственного жизненного опыта писателя, реальных фактов его биографии или биографии знакомых писателю людей»³. М. В. Загидуллина определяет специфику автобиографизма в творчестве Достоевского как «“растворенность” автобиографической основы в вымышленном плане текста», «мелкие вкрапления, рассыпанные тут и там», которые «нередко представляют собой скорее лишь авторские личные ощущения и впечатления, ассоциативно связанные с конкретными сюжетными ситуациями»⁴. О значимости автобиографического контекста пишет и Т. А. Касаткина, которая утверждает, что «проживаемая жизнь, события этой жизни иногда совершенно меняют ракурс восприятия прежде заявленной художником темы»⁵.

В произведениях Достоевского немало различного рода авторских ассоциаций, впечатлений и воспоминаний литературного, личного и общественного характера: к примеру, когда-то понравившееся и запомнившееся в прочитанной книге могло налагаться на личные воспоминания, глубоко пережитые и прочувствованные, а импульсом к своего рода воскрешению этих пластов становилась вычитанная в журнале или газете история. К. А. Степанян писал, что «личный опыт почти никогда не переносился Достоевским в художественный текст напрямую и тем более не передоверялся тому или иному персонажу. Это всегда был переосмысленный опыт, и позиция автора по отношению к нему уже в период написания романа как раз и позволяет выявить идею всего произведения или правильно понять тот или иной фрагмент его. Причем

³ Скуридина С. А. К вопросу об автобиографизме антропонимов в художественных текстах Ф. М. Достоевского // Славянский альманах. Вып. 3–4. М.: Индрик, 2019. С. 415.

⁴ Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Сост. Г. К. Щенникова, А. А. Алексеева; науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск, 1997. С. 135.

⁵ Касаткина Т. А. Что считать событием биографии? // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 46.

это относится не только к реальным событиям жизни писателя, но и к опыту прочтения и осмысления важнейших для него авторов, чьи сочинения тоже стали личными фактами его биографии»⁶. Вне московского биографического, историко-культурного, общественно-литературного контекста нельзя постичь той глубинной работы памяти Достоевского, в результате которой вырастает его художественный мир.

Москва – это важная пространственная координата в произведениях Достоевского, и если, по словам Д. С. Лихачева, «Петербург, Старая Русса, Павловск — это те “сценические площадки”, на которые выносит Достоевский события своих произведений»⁷, то Москва – это локус, который, не являясь «сценической площадкой», занимает иногда не менее важное место в сюжетном строе последних четырех романов писателя. Локус (от лат. *locus* – «место») интерпретируется нами как определенная территории с ее геокультурной спецификой, с особыми функциями в историко-культурном процессе. Понятие «локус» – многозначное, одним из первых применительно к гуманитарным наукам его стал употреблять Ю. М. Лотман. Ученый связывал попадание героя в «локус» в разворачиванием для него определенного конфликта. В. Ю. Прокофьева справедливо отмечает, что «локус» вошел в филологию уже с неким понятийно устоявшимся ядром, соотносимым с подразумеваемым определенным участком, внешним или внутренним. «Все многообразие исследованных и подлежащих исследованию художественных локусов сводится к трем ключевым для русской культуры – страна, город, дом, которые представлены в тексте как словесно-образная фиксация

⁶ Степанян К. А. Биография автора как источник комментария к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119.

⁷ Лихачев Д. С. В поисках выражения реального // Достоевский. Материалы и исследования. 1974. Вып. 1. С. 5

геополитических и бытовых пространств»⁸. Т. В. Субботина отмечает, что локус – это пространство, включенное в культурный текст, имеющее привязку к конкретному месту, не бесконечное, то есть имеющее физические размеры и границы⁹.

Московские события в жизни центральных и эпизодических героев, вынесенные «за сцену», тем не менее прочно с Москвой связаны, иногда (как, например, в романе «Идиот») занимают более продолжительные промежутки художественного времени, нежели те, что происходят «на сцене», и оказываются отчасти определяющими в судьбах персонажей.

Актуальность исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы «Москва Ф. М. Достоевского» на материале всего наследия писателя (включающего художественные сочинения, публицистику, эпистолярный жанр, черновики и рукописи) в самых разных аспектах (биография Достоевского, его историософские и политические взгляды, история текстов и прототипы, образная система и проблематика произведений), во взаимосвязи и взаимозависимости этих аспектов.

Степень изученности проблемы. Тема «Городской текст в творчестве Ф. М. Достоевского» является одной из самых изученных в достоевистике, но это относится к Петербургу и Старой Руссе (в меньшей степени)¹⁰. Традиции изучения были заложены в фундаментальных трудах

⁸ Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 90–91.

⁹ Субботина Т. В. Локус, топоним, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 112.

¹⁰ Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Ленинград: Лениздат, 1969. 78 с.; Смирнов Г. И. Скотопригоньевск и Старая Русса. М.: Лурена, 2001. 100 с.; Фридендер Г. М. Достоевский и Старая Русса // Достоевский и современность: сб. тезисов выступлений на «Старорусских чтениях». Новгород, 1991. Ч. I. С. 3–7; Юхнович Ю. В. Старорусские реалии в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4. С. 141–163.

Н. П. Анциферова, давшего определение «душа Петербурга»¹¹, и В. Н. Топорова, сформулировавшего понятие «Петербургский текст»¹²; продолжены в работах целого ряда исследователей, изучавших эту тему с разных сторон¹³. С «московской темой» тесно связана и литературоведческая проблема «серхтекстов» или локальных текстов художественной литературы, в первую очередь «городских текстов», в числе которых некоторыми исследователями выделяется и «Московский текст». Помимо упомянутых исследований Н. П. Анциферова и В. Н. Топорова «городским текстам» посвящены теоретические труды Ю. М. Лотмана¹⁴, Н. Е. Меднис¹⁵, Н. М. Малыгиной¹⁶, диссертации А. П. Люсого¹⁷ и О. С. Шуруповой¹⁸. В ряде исследований поднимается проблема допустимости и необходимости введения в научный оборот понятия «Московский текст» русской литературы¹⁹, которое к началу

¹¹ *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга; Петербург Пушкина. М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2014. 400 с.

¹² *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб: «Искусство-СПб», 2003. 614 с.

¹³ *Белов С. В.* Петербург Достоевского. СПб.: Алетейя, 2002. 355 с.; *Бирон В. С.* Петербург Достоевского. Л.: Товарищество «Светоч», 1991. 47 с.; *Владимирцев В. П.* Петербург Достоевского (поэтика локальных историко-этнографических отражений) // Проблемы исторической поэтики. 1990. № 1. С. 82-99.; *Дилакторская О. Г.* Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 349 с. *Лурье Л.* Петербург Достоевского: Исторический путеводитель. Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2012. 352 с. *Саруханян Е. П.* Достоевский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1972. 278 с.

¹⁴ *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 30–46.

¹⁵ *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. 170 с.; *Поэтика и семиотика русской литературы.* М.: Языки славянской культуры, 2011. 232 с.

¹⁶ *Малыгина Н. М.* Проблема «московского текста» в русской литературе XX в. // Москва и «московский текст» в русской литературе XX в. М., 2005. С. 3–4.

¹⁷ *Люсий А. П.* Русская литература как система локальных текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 27 с.

¹⁸ *Шурупова О. С.* Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2011. 24 с.

¹⁹ Споры о существовании «московского текста» отражены в работах целого ряда исследователей творчества разных писателей, опубликованных в сборниках научных трудов «Москва и “московский текст” русской культуры» (М.: РГГУ, 1998), «Москва в

нынешнего столетия закрепляется в культурологии и филологических науках, но употребляется по преимуществу в разысканиях о творчестве отдельных писателей и поэтов XX века²⁰. «“Московский текст” начинает восприниматься в единстве мифопоэтических, топографических и топонимических, ландшафтно-климатических и знаково-символьных составляющих, благодаря появлению в первой половине XX в. “московской” прозы А. Белого, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, М. А. Осоргина, А. Платонова, Б. А. Пильняка, М. А. Булгакова, Б. Л. Пастернака, Л. М. Леонова»²¹.

Применительно к художественному наследию Достоевского использование данного понятия представляется неуместным, поскольку образ Москвы у писателя не соотносится с необходимым для «сверхтекста» «мифом, обладающим текстопорождающими свойствами»²², образный ряд, прямо соотнесенный с Москвой, количество реализаций образа Москвы в произведениях писателя ограничены.

Москва в творчестве Достоевского до сих пор изучена мало. Единственная монография, конкретно посвященная данному вопросу – книга Г. А. Федорова «Московский мир Достоевского. Из истории русской

русской и мировой литературе» (М.: Наследие, 2000), «Москва и “московский текст” в русской литературе XX века» (М.: МГПУ, 2005–2015).

²⁰ Чаглыян Ш. К. Роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и проблема Московского текста: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 130 с.; Андрюкова Е. А. «Московский текст» в творчестве И. Шмелева: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2013. 149 с.; Комлик Н. Н. Московский текст в творчестве Е. И. Замятина // Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей: материалы межвузовского научного семинара. Москва: МГПУ, 2010. С. 62–68; Ничипоров И. Б. «Московский текст» в русской поэзии XX в.: М. Цветаева и Б. Окуджава // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2003. № 3. С. 58–71; Селеменова М. В. «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Санкт-Петербург: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2015. С. 131–139. и др.

²¹ Селеменова М. В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 21.

²² Там же. С. 20

художественной культуры XX века»²³. Г. А. Федоров более сорока лет посвятил исследованию этой темы, определив свой подход ко времени детства и отрочества писателя, ранним годам его творчества, материальной и духовной атмосфере, семейной и городской среде, формировавшим Достоевского с юности. В работе доминируют два направления в изучении проблемы – биографический и краеведческий, тогда как образ Москвы в художественном аспекте практически не рассматривается.

Сейчас в литературе о Достоевском образ Москвы лучше всего рассмотрен на материале биографии писателя. Детские годы, недолгие периоды жизни в Москве в середине 1860-х гг. (болезнь и смерть Марьи Дмитриевны, лето на даче в Люблине) как важная часть биографии Достоевского изучены подробно и тщательно, хотя относительно этого периода жизни писателя сохранилось не так много свидетельств. Первым шагом в освещении московских страниц в судьбе писателя стала мемуарная литература. Это воспоминания А. Г. Достоевской²⁴, А. М. Достоевского²⁵, Л. Ф. Достоевской²⁶, О. Ф. Миллера²⁷ и других современников²⁸. Подробно и обстоятельно детство писателя освещено в трудах В. С. Нечаевой²⁹, Л. П. Гроссмана³⁰, Г. И. Чулкова³¹, Отто фон

²³ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

²⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М.: Правда, 1987. 544 с.

²⁵ Достоевский А. М. Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 393 с.

²⁶ Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / Пер. с нем. Е. С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 245 с.

²⁷ Миллер О. Ф. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями: в 14 т. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. С. 1–76.

²⁸ Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990.; Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 331 с.

²⁹ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939.; Ранний Достоевский 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

Шульца³², Г. А. Федорова³³, И. Л. Волгина³⁴, в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского»³⁵, «Хронике рода Достоевских» М. В. Волоцкого³⁶ и новом труде под таким же названием, созданном под редакцией И. Л. Волгина³⁷, в ходе подготовки издания которого было обнаружено и обработано огромное количество новых архивных документов, в том числе материалов о родословной Достоевских, что нашло отражение и в большом количестве статей, опубликованных за время подготовки этого труда³⁸. Одному из самых важных моментов биографии Достоевского – выступлению в Москве на открытии памятнику А. С. Пушкину в 1880 г. – посвящен ряд работ, помимо подробного освещения этих событий в упомянутой «Летописи...» и воспоминаниях А. Г. Достоевской³⁹.

³⁰ Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935. 382 с.

³¹ Чулков Г. И. Жизнь Достоевского / Сост., подг. текста, коммент. и вступит. статья О. А. Богдановой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 472 с.

³² Шульц О. фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский: Курс лекций. Петрозаводск, 1999. 366 с.

³³ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

³⁴ Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский: начало начал. М.: Академический проект, 2018. 749 с.; Родные и близкие: Историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина (Руководитель проекта). М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 961–1167.

³⁵ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. 1821–1881 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Фридлиндера Г. М., Будановой Н. Ф. СПб.: Академический проект, 1999.

³⁶ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского (1506–1933) / Предисловие П. М. Зиновьева. М.: Север, 1933. 443 с.

³⁷ Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2012. 1232 с.

³⁸ Там же. С. 7–8.

³⁹ Белкина О. А. «Если наша мысль есть фантазия...»: Пушкинская речь Ф. М. Достоевского: замысел, отклики, споры. СПб.: МиМ-Экспресс, 1995. 160 с.; Шмидт С. О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: РГГУ, 2012. С. 254–300; Левит Маркус Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994. С. 254; Фокин П. Е. Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 164;

Отдельная большая группа исследований – это научные разыскания о прототипах героев произведений Достоевского, среди которых есть те, которые связаны с Москвой своим рождением, воспитанием, образованием и формированием взглядов, но не являются родными и близкими писателя⁴⁰. В литературоведении имеется большое количество работ, посвященных героям Достоевского, их характерам, поведенческим характеристикам, в том числе есть заслуживающие пристального внимания зарубежные исследования⁴¹. Ряд этих работ проанализирован нами с точки зрения возможных упоминаний в них о московском тексте.

Практически отсутствуют работы, в которых рассматривается образ Москвы как локус художественного пространства Достоевского⁴² и культурно-исторический феномен, играющий значимую роль в историософских взглядах писателя⁴³.

Новизна исследования определяется тем, что впервые предпринята попытка анализа генезиса, роли и места Москвы как культурной, исторической, пространственной координаты и художественного образа в творческом наследии Достоевского.

Викторович В. А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 4. С. 48–69.

⁴⁰ Подробнее см. главу вторую (параграф третий) и третью главу.

⁴¹ *Lantz K. A.* The Dostoevsky encyclopedia. London, Greenwood Press, 2004. 499 p.; *Paris B. J.* Dostoevsky's Greatest Characters: A New Approach to "Notes from the Underground", "Crime and Punishment", and "The Brothers Karamazov". Palgrave Macmillan, 2008. 233 p. *Terras V.* The Idiot: An Interpretation. Boston, 1990. 106 p.

⁴² *Казари Р.* Московское начало в творчестве Достоевского // *Русский язык за рубежом*. 2001. № 2. С. 75–79; *Карпачева Т. С.* Образ Москвы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // *Москва и «московский текст»*. Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сборник научных статей / Редактор-сост. Н. М. Малыгина; научн. ред. Е. В. Кудрина. Вып. 7. М.: МГПУ, 2013. С. 39–45.

⁴³ Фрагментарно в следующих работах: *Баталова Т. П.* Историософские проблемы в публицистике Ф. М. Достоевского 1860–1865 годов // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2012. Т. 18. № 3. С. 89–93; *Исупов К. Г.* Диалог столиц в историческом движении // *Москва – Петербург: pro et contra: диалог культур в истории нац. самосознания: антология*. СПб.: Русский Христиан. гуманит. ин-т, 2000. 711 с.; *Отливанчик А. В.* Философско-историческая доктрина Н. Я. Данилевского в восприятии Ф. М. Достоевского: по документальным источникам // *Достоевский. Материалы и исследования*. 2019. Вып. 22. С. 120–129.

В истории создания художественных произведений Достоевского московские реалии играют определяющую роль, подтверждение чему можно найти как в подготовительных материалах и незавершенных замыслах, так и в окончательных вариантах текстов. В диссертации впервые систематизировано и объяснено значение Москвы и московских впечатлений, реалий в творческом наследии Достоевского.

Во-первых, это воспоминания, связанные с московским детством, память о котором пронес Достоевский через всю жизнь. Вне этого контекста нельзя постичь генезис таких произведений писателя как «Бедные люди», «Неточка Незванова», «Униженные и оскорбленные», «Подросток».

Во-вторых, это персонажи, в основу образов которых положены особенности характера и судеб московских родственников и знакомых писателя, пропущенные через авторское видение этих людей. Таких героев можно обнаружить в большинстве произведений Достоевского.

В-третьих, это литературные впечатления и прототипы, которые переосмысливаются писателем и становятся основой создания героя или обобщенной характеристики общества. Так, вне понимания рецепции фамусовской Москвы и образа Чацкого нельзя рассматривать образы «московских старух» в романах «Игрок» и «Идиот», русского европейца в «Подростке» и «Братьях Карамазовых» и современного русского общества в «Игроке» и «Зимних заметках о летних впечатлениях».

В-четвертых, это обширный круг реальных исторических лиц, в первую очередь, либералов-западников, вышедших из московских кружков 1830-х гг. Вне авторского понимания рецепции личности П. Я. Чаадаева, А. М. Герцена, Т. Н. Грановского, Н. П. Огарева, В. Ф. Корша, М. И. Бакунина, невозможно полноценное постижение типа русского скитальца и идейной сущности романов «великого пятикнижия» Достоевского.

Цель исследования состоит в обнаружении, анализе и описании всех аспектов образа Москвы и московского мира в эпистолярной, публицистике и художественных произведениях Достоевского для создания целостного представления об особенностях художественного преломления связанных с Москвой жизненных впечатлений и воспоминаний Достоевского в творческой лаборатории писателя.

Задачи исследования:

- рассмотреть все упоминания Москвы и ее реалий в эпистолярной Достоевского с 1834 по 1881 гг. и выявить многие еще не названные в науке факты «московского поля» биографии писателя;
- показать трансформацию культурно-исторического локуса Москвы в публицистике Достоевского 1840–1860-х гг. и «Дневнике писателя»;
- воссоздать историю участия Достоевского в общественно-литературной жизни Москвы второй половины XIX в.;
- осмыслить специфику художественного преломления московских реалий и биографических источников московской темы в художественных произведениях Достоевского;
- изучить московские реалии в рукописных и черновых материалах писателя и проследить их роль в генезисе текстов;
- показать своеобразие рецепции комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» как текста о Москве;
- исследовать «московский полюс» в художественной структуре романов «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» и определить его функциональность.

Объектом исследования является творческое наследие Достоевского.

Предмет – Москва в судьбе, мировоззрении и творчестве Достоевского.

Материалом исследования являются письма Достоевского к разным корреспондентам с 1834 по 1880 гг., в которых присутствуют упоминания московской реальности; публицистические, литературно-критические статьи 1840–1860-х гг. и очерки «Дневника писателя», в которых фигурирует Москва как культурно-исторический феномен, осуществляется полемика с московскими изданиями «Русский вестник», «День» и разбирается комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»; подготовительные и черновые материалы к неосуществленным замыслам «Атеизм» и «Житие великого грешника»; «Зимние заметки о летних впечатлениях»; повести «Хозяйка», «Белые ночи», «Вечный муж»; рассказ «Маленький герой»; романы «Бедные люди», «Неточка Незванова», «Униженные и оскорбленные», «Игрок»; рукописи, черновики и окончательные тексты романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Положения, выносимые на защиту:

1. Москва от рождения и до последних дней будет ощущаться Достоевским родным городом – городом детства, которое он полагал самым важным периодом на пути становления человека. Писатель проникся особой атмосферой, постиг «душу города», через всю свою многотрудную судьбу пронес к нему любовь, которая выражалась в попытках поселиться навсегда в Москве, интересе к общественно-политической, журнальной и литературной жизни города, регулярных поездках туда по делам и по велению сердца.

2. Москва и москвичи занимают особое место в становлении Достоевского как писателя и редактора: значима эволюция его взаимоотношений с М. Н. Катковым, начавшаяся с неудачной попытки бывшего ссыльного опубликовать «Село Степанчиково и его обитатели» в «Русском вестнике», перешедшая затем в яростную полемику с М. Н. Катковым и его журналами в период издания «Времени» и «Эпохи»

и завершившаяся публикацией романов Достоевского в «Русском вестнике» и «Пушкинской речи» в «Московских ведомостях».

3. Самым ярким фактом участия писателя в жизни московского образованного общества стоит считать его программное и знаковое выступление на празднике, приуроченном к открытию памятника А. С. Пушкину. Были также выступления на литературных вечерах, переписка со студентами Московского университета, полемика с журналом И. С. Аксакова «День». Все это нашло отражение в письмах и публицистике писателя.

4. В публицистике Достоевского 1840-х и 1860–70-х гг. наблюдается постепенная трансформация понимания Москвы как ключевого понятия русской культурно-исторической парадигмы: от западнической позиции в 1840-е гг., когда Москва в «Петербургской летописи» рассматривается как древний памятник навсегда ушедшей эпохи, а Петербург как город будущего России, через 1860-е гг. почвеннической критики славянофильской «московской теории» и либерально-западнического «англизированного патриотизма» Москвы к выработке оригинальной идеи «Обновленного человечества» в «Дневнике писателя» 1870-х гг., которая во многом вырастает из теории «Москва – Третий Рим».

5. Москва является важной координатой художественного пространства романов Достоевского «Игрок», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Московские события в жизни героев приходится иногда разыскивать и угадывать, они известны по слухам, сплетням, личным воспоминаниям, письмам, рассказам очевидцев, то есть носят характер «внесценический», но в судьбах героев играют нередко определяющую роль.

Методологически исследование основано на историко-литературном подходе к предмету изучения в сочетании со сравнительно-историческим, биографическим и историко-типологическим методами с

использованием приемов анализа и интерпретации текста, сопоставлений и обобщений. В данной работе мы учитываем важное заключение К. А. Степаняна о том, что «в силу специфики творческого метода Достоевского связь его биографии с глубинным смыслом его произведений очень сильна, и если не принимать во внимание эту связь, наше понимание этих произведений может быть неполным или даже неверным»⁴⁴. Также в диссертационном исследовании применяются методы источниковедческого и текстологического анализа.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что в ней впервые анализируются все обнаруженные в эпистолярной, публицистике, художественных произведениях и рукописных редакциях биографические, культурно-исторические, общественно-политические, литературные истоки московской темы и определяется специфика художественного преломления московских реалий, воспоминаний, впечатлений в творчестве Достоевского.

Практическая значимость заключается в том, что итоги работы могут стать основанием для дальнейшего исследования роли и места Москвы в творческом наследии Достоевского. Также представленные результаты могут быть использованы при составлении комментариев, в практике преподавания истории русской литературы второй половины XIX в. и отдельных специальных дисциплинах в гуманитарных вузах, при написании учебников, учебно-методических пособий, монографий.

Поставленные цели и задачи определили **структуру работы**: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 205 наименований. Каждая глава, в свою очередь, делится на параграфы.

⁴⁴ *Степанян К. А.* Биография автора как источник комментария к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119.

В первой главе **«Москва в судьбе и мировоззрении Ф. М. Достоевского»** обосновывается значимость родного города в биографии писателя, формировании его общественно-политической позиции, эволюции историософских идей. Рассматриваются события личной жизни Достоевского, связанные с Москвой и нашедшие свое отражение в письмах, дается краткое описание московской родни писателя, которая навсегда запечатлелась в его памяти и воплотилась в образах героев многих произведений. Впервые выявляется сложность преломления Достоевским в художественном творчестве отдельных черт и особенностей московских прототипов его героев. Автор диссертационного исследования отмечает значимость посещений Достоевским Москвы, специфику полемики писателя с ведущими периодическими изданиями Москвы, такими как «Русский вестник», «Московские ведомости», «День». Анализируется трансформация понимания роли Москвы в истории и культуре России как символа и одного из ключевых понятий славянофильства и западничества.

Во второй главе **«Образ Москвы в творческом преломлении Ф. М. Достоевского»** исследуется специфика художественной переработки личных московских воспоминаний и впечатлений, творческого осмысления московских событий и уголовной хроники и рецепции московской комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Автором рассматривается московский след в произведениях петербургского периода творчества Достоевского, отмечается формирование одной из ведущих художественных установок Достоевского – ориентации на прототип и действительные истории из жизни с целью достижения «реализма в высшем смысле слова». Подробно анализируются элементы московского материала в разных аспектах: исследуются автобиографические реалии, связанные с московскими родственниками Достоевского, факты из московской уголовной хроники, положенные в основу сюжета романов «Преступление и наказание», «Идиот». Москва

рассматривается как локус художественного пространства в романах «Униженные и оскорбленные» и «Идиот».

Третья глава **«Контекст московских событий в творческой истории романов Ф. М. Достоевского 1870-х гг.»** посвящена анализу московской темы и специфике ее генезиса в замысле ненаписанного «Жития великого грешника» и романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Рассматривается роль московских событий и реальных исторических лиц в раскрытии идейного содержания романов. В основу фабулы романа «Бесы» положено московское преступление – убийство группой С. Г. Нечаева студента И. И. Иванова. Но определяющую роль в «Бесах», когда речь идет о «московском коде», играет прототипика. Анализируются фигуры героев романа, отмечается, что в образе Шатова отразились черты обобщенного портрета московского славянофила, подтверждения этому факту автор диссертации находит в рукописях и в окончательном тексте. В подготовительных материалах к роману «Подросток» обнаруживается большое количество реальных людей из московского детства писателя – учителя, ученики и известные Достоевскому лица, упоминаемые в черновиках, а затем воплощающиеся в героев романа или растворяющиеся в других образах. Как и при работе над «Бесами», в генезисе «Подростка» важным оказывается вопрос о прототипах образа русского европейца Версилова, на оформление которого повлияли П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен и Чацкий. Доказывается, что такое смешение в прототипике Достоевского реальных лиц и литературных героев является характерным для самого писателя, а Москва выполняет в романе «Подросток» традиционную для позднего творчества Достоевского функцию пространственного локуса.

В «Братьях Карамазовых» вновь обнаруживаются отголоски воспоминаний писателя о детских годах в Москве и Даровом, отмечаются различные функции московского полюса в романе. В образе Петра Миусова можно увидеть сближение с двумя выдающимися

представителями московского западничества – П. Я. Чаадаевым и А. И. Герценом, что подтверждается большим количеством разного рода параллелей и аллюзий. Москва выступает в романе как административная единица, вторая столица Российской империи, что актуализируется в связи с судом над Дмитрием Карамазовым и упоминаемыми московскими «светилами» медицины и юриспруденции. Москва является еще и пространственной координатой.

В заключении подводятся итоги работы, в которой были определены основные особенности художественного преломления московского материала в творчестве Достоевского, а также проанализировано и уточнено место Москвы в общественной и личной жизни писателя.

Апробация работы. Отдельные аспекты исследования обсуждались на научных конференциях и семинарах в ИМЛИ РАН (г. Москва): Международная научная конференция Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.; III международная научная конференция «Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность»; VII заседание научно-практического текстологического семинара «Читаем классику: от рукописи к книге»; IX заседание научно-практического текстологического семинара «Читаем классику: от рукописи к книге»; XII заседание научно-практического текстологического семинара «Читаем классику: от рукописи к книге».

По теме диссертации опубликовано 5 работ, среди которых 3 статьи (общим объемом более 2 п.л.) в журналах, входящих в перечень ВАК Минобрнауки России.

ГЛАВА I. МОСКВА В СУДЬБЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ

Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

§ 1. Тяга по родному городу: московские детство и отрочество и последующие поездки Ф. М. Достоевского в Москву

Достоевский родился в Москве и прожил там до пятнадцати лет, но они традиционно воспринимается как писатель, в творчестве которого окончательно, по точному замечанию В. Н. Топорова, оформился «Петербургский текст» русской литературы. Однако, как уже отмечалось выше, Москва, московские реалии присутствуют практически во всех его произведениях, поэтому целесообразно самые важные факты биографии писателя, которые напрямую связаны с Москвой.

Достоевский прожил в Москве до пятнадцати лет и, как подчеркнул И. Л. Волгин, «его детство неотторжимо от города, едва пришедшего в себя после недавнего нашествия иноплеменных, опаленного адским пламенем очищения и мести. Города, который всей своей сутью связан с глубинами национальной истории»⁴⁵.

В письме А. Н. Островскому, восхищаясь образами комедии «Женитьба Бальзаминова», Достоевский рассуждает о цельности картины московской жизни, об удивительной типичности в создании «уголка Москвы» и, чтобы подчеркнуть живость и реалистичность свахи Красавиной, пишет следующее: «Я ее видел тысячу раз, я с ней был знаком, она ходила к нам в дом, когда я жил в Москве, лет 10-ти от роду; я ее помню» (28, 2, 23). Это брошенное вскользь замечание свидетельствует об особой значимости для Достоевского московских воспоминаний, их яркости и незабываемости. Сам писатель говорил о детстве в Москве как памятном и счастливом времени. Так в «Дневнике писателя» 1873 г.,

⁴⁵ Хроника рода Достоевских / Под ред. И.Л. Волгина. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 968.

размышляя о воспитании детей в статье «Одна из современных фальшей», Достоевский пишет, что «происходил из семейства русского и благочестивого», где дети хорошо знали русскую историю и Евангелие. Кроме того, как утверждает писатель, «каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным» (21, 134).

Биографы Достоевского для описания детских лет писателя используют письма и воспоминания семьи Достоевского, его родителей и брата Андрея Михайловича, а также дневники и мемуары Анны Григорьевны и Любови Федоровны Достоевских⁴⁶. До сих пор многое уточняется по крупицам из других воспоминаний современников, знавших семью Достоевских.

Мать Достоевского Мария Федоровна Нечаева – коренная москвичка⁴⁷. Будучи дочерью купца третьей гильдии, по материнской линии принадлежала к семейству из духовного звания. Ее дед Михаил Федорович Котельницкий, сын священника, также служил священником в церкви Николая Чудотворца в Котельниках и корректором в Московской Синодальной типографии, а дядя Марии Федоровны был уважаемым в Москве человеком – профессором Московского университета. Его дом около Смоленской площади часто посещали братья Достоевские, о чем остались воспоминания Андрея Михайловича. Тщательно изучен и описан род Котельницких Г. А. Федоровым и в «Хронике рода Достоевских».

У отца Марии Федоровны до нашествия Наполеона была торговля в Басманной части. Рано потерявшая мать, Мария Федоровна была

⁴⁶ *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Соцэргиз, 1939. 157 с.; *Достоевский А. М.* Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 393 с.; *Достоевская А. Г.* Дневник 1867 года / Изд. подг. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1993. 454 с.; *Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери / Пер. с нем. Е. С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 245 с.

⁴⁷ Подробно о родословной Достоевского см.: *Хроника рода Достоевских* / Под ред. И. Л. Волгина. Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. 1233 с.

привязана к старшей сестре Александре, вышедшей замуж за очень состоятельного купца 1-ой гильдии Александра Алексеевича Куманина. Подробно о семействе Куманиных и о его даровитом и щедром главе пишет Г. А. Федоров в упомянутом выше труде. Семейство Куманиных сыграло важную роль в жизни и творчестве Достоевского (об этом речь пойдет во второй главе диссертации). Как указывает Л. И. Сараскина, «не образование и не гражданские доблести, а безотказное родственное участие в драматической судьбе бедной родни – вот главный “куманинский след” в биографии Достоевского»⁴⁸. Каждой из сестер Достоевских выдавалось Куманиными по двадцать пять тысяч приданного. После смерти отца Ф. М. Достоевский пишет «преблагопристойные» письма Куманиным в надежде на их помощь и поддержку, которые и будут оказаны в трудные для осиротевших бедных родственников годы.

О Куманиных и деле об их наследстве написано довольно много как в трудах, посвященных биографии писателя, так и в историко-литературных исследованиях, связанных с проблемой прототипов. В последние годы вышел ряд статей В. В. Борисовой о роли семьи Куманиных в жизни и творчестве Достоевского: в этих работах детально рассматривается так называемое «куманинское дело»⁴⁹. Как утверждает В. В. Борисова, итоговым в семейных разбирательствах стал роковой визит сестры Веры 26 января 1881 г., который закончился бурной ссорой из-за куманинского наследства: Федор Михайлович не захотел отказаться от

⁴⁸ Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 51.

⁴⁹ Борисова В. В. «...не могу заплатить самых святых долгов» // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. Москва, 2008. С. 270–277; Борисова В. В. «Долг чести» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXIII Международных Старорусских чтений. Великий Новгород, 2009. С. 46–51; Борисова В. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2018. С. 32–42. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (дата обращения: 23.03.2021); Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // Неизвестный Достоевский. 2019. № 1. С. 46–49. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (дата обращения: 23.03.2021).

своей доли в рязанском имении, мечтая оставить детям «лес» и «землю» как главные ценности. Стоит также отметить и статьи Ю. В. Юхнович, посвященные судебным тяжбам по делу о наследстве А. Ф. Куманиной⁵⁰.

Еще одна московская родня Достоевского – это семейство другой сестры писателя, Варвары Михайловны, в замужестве Карепиной, которая была любимой племянницей Куманиных. Замужество на состоятельном 44-летнем вдове П. А. Карепине, правителе канцелярии московского военного генерал-губернатора, было организовано богатыми родственниками, желавшими хорошо пристроить свою племянницу. Этот брак не нравился старшим братьям Михаилу и Федору. В некоторых произведениях Достоевского есть отголоски сватовства и женитьбы Варвары Михайловны (речь об этом пойдет во второй главе диссертации). С Карепиными у Ф. М. Достоевского отношения складывались непросто. Тогда как младший брат Андрей любил «дядюшку» Карепина и называл его «евангельски добрым человеком», старшие братья недолюбливали его и считали ограниченным и расчетливым. В 1844 г. велась переписка братьев Достоевских с Петром Андреевичем Карепиным, который выступал против увлечения Достоевского литературой и желал, чтобы тот продолжил службу. Достоевский в свою очередь заносчиво отзывается о своем опекуне: «Свинья-Карепин глуп как сивый мерин. Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. В последнем письме Карепин ни с того ни с сего советовал мне не увлекаться Шекспиром! Говорит, что Шекспир и мыльный пузырь все равно» (28, 1, 100–101). И далее он пишет о человеке, с которым лично не был знаком: «Карепин водку пьет, имеет чин и в Бога верит. Своим умом дошел» (28, 1, 101). В этом пронизанном аллюзиями к гоголевскому «Ревизору» письме юный Достоевский не

⁵⁰ Юхнович Ю. В. «Куманинское дело» в мемуарном и эпистолярном наследии А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 4. С. 176–184. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741434.pdf (дата обращения – 23.03.2021); Юхнович Ю. В. Адвокаты в судебных делах Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 2. С. 171–185. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562697405.pdf (дата обращения: 23.03.2021).

церемонится в своих характеристиках опекуна, смеющего давать ему советы. Примечательно, что П. А. Карепин безукоризненно выполняет свои опекунские обязанности, высылая вовремя деньги, которых, согласно письмам Достоевского, катастрофически не хватает. С декабря 1843 г. он пишет П. А. Карепину довольно резкие и требовательные письма, которыми хвалится перед братом как «образцом полемики». Не вдаваясь в детали этой жесткой переписки и наследственных вопросов, которая хорошо освещена в статье К. А. Баршта⁵¹, отметим лишь, что негативное отношение к Карепину не сказалось на чувствах к сестре, а также, как утверждает К. А. Баршт, «столкновение Достоевского с Карепиным было по сути конфликтом двух мировоззрений, двух несовместимых жизненных моделей, и Достоевский приобрел тут немалый жизненный опыт, использованный им в романе «Бедные люди», а затем — в «Преступлении и наказании», «Подростке» и «Братьях Карамазовых» и др.»⁵².

Отдельное внимание в данном исследовании мы обращаем на единичные упоминания самого Достоевского в письмах и заметках, которые связаны с Москвой и московскими впечатлениями.

Впервые московские будни четырнадцатилетнего юноши отражаются в кратких посланиях к матушке, уехавшей с младшими детьми в деревню на лето. Так в мае 1835 г. Достоевский пишет матери о посещении крестной или ее приходе к ним в гости (тетушки А. Ф. Куманиной), где, по его словам, «было довольно весело» (28, 1, 32), о подготовке к экзамену или о прогулке с отцом в Марьину рощу, где они «досыта нагулялись» (28, 1, 33). Напомним, что старшие братья Достоевские сдавали экзамены в пансионе Леонтия Ивановича Чермака (упоминания о нем есть в подготовительных материалах «Жития великого грешника»), куда они попали после года учебы у Драшусова (об этом

⁵¹ Баршт К. А. Письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.: исправленный текст // Достоевский. Материалы и исследования. 2019. № 22. С. 339–357.

⁵² Там же. С. 349.

пансионе речь пойдет в главе о московских адресах в романе «Подросток»), где учились с осени 1834 по весну 1837 гг.

Пансион Чермака – это учебное учреждение для мальчиков благородного происхождения. Учащиеся проживали в пансионе, а домой приезжали на выходные и праздники. О таких поездках неоднократно упоминает Достоевский в письмах «маменьке» в Даровое: «по причине праздника папенька нас взял домой»; «нынче провели мы у папеньки»; «сии два дня, то есть Троицын и Духов, мы проводили дома у папеньки»; «теперь мы уже с самой пятницы у папеньки ожидаем экзамена, имеющего быть в понедельник» (28, 1, 32–35).

Пансион был расположен на Новой Басманной. Подробно об этом учебном заведении, его руководителе и педагогах рассказывается в воспоминаниях А. М. Достоевского⁵³ и в статье Г. А. Федорова «Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам)»⁵⁴, доработанной затем в главе «Пансион Л. И. Чермака» в монографии «Московский мир Достоевского», а также в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (том 1)⁵⁵. Память о пансионе, друзьях и учителях, особенно о Н. И. Билевиче, нашла воплощение в романе «Подросток».

Почти на два десятилетия Москва будто уходит из жизни писателя (исключение – письма московским родственникам 1840-х гг., чаще всего, с просьбой о деньгах, которых катастрофически не хватает). Это связано и с переездом в Петербург, своей бурлящей жизнью захватывающий юного Достоевского, и с годами каторги и ссылки. Но именно в Москве Достоевский мечтает поселиться после каторги, с ней связаны все его надежды на будущее. Письма из Семипалатинска наполнены мечтами

⁵³ Достоевский А. М. Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 393 с.

⁵⁴ Федотов Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 1. Л.: Наука, 1974. С. 241–254.

⁵⁵ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. 1821–1881 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Фридлиндера Г. М., Будановой Н. Ф. Т. 1: 1821–1864. СПб.: Акад. проект, 1993. 530 с.

только что женившегося Достоевского о Москве. В них нет ни слова о Петербурге как чаемом месте жительства: «Если не позволят жить в Москве (что я прошу в просьбе об отставке), то я напишу просьбу государю» (28, 1, 301) (письмо от 18 января 1858 г. М. М. Достоевскому); «Я подал в отставку и прошусь в Москву, может быть, пропустят» (28, 1, 302) (письмо от 8 февраля 1858 г. Е. И. Якушкину); «Все надежды мои – поскорее переехать в Москву» (28, 1, 315) (письмо от 13 сентября 1858 г. М. М. Достоевскому); «Но уж лучше быть без копейки в Москве, чем тратить силы и проживаться в Семипалатинске» (28, 1, 319) (письмо от 13 декабря 1858 г. М. М. Достоевскому) и др. Будущий писатель даже планирует покупку сюртука и жилетов в Москве, поскольку «в Москве оборванцем ходить нельзя, хотя я вовсе не хочу щеголять» (28, 1, 320)⁵⁶.

В истории планируемого переезда Достоевского из Семипалатинска в Москву важно отметить, что в официальном письме императору Александру II (начало марта 1858 г.) и в реверсе при прошении об отставке (16 января 1858 г.) им указывается: «Жительство по отставке буду иметь в столичном городе Москве» (28, 1, 382, 384). Это Достоевский так объясняет своему брату Михаилу: «Друг мой, жду отставки и не дождусь. Прямо жить в Москве требует форма: жительство иметь буду в городе Москве. Если не возразят, то я и поеду» (28, 1, 312). В июле 1858 г. вновь пишет брату: «Все теперь зависит от милосердного императора: захочет сделать счастливым – позволит приехать в Москву» (28, 1, 314).

Достоевский долго ждал решения об отставке и в письме к Е. И. Якушкину (12 декабря 1858 г.) высказал тревогу: «Отставка выйдет когда-нибудь, но не будет ли препятствия ехать в Москву? – вот в чем вопрос» (28, 1, 317). Так по-гамлетовски трагично для ссыльного рядового Достоевского это промедление с увольнением с ненавистной службы и отъезда из постылого Семипалатинска, надоевшего «смертельно». Как

⁵⁶ В Москве потом будут одеваться князь Мышкин, лакей Смерядков. Там же закажет себе сюртук для суда Дмитрий Карамазов.

только становится известно, что ему необходимо прожить два года в Твери, Достоевский признается брату, что «это ужасно» и он намерен сразу просить «позволения жить в Москве» (28, 1, 323), рассчитывая на милость Императора, которой, увы, не последовало.

В заключении описания драмы с неудавшимся переездом Достоевского в Москву и крушением планов на сотрудничество с «Русским вестником» (на тот момент), а также деятельности в московских изданиях, житьем рядом с сестрами необходимо вспомнить еще один интересный факт о тайной поездке из Твери в Москву в ноябре 1859 г., о котором сохранилось лишь одно упоминание в письме сестре Варваре Михайловне Карепиной. По возвращению из Москвы Достоевский пишет: «Рассчитывая теперь, я вижу, что мне надо погостить в Москве подолье. Кроме приятности сойтись с вами еще ближе, – могут быть дела (литературные), я это предчувствую. А потому, может, еще до праздников удастся еще раз побывать в Москве» (28, 1, 323). Точно неизвестно, какие именно планы строил Достоевский, но ясно, что для него Москва по-прежнему оставалась тем местом, с которым он связывал перспективы для своей деятельности. Однако в новом прошении императору Александру II, написанном в октябре 1859 г., Достоевский уже ходатайствует определить местом жительства Петербург, ссылаясь на то, что только там может получить необходимую медицинскую помощь и поддержку братьев.

Еще раз его посетит мысль о переезде в Москву на водах в Эмсе в 1875 г. Об этом он признается в письме Елене Павловне Ивановой, которой напишет, что ему придется вернуться в Петербург на зиму и весну, но, как признается Достоевский, «это, кажется, в последний раз, и если Бог даст веку, непременно устроюсь где-нибудь не в Петербурге. Полагаю, что перееду окончательно в Москву; в Москве хоть или очень многое так же дурно (если не хуже) как в Петербурге, но все-таки климат-то лучше. А мне с моею болезнью в нем уже оставаться нельзя» (29, 2, 38). Таким образом,

можно говорить, что идея переселения в родной город возникала у Достоевского несколько раз.

Неудача с переездом в Москву после каторги не означает, что Москва уходит из географии перемещений Достоевского навсегда. Как только Достоевский переезжает в Тверь, а затем в Петербург, он регулярно навещает свою московскую родню, гостит у родственников на даче в Люблино, снимает там домик и на некоторый период – болезнь первой жены Марьи Дмитриевны – даже поселяется в Москве.

Переехав в конце декабря 1859 г. в Петербург из ненавистной Твери, Достоевский празднует новоселье с родными и друзьями. Но уже в марте 1860 г. пишет своей постоянной корреспондентке этого периода актрисе А. И. Шуберт, перебравшейся в Москву: «Здесь у нас скучно, даже очень. Погода скверная. Маленькие хлопоты, а хотелось бы писать, и вообще такая безрассветная скверность, что и представить нельзя, по крайней мере, у меня. Думаю: не оживит ли весна? Хоть бы дней на 7 оставить этот гадкий Петербург! Авось состоится наша прогулка в Москву» (28, 2, 8).

Поездка состоялась, и в мае Достоевский пишет о ней той же Шуберт, как о прекрасном событии в его жизни: «Вся поездка в Москву представляется мне как сквозь сон; опять приехал на сырость, на слякоть, на ладожский лед, на скуку и проч. и проч.» (28, 2, 8). И в дальнейшем Достоевский своим адресатам упоминает посещение Москвы, ставшей для него в этот период местом отдыха от работы, которой писатель был все время занят: «Ездил в Москву прогуляться, хотя и на 10 только дней» (28, 2, 11) (письмо Я. П. Полонскому от 31 июля 1861 г.); «Я в Москве провел время довольно приятно, но на этот раз Москва мне как-то не показалась» (28, 2, 22) (письмо А. К. Каллашу от 16 августа 1861 г.). А в июне 1862 г. своему брату Андрею Достоевский признается, что бывал в Москве за два года шесть раз и что ему «весело было припомнить нашу старину, наше детство» (28, 2, 25).

Очень важным для понимания роли Москвы в судьбе и творчестве Ф. М. Достоевского является его короткий период жизни в городе с осени 1863 г. по весну 1864 г., связанный с болезнью и смертью первой жены. Однако перед отъездом в Москву из Владимира Достоевский признавался сестре жены, Варваре Дмитриевне Констант, что они планируют поселиться в Москве. Таким образом, можно говорить о второй попытке Достоевского вновь «стать москвичом», несмотря на то, что в этот раз его связывают журнальные дела с Петербургом: «В Москве остановимся в гостинице до приискания квартиры. Мебель придется покупать вновь. Мне кажется, я, таким образом, сделаюсь больше московским, чем петербургским жителем» (28, 2, 54). Но в Москве в эту поездку было мало положительного и светлого: Достоевскому пришлось ухаживать за умирающей супругой. В февральском письме брату Достоевский признается, что не бывает ни у Аксакова, ни у Островского. Жизнь в Москве перемежалась поездками в Петербург, который теперь ассоциировался с временными передышками от морально и физически тяжелого ухода за больным и угасающим родным человеком. В этот период и сам писатель чувствовал себя плохо и постоянно писал о своей болезни, которая не проходила и в Москве. Все это препятствовало и писательству («писать что-нибудь теперь я *физически* не могу» (28, 2, 68)), и не давало возможности работать в журнале (в «Эпохе») из другого города («Журнал издается *походя*, а я далеко» (28, 2, 65)). Этот трудный во всех отношениях период закончился со смертью жены 15 апреля 1864 г. и ее похоронами на Лазаревском кладбище в Москве, где ранее была захоронена и мать Достоевского Мария Федоровна на родовом участке. Как отмечает Г. А. Федоров, там были похоронены ее родители, старшая сестра и умершая дочь Любовь, кладбище содержалось на пожертвования москвичей, а одним из жертвователей был Ф. М. Достоевский. П. Е. Фокин указывает, что «это место Достоевский знал с раннего детства. Сюда,

оказываясь в родном городе, непременно приходил и годы спустя»⁵⁷. Об этом писала и Анна Григорьевна Достоевская, посещавшая с мужем могилу его матери. П. Е. Фокин отмечает: «В последний раз писатель побывал на родных могилках в 1880 г. – в дни своего триумфа на торжестве по случаю открытия первого в России памятника А. С. Пушкину. Так срифмовала жизнь: в 1837 г. семейный траур совпал в его душе с трауром по великому поэту. В это горестное время, в начале лета, перед отправлением на учебу в Петербург, он «опубликовал» свой первый текст — прощальные слова на могильном камне матери. 8 июня 1880 г. он произнес «Пушкинскую речь», ставшую его духовным завещанием. Речь, принесшую ему славу пророка»⁵⁸.

После смерти жены Достоевский начинает регулярно посещать Москву по делам публикации романа «Преступление и наказание» в «Русском вестнике» и гостит у Ивановых: «На страстной поехал в Москву и взял у Каткова *вперед* 1000 р. Цель была та, чтобы поскорее поехать в Дрезден, засесть там на 3 месяца и кончить роман» (28, 2, 157). Но после того, как ему не удастся уехать в Европу, Достоевский решает сбежать из Петербурга «хотя бы в Москву или в деревню» (28, 2, 158). Это стремление растет от счастья общения с московской родней и, прежде всего, с племянницей Соней. «В Москве старшая племянница моя, Соня, доставила мне несколько прекрасных минут. Какая славная, умная, глубокая и сердечная душа и как я рад был, что, может быть, ее полюблю очень, как друга» (28, 2, 158), – признается он А. В. Корвин-Круковской в письме от апреля–мая.

Лето 1866 г. Достоевский провел в Москве и в Люблине, где снимал дачу и дописывал для «Русского вестника» «Преступление и наказание». Поначалу он просил присылать письма по адресу: Константиновский

⁵⁷ Фокин П. Е. О восстановлении памятника матери Ф. М. Достоевского на бывшем Лазаревском кладбище в Москве // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 151.

⁵⁸ Там же. С. 152.

Межевой институт, Старая Басманная, у Никиты Мученика, а затем переехал на дачу по соседству с Ивановыми. С уверенностью можно говорить о том, что это один из самых счастливых периодов жизни Достоевского, несмотря на проблемы с публикацией романа.

Весь июнь Достоевский вел переговоры с «Русским вестником» и Н. А. Любимовым об издании последующих частей «Преступления и наказания». Особенно примечательны споры по поводу печатания главы о посещении Раскольниковым Сонечки и чтении ими истории о воскрешении Лазаря, что подробно освещено в научной литературе. В Люблино Достоевский переделывает главу, чтобы Катков допустил ее к публикации. Он пишет Любимову: «Все то, что Вы говорили, я исполнил, все разделено, размежевано и ясно. Чтению Евангелия придан другой колорит» (28, 2, 164).

В письме А. П. Милюкову Достоевский ярко, эмоционально и с юмором описал свою жизнь до переезда на дачу: «О себе скажу, что я было поселился сначала в Москве, у Дюссо, где стоял тоже Филиппов; но хотя я и прожил там неделю, я обедал в Московском трактире, и гулял каждый день в Кремлевском саду, и пил квас в Сундучном ряду, но нестерпимая жарища, духота, а пуще всего знойный ветер (самум) с облаками московской белокаменной пыли, накопавшийся со времен Ивана Калиты (по крайней мере, судя по количеству), заставили меня бежать из Москвы. Мой номер у Дюссо, хотя и был весьма недурной, походил на русскую печку, в то время как выметут *под* и начнут в нее сажать хлебы. Тут никакой квас и никакая вишневая и грушевая *вода* Ланина не могли помочь, и я ударился бежать. Да сверх того и тоска взяла страшная. Кроме Филиппова – никого в городе знакомых: все на дачах! Ездил к Плещееву, – нет дома; живет в селе Покровском (если не ошибаюсь); ни Аксаковых, ни Яновского – никого. Родственники мои живут все на даче в *Люблино*, близ Кузьминок, за 8 верст от Москвы. Ездить к ним (что сделалось нравственной необходимостью моей в моем одиночестве) требовало

издержек, времени и денег. Я думал-думал, да и решился сам переехать (в конце июня) на дачу, в *Люблино же*, где вдруг оказалась одна дача свободною, и я занял ее (по знакомству) за половинную цену» (28, 2, 164–165). Пожалуй, это самое подробное описание Москвы у Достоевского, в котором много юмора в обрисовке нестерпимой жары. Летняя духота описывается и в создаваемом в это время «Преступлении и наказании». Но в романе духота Петербурга совершенно иного рода. Это удушающая, губительная сила. Пыль, известка, кирпич июльского Петербурга в романе принципиально отличны от «белокаменной» – «со времен Ивана Калиты» – пыли июльской Москвы письма Достоевского, а номер у Дюссо, сравниваемый с русской печкой все-таки не каморка Раскольниковова, напоминающая гроб. В этом эпистолярном фрагменте о частной жизни просматривается отношение к Москве и как культурно-историческому пространству.

Далее писатель столь же подробно обрисовал свое переселение в Люблино, которое, как он упоминал в письме к П. А. Исаеву, сопряжено с большими тратами и суетой, но весьма полезно для «здоровья и нравственного спокойствия». Пожалуй, лето в Люблине, которое Достоевский называет «одним из прелестнейших местоположений в мире» было для него не только творчески ярким, но и радостным. Даже хозяйственные хлопоты, такие как покупка провизии, самовара и чашек, взятие напрокат мебели и подсвечников, были приятны для писателя, который оказался счастлив, что живет рядом с родными людьми («приятнейшая компания») (28, 2, 165). Туда же он зазывает своего пасынка П. А. Исаева.

О лете в Люблине сохранились яркие воспоминания Н. Фон-Фохта – студента Межевого института, описавшего будни Достоевского на даче: «Обыкновенно Ф. М. Достоевский вставал около девяти часов утра и, напившись чая и кофе, тотчас же садился за работу, которой не прерывал

до самого обеда, то есть до трех часов пополудни. Обедал он у Ивановых, где уже и оставался до самого вечера»⁵⁹.

Как подчеркивает мемуарист, писатель очень любил проводить время с молодежью: участвовал в играх, много общался на прогулках в парке, музицировал (превосходно играла на фортепиано племянница Мария Александровна Иванова, учившаяся в Московской консерватории) и даже участвовал в театральных представлениях. Так, сам Достоевский в одной из сцен, а он всегда принимал участие в импровизациях, должен был изображать тень отца Гамлета. Н. Фон-Фохт пишет: «Словом, он забавлялся с нами, как дитя, находя, быть может, в этом отдых и успокоение после усиленной умственной и душевной работы над своим великим произведением (“Преступление и наказание”»)⁶⁰.

Также воспоминания о лете на даче оставила Мария Александровна Иванова, племянница Достоевского. Она, как и Н. Фон-Фохт, говорит о прекрасном времяпрепровождении писателя с молодежью: игры, музицирование, прогулки в Кузьминки и Царицыно. Как пишет И. Л. Волгин, «никогда – ни до, ни после – он не чувствовал себя так непринужденно и вольно»⁶¹.

В следующий приезд к родным в Москву, в конце декабря 1866 – начале января 1867 гг., Достоевский сначала сообщил по большому секрету Соне Ивановой, а потом всем близким о своей женитьбе на Анне Григорьевне Сниткиной. Об этом же он сказал М. Н. Каткову, который дал деньги на свадьбу в счет будущего романа, и, по словам писателя, после этого «наступило время довольно радостное». В Москве Достоевский встречает Новый год «весело всей семьей» (28, 2, 177), играют «в стуколку» (карты). В эту поездку он общается с С. Д. Яновским и

⁵⁹ Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. С. 51.

⁶⁰ Там же. С. 55.

⁶¹ Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина (руководитель проекта). Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 991.

И. С. Аксаковым (общались по поводу сотрудничества в газете «Москва»), с приехавшим в Москву А. Н. Майковым.

Весной этого же года Достоевский привез в Москву свою молодую жену для знакомства с родней, о чем сохранились яркие воспоминания самой А. Г. Достоевской, поскольку после напряженных первых недель супружества в Петербурге поездка в Москву была, по словам Достоевского, их «медовым месяцем»: «Воспоминание о московской поездке навсегда осталось в моей памяти, и впоследствии, приезжая в Москву, я всегда чувствовала себя там счастливее, спокойнее и удовлетвореннее, чем где бы то ни было»⁶². Писателю очень важно было, чтобы его избранница понравилась Ивановым, но, к сожалению, поначалу «новая тетка» не пришлась ко двору племянникам, что вызвано было желанием «поженить» дядю на любимой тетушке Елене Павловне, муж которой был тяжело болен и вот-вот должен был умереть. «Все они очень дружелюбно приветствовали Федора Михайловича, но ко мне отнеслись холодно: раскланивались, приседали, а затем садились и принимались во все глаза меня рассматривать. Я тотчас чутьем поняла, что молодежь враждебно настроена против меня. Я не ошиблась: как потом оказалось, против меня создалась целая кабала»⁶³, – вспоминает А. Г. Достоевская, а далее подробно повествует о проведенных у Ивановых вечерах, после одного из которых произошла большая ссора между молодоженами, вызванная ревностью Достоевского.

Но более важно, как Анна Григорьевна вспоминает о том, что Достоевский рассказывал ей о родном городе, с каким удовольствием знакомил с ним. Например, по пути к Ивановым в Межевой институт он обращал особое внимание на церковь Успения Божьей Матери на Покровке, архитектура которой чрезвычайно нравилась писателю. «С

⁶² *Достоевская А. Г.* Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М.: Правда, 1987. С. 157.

⁶³ Там же. С. 148.

удовольствием вспоминаю остальные дни нашего пребывания в Москве. Каждое утро мы отправлялись осматривать достопримечательности города: Кремлевские соборы, дворец, Оружейную палату, дом бояр Романовых. В одно ясное утро Федор Михайлович повез меня на <Лазаревское> кладбище, где погребена его мать, Мария Федоровна Достоевская, к памяти которой он всегда относился с сердечною нежностью. Мы были очень довольны, что еще застали священника в церкви и он мог совершить панихиду на ее могиле. Побывали мы на Воробьевых горах. Федор Михайлович, москвич по рождению, был отличным чичероне и рассказывал мне много интересного про особенности первопрестольной»⁶⁴, – пишет А. Г. Достоевская в главке «Московские впечатления». Примечательно очень живое описание ею завтраков у Тестова, особенной «московской кухни», а также упоминание поездки в Петровское-Разумовское к брату Ивану (молодой человек учился в Петровской сельскохозяйственной академии, рассказ его об убийстве нечаевцами студента Иванова сыграет в будущем важную роль в создании «Бесов»). Счастливо завершилась для супругов Достоевских эта неделя, проведенная в Москве: выдал аванс под новый роман Катков, с которым супруги отправились далее в заграничное путешествие, а по дороге в Петербург, в Клину, участвовали во всеобщей по случаю грядущего вербного воскресенья: «Все стояли с зажженными свечами и вербами. Мы присоединились к молящимся, и помню, с каким жаром молилась я, стоя рядом с моим дорогим мужем, и как искренно, от всего сердца, благодарила господа бога за посланное мне счастье! Такие минуты не забываются!»⁶⁵.

Следующая большая и важная поездка Достоевского в Москву состоялась в конце декабря 1871 – начале января 1872 гг. после возвращения в Россию из Европы. Вызвана она была переговорами с

⁶⁴ Там же. С. 156.

⁶⁵ Там же. С. 157.

«Русским вестником» по поводу исключенной из романа «Бесы» главы «У Тихона». Вновь Достоевский встретил Новый год в Москве, в доме сестры: «Был Саша Карепин, и было довольно забавно. Но все-таки грустно очень. Плещеева здесь нету. Думаю заехать к Чаеву. В «Беседе», кажется, не буду» (29, 1, 222). Это посещение родного города трудно назвать радостным: Достоевский боялся стеснять Ивановых из-за их материальных затруднений, проводил у них только вечера, а параллельно вел мучительные переговоры с Катковым о романе и деньгах. Правда, ему удалось сходить на драму Д. В. Аверкиева «Каширская старина» в Малом театре.

Борьба за главу «У Тихона» продолжалась вплоть до ноября 1872 г., когда Катков окончательно отказался ее печатать. В октябре Достоевский навестил В. Г. Перова, обедал у него и познакомился с его женой, а также посетил с ним вместе галерею Третьякова, с которым тогда не удалось познакомиться.

Регулярно посещал Москву по издательским делам Достоевский и в дальнейшем. Но еще один значимый приезд в родной город совершается им в июне 1878 г., когда ведутся переговоры с Катковым о публикации «Братьев Карамазовых». Подробно описывая А. Г. Достоевской свой приход в редакцию «Русского вестника», Достоевский рассказывает об общении с И. С. Аксаковым. Вроде бы упомянутое вскользь посещение И. С. Аксакова на самом деле было очень важно для автора «Дневника писателя». Ведь именно в этот день, 22 июня 1878 г., когда Достоевский написал послание супруге в Старую Руссу, Аксаков выступал с речью на заседании Московского Славянского благотворительного общества, где подверг резкой критике внешнюю политику России в отношении Турции. Достоевский же просто пишет жене: «Был у Аксакова, встретил Пуцыкевича. Очень все интересно, но все при свидании» (30, 1, 34). В этом же письме упоминается посещение Достоевского в гостинице «Европа» «почитателем», «московским миллионером» Пороховщиковым, «который

третьего года был у государя в Ливадии» (30, 1, 34). Речь идет о богатейшем купце, владельце ресторана «Славянский базар», о котором ходил комический рассказ, связанный с его поездкой в 1876 г. к царю в Ливадию с требованием объявить войну Турции. Несомненно, эти встречи были весьма полезны Достоевскому, который уже в ближайших выпусках «Дневника писателя» будет много рассуждать о Восточном вопросе.

Достоевский писал жене и о возможности печатания романа в новом московском журнале «Русская дума» под редакцией В. М. Лаврова и С. А. Юрьева. Но это сотрудничество не состоялось, а дал аванс М. Н. Катков, хотя переговоры об издании романа были перенесены на октябрь. В этот приезд Достоевский много и долго общался с Катковым, посещал книгопродавцов. В этот приезд в Москву Достоевский посетил Оптину Пустынь. Перед поездкой он «молится у Иверской» (часовня у Воскресенских ворот Кремля). Сама поездка подробно описана А. Г. Достоевской в «Воспоминаниях»: впечатления от этого паломничества, совершенного с Владимиром Соловьевым, повлияли после на создание образа старца Зосимы и рассуждения о русском иночестве.

Следующая поездка в Москву состоялась в ноябре 1878 г., Достоевский привез Каткову рукописи первых двух книг и посетил его дом в день именин. О посещении Каткова в письме к жене Достоевский сообщал с добрым юмором над московским бытом: он указал на гостиную супруги Каткова Софьи Петровны с дочерьми и многочисленными гостями: «и все какие-то старички родственники», это и кабинет хозяина, у которого «сидели тоже два каких-то *светских* московских старичка». А далее: «И вдруг вошел *сам* генерал-губернатор кн. Долгорукий, в четырех звездах и с алмазным Андреем Первозванным. – Раскланявшись сановито и с соблюдением всего своего сана (немного комическим) с Катковым, начал подавать руки гостям и первому мне. – Тут Катков поспешил сейчас же сказать ему мое имя, и Долгорукий изволил вымолвить: “Как же, та-кая зна-ме-ни-тость, гм. гм. гм” – решительно точно 40 лет назад, в доброе

старое время» (30, 1, 48). Этот маленький этюд Достоевского напоминает грибоедовскую Москву, с которой так хорошо был знаком писатель, и которая не раз была изображена им в эпистолярном, публицистическом и художественном наследии.

Продолжением зарисовки в письме можно считать обед у Любимова после разговора о романе и прочтении его Катковым: «Любимов обещал мне, по просьбе моей, ускорить чтение. “Я буду приставать к нему”, – сказал он. После того пристал ко мне, чтоб я остался обедать, “чем бог послал”. Я согласился. И вот не знаю, так ли они всегда обедают или был у них праздничный день (обедали кроме меня еще две дамы гости и один профессор Архипов): закуски, вина, 5 блюд, из которых живая разварная стерлядь по-московски. Если это каждый день у них, то, должно быть, хорошо им жить. Обед был очень оживленный» (30, 1, 49). В этом описании московской хлебосольной жизни, соседствующей с картинкой визита к Каткову, угадывается и гоголевская смеховая стихия. Не случайно изображение одного дня в Москве завершается фразой: «Вот и все, до сей минуты, мои здесь похождения» (30, 1, 49).

10 ноября 1878 г. Достоевский посетил премьеру «Бесприданницы» Островского в Малом театре, о реакции на которую не осталось сведений, поскольку письма Достоевского последних дней в Москве в этот приезд становятся иными по тональности, что связано и с трудностями в общении с редакцией «Русского вестника» (Катков заболел, а сотрудники его «обращаются свысока и небрежно со всеми» (30, 1, 52)), и с холодностью в отношениях с московской родней, вызванной спорами о «куманинском наследстве». Заканчиваются письма этой поездки такими словами: «Все гадко. Скучно мне здесь, наконец, до нестерпимости. Вдобавок мокрый снег и сквернейшая погода» (30, 1, 52).

Последний визит в Москву состоялся весной 1880 г. и связан он был с одним из самых значимых событий в жизни Достоевского – с выступлением с речью на открытии памятника А. С. Пушкину. Подробное

описание того, что происходило в Москве в течение двух недель ожидания (праздник был отложен из-за смерти императрицы) будет представлено далее, приведем здесь лишь некоторые факты. Уже 5 мая Достоевский писал С. А. Юрьеву, председателю Общества любителей российской словесности, занимающегося организацией праздника: «Я хоть и очень занят моей работой, а еще больше *всякими обстоятельствами*, но, кажется, решусь съездить в Москву по столь внимательному ко мне приглашению Вашему и глубокоуважаемого Общества любителей русской словесности. И разве только какое-нибудь внезапное нездоровье или что-нибудь в этом роде задержит. Одним словом, постараюсь приехать к 25 числу наверно в Москву и явлюсь 25-го же числа к Вам, чтоб узнать о всех подробностях, а главное, повидаться с Вами, ибо давненько уж мы не видались и, уже конечно, накопилось много о чем переговорить» (30, 1, 153). Достоевский делился с адресатом своими тревогами о том, будет ли необходимо официальное «разрешение к прочтению» («Неужели же разрешат читать вновь написанное без предварительной чьей-нибудь цензуры?» (30, 1, 153)), поскольку уже тогда осознавал, что «о Пушкине нужно написать что-нибудь веское и существенное» (30, 1, 147). Его заботило и то, как будут читать другие: по написанному тексту или без.

Достоевский поехал в Москву как депутат от Славянского благотворительного общества, вынужден был задержаться на некоторое время, хотя изначально намеревался вернуться в Старую Руссу. Остановился он в гостинице «Лоскутная» на Тверской. В первые же дни Достоевский много общался с разными людьми, в том числе и с Катковым, обговаривал дальнейшее печатание «Братьев Карамазовых» и статьи о Пушкине, которую изначально он хотел напечатать в журнале «Русская мысль» Юрьева, начавшего хитрить в связи с возможностью переноса праздника на осень. Катков же со свойственным ему удивительным чутьем «настоятельно» просил ее себе. Впервые речь о Пушкине появится 13

июня в «Московских ведомостях», а затем в специальном выпуске «Дневника писателя».

Достоевский навестил в этот приезд и свою московскую родню, с которой по-прежнему было не все просто в связи с наследством А. Ф. Куманиной. Еще 26 мая Достоевский планировал не дожидаться праздника, хотя накануне его чествовали в ресторане «Эрмитаж», где настоятельно убеждали остаться. На обеде присутствовали профессора университета, Аксаковы, Николай Рубинштейн и другие. Достоевский, в честь которого и давался роскошный обед, подробно описанный им в письме к жене, выслушивал речи, приветственные телеграммы, многочисленные тосты, в которых превозносился его талант художника и публициста. Его поразила не только щедрость произносимых в его честь слов, но и «утонченность обеда», которая «до того дошла, что после обеда, за кофеем и ликером, явились две сотни великолепных и дорогих сигар. Не по-петербургски устраивают» (30, 1, 162). Столь же поражен был Достоевским ужином, который в его честь дает богатый московский купец Лавров, издатель «Русской мысли» и «страстный, исступленный почитатель» творчества Достоевского: «Ужин был как большой обед, утонченно приготовленный, с шампанским» (30, 1, 166).

Еще один забавный штрих к московским обычаям, поражающим Достоевского. Он очень удивлен и даже недоволен был, когда узнал, что его проживание и содержание в гостинице оплачивается Московской думой. Писатель с возмущением говорил об этом управляющему и пытался отказаться от такого подарка, однако управляющий возразил, что если он откажется, то оскорбит «не только Думу, но весь город Москву» (30, 1, 165). Достоевский признавался супруге: «Не принять нельзя, разнесется, войдет в анекдот, в скандал, что не захотел, дескать, принять гостеприимство всего города Москвы и проч.». И далее Достоевский пишет: «Все удивляются моей щепетильности и прямо говорят, что я

оскорблю всю Москву, что это запомнится, что об этом толки будут» (30, 1, 165).

Окончательно убедили Достоевского остаться И. С. Аксаков, Д. В. Григорович и С. А. Юрьев, которые лично посетили его: «Кричат, что отсутствие мое почтется всей Москвой за странность, что все удивятся, что вся Москва только и спрашивает: буду ли я, что о моем отъезде пойдут анекдоты, скажут, что у меня не хватило настолько гражданского чувства, чтоб пренебречь своими делами для такой высшей цели, ибо в восстановлении значения Пушкина по всей России все видят средство к новому повороту убеждений, умов, направлений» (30, 1, 165–166).

Дальнейшее пребывания писателя в Москве было наполнено визитами, встречами, интересными знакомствами, которые, тем не менее, препятствовали продвижению работы над обещанным Каткову продолжением романа: «А «Карамазовы»-то, «Карамазовы»! Эх, в какую суетню въехал» (30, 1, 173). Уже постфактум Достоевский, рассказывая о московских торжествах, напишет В. Ф. Пуцыкевичу: «В Москве мне не давали даже выспаться – так я беспрерывно был занят и окружен новыми лицами!» (30, 1, 199). Достоевский уже из Старой Руссы, спрашивая И. А. Любимова о милом сердце Люблине, восклицал: «Как жалею, что не мог все время бытности в Москве воспользоваться Вашим милым приглашением побывать на Вашей даче. Но Вы знаете, как я был занят, в последнюю неделю так приходилось даже почти не спать по ночам» (30, 1, 197).

Успевает Достоевский в дни ожидания перенесенных праздников посетить театр, Оружейную палату и Патриаршую ризницу в Кремле (вместе с Григоровичем, Бурениным, актером Сувориным и его женой), где «осмотрели все древности» (30, 1, 180).

Конечно, главным в этот приезд было выступление на торжествах, во время которых «память национального поэта Москва праздновала по традиции широко, хлебосольно, с обилием застолий и речей, со стихами и

музыкой»⁶⁶. И такая атмосфера праздника превосходно отразилась в письмах Достоевского жене, о которых речь шла выше.

Это последнее посещение родного города писателем эмоционально описано в послании к Третьякову, с которым, как и с его женой, Достоевский сблизился в эти дни в Москве: «Будьте уверены, что теплый привет Ваш останется одним из лучших воспоминаний дней, проведенных в Москве, – дней прекрасных не для одного меня: всеобщий подъем духа, вообще близкое ожидание чего-то лучшего в грядущем, и Пушкин, воздвигшийся как знамя единения, как подтверждение возможности и правды этих лучших ожиданий, – всё это произвело (и еще произведет) на наше тоскующее общество самое благотворное влияние, и брошенное семя не погибнет, а возрастет. Хорошие люди должны единиться и подавать друг другу руки ввиду близких ожиданий» (30, 1, 190–191).

Достоевский погребен в Петербурге, но, как пишет Анна Григорьевна в своем дневнике, сам писатель хотел упокоиться в Москве, о чем говорил задолго до своей смерти. «Сегодня мы говорили о его прежней жизни и Марии Дмитриевне, и толковал, что ей непременно следует поставить памятник. Не знаю, за что только? Федя толковал, что его похоронят в Москве, но так решительно не будет»⁶⁷, – записывает она 1 октября 1876 г.

§ 2. Ф. М. Достоевский и общественно-литературная жизнь Москвы второй половины XIX в.

Достоевский был не просто писателем, литератором и публицистом. Это был человек, занимавший определенную общественную позицию,

⁶⁶ Фокин П. Е. Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 2. С. 168.

⁶⁷ Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. С. 97.

смело ее высказывающий и отчаянно отстаивающий как в художественных произведениях, так и в публицистике, выступлениях перед читателями, в письмах своим корреспондентам. Закономерно, что он, даже проживая в ссылке в Семипалатинске, а затем в Петербурге, Европе, Старой Руссе, всегда живо реагировал на все важные события, происходившие в Москве. Москва для него оставалась родным городом, ее общественно-литературная жизнь была чем-то важным и отличным от столичной круговерти. В своих замечаниях и наблюдениях, рассыпанных в литературном, эпистолярном, рукописном и публицистическом наследии, Достоевский, фиксируя яркие события или рассуждая о них, обязательно оговаривает, что тот или иной факт произошел именно в Москве.

Впервые прямой интерес к литературно-журнальной жизни Москвы Достоевский проявил в конце 1850-х гг., когда планировал свою будущность. Примерно с осени 1857 г. по октябрь 1859 г. в его письмах все надежды связаны с Москвой. Только находясь уже в Твери, когда ему было отказано в местожительстве и в Москве, и в Петербурге, Достоевский меняет планы и решает поселиться после разрешения в Петербурге. Скорее всего, писатель предполагал, что бывшему политическому преступнику скорее будет позволено вернуться в Москву, нежели в столицу. Также Достоевский считал, что Москва более подходит для здоровья и литературной деятельности. 3 ноября 1857 г. он писал брату Михаилу из Семипалатинска о надежде на позволение монарха поселиться в Москве: «Он призрит меня, несчастного больного, и, может быть, позволит возвратиться мне в Москву, для пользования советами докторов и для излечения болезни. Кроме того, где я достану себе пропитание, как не в Москве, где теперь столько журналов и где, верно, меня примут в сотрудники» (28, 1, 288). В сентябре 1857 г. Достоевский вновь писал брату о том, что «вдвое будет получать в Москве», нежели в Семипалатинске, поскольку там он сможет «отыскать себе хорошее место

сотрудника при журнале», а самое важное – надеется встретить в Москве «много добрых людей, которые могли бы мне помочь» (28, 1, 315).

Хлопоты же с прошением Достоевский начал только через год. В этом же письме он сообщал о предложении «Русского вестника» сотрудничать с ним и назвал его «первым русским журналом в настоящее время» (28, 1, 288). Там же он планировал опубликовать «Село Степанчиково и его обитатели»: «15-го декабря я высылаю в «Вестник» мою 1-ю повесть» (28, 1, 289). Работа над произведением затянулась. Достоевский пишет 23 ноября Е. И. Якушкину, что до сих пор «не успел ничего послать в Москву» (28, 1, 292), поскольку много переправляется, но по-прежнему планирует печатать в «Русском вестнике». В этом же письме он признается: «Во мне крепкая уверенность, что я буду этот год в Москве. Это обратилось во мне в неподвижную идею» (28, 1, 293). Об этом же читаем в письме В. Д. Констант, сестре М. Д. Исаевой: «В Москву я крепко надеюсь воротиться в наступающем году» (28, 1, 293). В январе 1858 г. он вступает в переписку с М. Н. Катковым по поводу сотрудничества с «Русским вестником», которое пока не состоится. В этом письме, помимо деловых переговоров, Достоевский в очередной раз отметил: «Теперь я подаю в отставку и надеюсь в конце лета, выхлопотав себе позволение, приехать жить в Москву» (28, 1, 298).

В письме отцу Марии Дмитриевне Д. С. Константу писатель вновь объясняет причины, побуждающие его ехать жить в родной город: «Уведомляю Вас, многоуважаемый Дмитрий Степанович, что я подал в отставку по расстроенному здоровью и надеюсь, что мне разрешат жить в Москве. Делаю я это, во-первых, потому, что я действительно болен; во-вторых, что здешняя служебная карьера не представляет мне никакой выгоды, а в-третьих, средства к содержанию увеличатся вдвое с переездом моим в Москву. Здесь все дорого и гнило» (28, 1, 307). Достоевский не писал тестю о том, как именно собирается он увеличить доходы вдвое, но понятно, что свои надежды он связывал с литературно-журнальной

деятельностью, хотя переговоры от его имени о сотрудничестве брат Михаил Михайлович вел и с петербургскими журналами «Русское слово», «Современник», «Отечественные записки», в которых Краевский и опубликовал «Село Степанчиково и его обитатели», хотя деньги от Каткова за обещанную повесть и большой роман (замысел не был реализован) были получены весьма кстати. Достоевский благодарил Каткова его в письме от 8 мая 1858 г., где вновь рассказывал редактору «Русского вестника» о просьбе позволить жить в Москве для лечения: «И потому крепко надеюсь поселиться в Москве». И тут же признается, что ему это необходимо для «успеха литературных занятий». В конце письма с полной уверенностью быть в Москве пишет: «Надеюсь, еще уведомить Вас о себе, до тех пор как приеду в Москву» (28, 1, 308). Именно Катков выручил его, отправив триста рублей аванса. Впрочем, Катков спасал Достоевского не раз, несмотря на сложные, запутанные, наполненные обоюдными обидами отношения писателя и редактора «Русского вестника» на протяжении всей напряженной и безденежной жизни Достоевского. В тот же период измученному ожиданием отставки, истерзанному болезнью и материальными проблемами писателю очень дорого, что Катков его не торопит и даже пишет «благородное письмо», в котором уверяет Достоевского, что не стоит торопиться. К слову, резко меняется отношение писателя к редактору после того, как по разным обстоятельствам Катков не отвечает на послания Достоевского и ко времени не отправляет еще денег.

В период проживания в Твери Достоевский с большим интересом изучает «Московский вестник», в котором принимал активное участие А. Н. Плещеев, пытавшийся привлечь к сотрудничеству Достоевского. С редактором «Русского вестника» тесно связан и следующий важный аспект проблемы «Достоевский и общественно-литературная жизнь Москвы» – это полемика журнала «Время» с московскими периодическими изданиями, в которой писатель принимал самое деятельное участие.

Подробно этот вопрос освещен уже в книге В. С. Нечаевой⁶⁸ и в комментариях В. А. Туниманова, А. И. Батюто к полному собранию сочинений писателя в 30 т. (и Нечаева, и комментаторы тома, изданного в 1979 г., подчеркивают реакционность Каткова и даже пишут о солидарности Достоевского в этих публикациях с демократическим «Современником») и в ряде других исследований⁶⁹.

Как отметила В. С. Нечаева, «в течение всего существования «Времени», а в первый год особенно, полемика Достоевского была в основном нацелена на издания Каткова — «Русский вестник», «Современная летопись», «Московские ведомости»⁷⁰. Все эти печатные органы издавались в Москве и редактировались М. Н. Катковым («Московские ведомости» с 1863 г)⁷¹. Это же отмечает современная исследовательница С. В. Березкина, которая подчеркивает и определенную схожесть взглядов Каткова и Достоевского: «Взаимоотношения Достоевского с Катковым в период издания журналов “Время” (в особенности) и “Эпоха” были сложными. На страницах своих журналов Достоевский и Катков обменивались в критико-публицистических работах выпадами, порой очень жесткими, причем пик этих выступлений пришелся на 1861–1863 гг. Тем не менее, близость в общественно-политических

⁶⁸ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.

⁶⁹ Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854 – 1862. Л.: Наука, 1980. 281 с.; Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. 269 с.; Пашаева Т. Н. Критическая деятельность Ф. М. Достоевского в журнале «Время». Полемика с М. Н. Катковым // Литературное обозрение: история и современность. 2011. № 1. С. 28–32; Шилова Н. Л. Редакционная концепция литературы в критике и публицистике журналов «Время» и «Эпоха» (1861–1865): дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2002. 211 с.

⁷⁰ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. С. 268.

⁷¹ О редакционной политике М. Н. Каткова см.: Первалова Е. В. Программа русского либерализма в первые годы правления Александра II (по материалам журнала М. Н. Каткова «Русский вестник») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 125–132.; Первалова Е. В. В борьбе за литературные таланты: гонимая политика журнала «Русский вестник» в 1850–1880-е гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. С. 65–90 и др.

взглядах обоих литераторов делала возможным сотрудничество их в одном периодическом издании»⁷².

Мы коснемся лишь тех случаев, которые связаны с личными выступлениями писателя в дискуссиях с ведущими московскими журналами и газетами в период существования журналов «Время» и «Эпоха». Так в целом ряде статей 1861 г. – «Образцы чистосердечия», ««Свисток» и «Русский вестник»», «Ответ «Русскому вестнику»», «Литературная истерика», «По поводу элегической заметки «Русского вестника»» – Достоевский со свойственной его публицистическому стилю резкостью упрекал катковский журнал в «олимпийском» высокомерии (в письмах Достоевского Катков не случайно именуется «Юпитером») и нетерпимости к оппонентам. Важно подчеркнуть, что в статьях 1861 г. отсутствует критика самого направления журнала, которая появится в 1862 г.

В статье «Образцы чистосердечия» (1861 г. №3) «Время» упрекало «Русский вестник» в нападках на Е. Э. Толмачеву, которая на благотворительном вечере в Перми слишком экстравагантно прочитала «Египетские ночи» А. С. Пушкина, а в следующих статьях «Времени» Достоевский выступил своего рода защитником «свободы слова». Писатель никогда не был сторонником «Свистка», как и всего «Современника», и сам выступал с критикой их направления, но Достоевский не мог не упрекнуть «Русский вестник» в недостойном тоне в отношении оппонентов и в преувеличении роли «Свистка» для русского общества.

Стиль статей Достоевского, направленных против популярного московского журнала, отличается ирония, постепенно переходящая в едкую критику. Упрекая журнал Каткова в «книжности» («Ваши споры, задоры,

⁷² Березкина С. В. Ф. М. Достоевский и М. Н. Катков (Из истории романа «Преступление и наказание») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 72. Вып. 5. 2013. С. 16.

ваша диалектика, ваша полемика оставались для нас одной книгой, и потому отзывались чем-то книжным, а не живым» (19, 108)), Достоевский выступал и против раздражающей его позиции «Русского вестника» как центрального органа отечественной журналистики: «Каждый считает себя исходным пунктом, спасением человечества. Каждый лезет в триумфаторы» (19, 111). Более всего Достоевского возмущало в позиции журнала его пренебрежение русской литературой и, конечно, Пушкиным, о котором так много рассуждает писатель в цикле этого же, 1861 г. «Ряд статей о русской литературе» и в рассматриваемых статьях. Уже в 1861 г. формулируется мысль Достоевского о пушкинской «способности всемирности, всечеловечности, всеотклика» (19, 114), которая будет озвучена в знаменитой речи в Москве на открытии памятника поэту спустя двадцать лет. Именно поэтому Достоевский никак не мог согласиться со словами Каткова о том, что Пушкин был явлением временным, но не столь значимым, как Шекспир, Шиллер или Гете (эти идеи высказывались Катковым в статье «Наш язык и что такое свистуны» («Русский вестник», 1861, №3)). Достоевский пишет о «Русском вестнике» и его позиции в части III «Книжность и грамотность» «Ряда статей о русской литературе»: «Ему указывают на факт необыкновенного общечеловеческого стремления русского племени, указывают на одного из провозвестников этого стремления — Пушкина, говорят ему, что явление это неслыханное и беспримерное между народами, что оно может свидетельствовать о чрезвычайно оригинальной черте русского характера, что оно, может быть, есть главная сущность русской народности. Но «Русский вестник» не слушает, а говорит, что и самой-то народности нет. . .» (19, 20).

Самый резкий выпад против «Русского вестника» – это большой ответ журналу на его критику «Времени» («Ответ “Русскому вестнику”»). Достоевский говорит о «нетерпимости» и о «неуважении к личности других» как особенности редакционной политики журнала Каткова. Вновь возвращаясь к скандалу, связанному с чтением Толмачевой «Египетских

ночей», Достоевский критикует катковцев за высокомерие и фальшь, за непонимание Пушкина и текущих проблем русского общества и литературы и завершает свою статью следующими словами: «Если разглядеть это, то какую неотразимую фальшью отзовется этот громкий тон, этот самоуверенный язык статьи. К чему же служит эта страшная шумиха? Кого и зачем нужно обманывать с таким великим усердием? Дурной пример дает «Русский вестник» русской литературе!» (19, 139)

Показательно, что возмущает Достоевского «невозможный язык» и другой статьи «Русского вестника», написанной Катковым и направленной против «Времени». Комментаторы академического собрания сочинений предполагают, что Катков был убежден, что автором не понравившейся ему статьи был сам Достоевский, хотя она написана другим автором. Достоевский полностью включает ее в свою статью под названием «Литературная истерика», где характеризует раздражение «Русского вестника» как «истерически-женское», заключение его статьи – «площадной пошлостью», а сам обмен колкими статьями между двумя журналами предлагает оформить в форме постоянного отдела для переписки с Катковым и его изданием (19, 146). Очень скоро выходит еще одна статья – ответ на катковские «Заметку для журнала “Время”» и «Элегическую заметку», в которых редактор «Русского вестника» вновь полемизирует с журналами «Современник» и «Время». В своем ответе Достоевский упрекал Каткова в хлестаковщине, в пренебрежении к противникам и вновь в высокомерии и самонадеянности, прямо назвал уроки «Русского вестника» «тупой отвлеченностью» (19, 176), а его путь – «торной, гладкой» дорожкой, намекая на проправительственную политику журнала. В числе выпадов в адрес Каткова можно упомянуть и не опубликованную во «Времени» статью об университетах, где Достоевский спорил с катковской «Современной летописью».

Еще резче выступил Достоевский в 1862 г. Здесь уже он прямо заявил о либерально-западническом направлении журнала, хоть и консервативного толка. В статье «Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и переодеваниями» он выступил с резкой и обличительной пародией на Каткова и его журнал. Достоевский сочиняет сон, где представляет «обед по подписке», на котором берет слово Оратор, он же Катков, прямо заявляющий о своем превосходстве над всеми в современной журналистике, о непомерном самолюбии: «Из самолюбия я и журнал основал. Я хотел первенствовать, блистать и покорять» (20, 40). Также Достоевский речами вымышленного Оратора разоблачает западнический характер журнала, но с оттенком московским, выражающимся в слепой подражательности Европе, в первую очередь, Англии.

Конечной точкой в полемике «Времени» в лице Достоевского с Катковым станет определение последнего в статье 1863 г. «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» как «фаддейбулгаринствующего на Москве» (20, 56). Это был жесткий намек на проправительственный характер издания. Правда, еще были далее резкие характеристики катковских «Московских ведомостей» после публикации в них статьи К. А. Петерсона, разоблачающей «Роковой вопрос» Н. Н. Страхова. К слову, после закрытия «Времени» Катков сам написал разбор «роковой» для братьев Достоевских статьи и снял основные обвинения Петерсона. Еще одним изданием, с которым полемизировал Достоевский, была газета «День» И. С. Аксакова, также критически настроенная по отношению к статье Н. Н. Страхова.

Уже через самое короткое время, в 1865 г., Достоевский, ведя переговоры с «Русским вестником» об издании «Преступления и наказания», опасался, что М. Н. Катков не простит ему этой довольно острой и язвительной полемики, припомнит события 1858 г., когда писатель, взяв аванс у Каткова, не прислал в редакцию обещанную

повесть. Эти тревоги он высказал в послании А. Е. Врангелю сразу после отправки письма самому Каткову (сохранился лишь черновик этого письма) с просьбой о печатании у него в журнале нового романа и кратким изложением плана будущего «Преступления и наказания». Достоевский признался А. Е. Врангелю, что его беспокоят два обстоятельства: это несостоявшееся в конце 1850-х гг. сотрудничество и «журнальные потасовки» между «Русским вестником» и «Временем»: «Катков до того самолюбивый, тщеславный и мнительный человек, что я очень боюсь теперь, чтоб он, припомнив прошлое, не отказался высокомерно теперь от предлагаемой мною повести, и не оставил меня с носом» (28, 2, 140). Но Катков не только издаст первый роман «великого пятикнижия», но «Русский вестник» станет тем журналом, в котором будут далее напечатаны «Бесы» и «Братья Карамазовы». А. Н. Майкову в марте 1870 г. Достоевский писал: «Один «Русский вестник» меня не стеснял. Благороднейшие люди!» (29, 2, 119) И, конечно, в знаменательные дни открытия памятника А. С. Пушкину Достоевский и Катков будут по одну сторону баррикады, о чем речь пойдет ниже.

Если в период издания «Времени» Достоевский активно дискутировал с «Русским вестником», то с 1864 г., в короткий период выхода «Эпохи» и в дальнейшем, он чаще обращается к «Московским ведомостям». Разногласия Достоевского с печатными органами М. Н. Каткова в середине 1860-х гг. не распространялись на вопросы международной политики. Подробно эта проблема освещена А. Г. Гачевой в монографии «“Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...” (Достоевский и Тютчев)» в главе «Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев и «Московские ведомости» (Проблемы внешней политики)». Исследовательница отмечает: «Газета “Московские ведомости” много дала Достоевскому для выработки собственной мировоззренческой линии в рассуждениях о внешней политике, для понимания расстановки сил на международной арене, политических взаимоотношений России и Запада.

Во многом именно на передовицах этой газеты учился Достоевский оценке текущих событий с точки зрения национально-исторической. Однако «Московские ведомости» никак не затрагивали тот высший, религиозный, метафизический план, который для Достоевского стоит за движением истории и в котором, по его убеждению, скрыты главные, корневые причины текущего»⁷³.

Параллельно с этой дискуссией Достоевский как соредактор журнала «Время» вступил в диалог с новой газетой «День» – еще одним московским изданием, обзор которого делается в главке «Последние литературные явления» упомянутого ранее «Ряда статей о русской литературе» («Время», 1861, № 11) и полемика с которым продолжается в статье «Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого)» («Время», 1862, № 2). Достоевскому как идеологу и пропагандисту почвенничества важно показать несостоятельность некоторых идей славянофильства: «Это все те же славянофилы, то же чистое, идеальное славянофильство, нимало не изменившееся, у которого идеалы и действительность до сих пор так странно вместе смешиваются; для которого нет событий и нет уроков. Те же славянофилы, с тою же неутомимою враждой ко всему, что не ихнее, и с тою же неспособностью примирения; с тою же ярою нетерпимостью и мелочностью, совершенно нерусскою формальностью» (19, 58). Почвеннику Достоевскому претит категоричность славянофилов в отношении западников. Славянофильство, по мнению писателя, «смело задало себе последний вопрос, с болью разрешило его и, через самосознание, воротилось-таки на народную почву» (19, 61).

Отказывая «Дню» в «чутье действительности», Достоевский отмечал, что «идеализм одуряет, увлекает и – мертвит» (19, 63). Признавая знание славянофилами основ русской жизни, их любовь к Родине,

⁷³ Гачева А. Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 563.

Достоевский говорил о непонимании народа и современного его положения. Это заставляло сделать вывод о том, что новая газета не оправдала ожиданий «Времени». Но Достоевский выступил и в защиту «Дня». Он вновь и вновь, как и в полемике с «Русским вестником», писал о недопустимости брани и откровенного оскорбления оппонентов. В. А. Туниманов точно подмечает, что «нападки либеральной прессы на газету “День” – для Достоевского еще одно свидетельство общего неблагоприятного положения в разрозненном, раздробившемся на множество групп и партий образованном русском обществе. Он против “терроризма мысли”»⁷⁴.

В 1862 г. Достоевский как сотрудник журнала «Время» продолжает полемизировать с изданиями разных направлений, в том числе и с газетой «День». Возможно, это связано и с тем, что славянофильская московская газета являлась «конкурирующим печатным органом»⁷⁵ петербургскому журналу братьев Достоевских. Хотя, как утверждает А. Г. Гачева в упомянутой выше монографии, именно аксаковская газета поспособствовала религиозно-философскому осмыслению Достоевским современной действительности, «раскрытию всемирно-исторического смысла политических фактов»⁷⁶. По мнению исследовательницы, выступления друг против друга помешали «Дню» и «Времени» создать «в русской журналистике начала 1860-х гг.» «славянофильско-почвенническую коалицию, которая смогла бы усилить вес и значение и обоих родственных по духу органов русской печати, и проповедуемых ими идей»⁷⁷.

Ведя полемику в качестве редактора журнала «Время» и с «Русским вестником», и с газетой «День», Достоевский всегда подчеркивал, что оба

⁷⁴ Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854–1862. Л.: Наука, 1980. С. 200.

⁷⁵ Гачева А. Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 495.

⁷⁶ Там же. С. 563.

⁷⁷ Там же. С. 495.

издания московские и выражают определенные настроения, ассоциирующиеся в сознании публициста Достоевского с консерватизмом, не терпящим ничего нового и свежего, сопротивляющегося и протестующего, хоть и совершенного разного толка.

Как указывалось в первом параграфе настоящей главы, Достоевский с осени 1863 г. по весну 1864 г. проживал с женой в Москве и практически не принимал никакого участия в литературной и общественной жизни города. Однако известно, что в декабре он присутствовал на заседании Комитета Литературного Фонда, где говорилось «об учреждении в Москве отделения фонда и об устройстве 15 декабря Литературного чтения в Купеческом клубе, принять участие в котором Комитет просил А. Н. Майкова, А. П. Милюкова, Я. П. Полонского»⁷⁸. В вышеуказанном заседании Достоевский участвовал вместе с А. П. Милюковым, Я. П. Полонским и Н. В. Успенским. Также Достоевский принимал участие 4 апреля 1864 г. в «Литературном утре в пользу студентов», где читал фрагмент «Записок из Мертвого дома» (об этом он написал брату Михаилу на следующий день).

Несомненно, Достоевский, всегда так внимательно относившийся к периодическим изданиям, черпавший из них сюжеты для своих произведений и даже в заграничных поездках просматривавший русскую прессу, не мог и в последующие годы проигнорировать важные публикации наиболее авторитетных журналов и газет. Хотя до «Дневника писателя» он не вступал в открытую полемику и не выступал как публицист. Достоевский по-прежнему с живым интересом читал и ту периодику, которая выходила под руководством М. Н. Каткова, но уже теперь не дискутировал со своим постоянным редактором, а поддерживал его. Например, он признался в письме к Каткову: «Вы не поверите, с каким

⁷⁸ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. 1821–1881 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Фридлендера Г. М., Будановой Н. Ф. Т. 1. 1821–1864. СПб.: Акад. проект, 1993. С. 432.

восторгом читаю я теперь «Московские ведомости». Все увидели и узнали теперь, что они всегда были независимым органом, безо всяких внушений и субсидий, а это слишком важно, что все узнали это наконец. Это пьедестал» (28, 2, 155). На первый взгляд это может показаться лестью, но Достоевский в этом же письме отмечает, что, несмотря на «самую сердечную привязанность, самое горячее уважение за правду и за прекрасную деятельность», он не может согласиться с позицией «Московских ведомостей» по многим пунктам, поскольку остается «по убеждениям настоящим славянофилом» (28, 2, 154).

Очень важно, что в этом письме Каткову, написанном в период работы над «Преступлением и наказанием», Достоевский изложил свои мысли об опасности современных нигилистов, дал им характеристику и указал, что многие, в том числе «Московские ведомости», недооценивают значения нигилистов в русской жизни. Интересно, что редактору изданий, считающихся в обществе проправительственными, Достоевский излагает мысли о необходимости в борьбе с нигилизмом свободы слова, поскольку только так они могут дискредитировать свое «учение», сейчас же, по словам писателя, «придают им вид сфинксов, загадок, мудрости, таинственности. А это прельщает неопытных» (28, 2, 155).

В 1870 г. Достоевский признается в письме Н. Н. Страхову, что среди русских газет, в которых все «скороспело и без собственной мысли» (29, 1, 150), выделяет, как исключение, только «Московские ведомости». Достоевский очень внимательно прочитывал эту газету. И в записных тетрадях 1860–70-х гг. постоянно можно встретить упоминания «Московских ведомостей», отзывы о которых всегда комплементарны. Именно эта газета будет являться источником и разного рода событий, ложившихся в основу многих сюжетных ходов в произведениях писателя и обсуждаемых в статьях и очерках «Дневника писателя».

С отсылки к катковской газете начинается и «Дневник писателя» 1873 г., вышедший тогда в журнале «Гражданин». Вновь Достоевский

выделяет «Московские ведомости» среди других газет. Не случайно, что в записных тетрадях 1870-х гг. можно встретить такие замечания: «“Москов<ские>ведом <ости>” лучшая из газет. Остальные желтороты. Желтороты даже и седые из газет» (24, 259).

Интересна небольшая, полушуточная полемика Достоевского с московским фельетонистом петербургской газеты «Голос» по поводу опубликованных в «Дневнике писателя» 1873 г. «Маленьких картинок» – потрясающих художественно-публицистических зарисовок о современной жизни Петербурга. Достоевский упоминает о том, что критикующий его московский учитель уверяет в произведенном в «древней столице» фуроре – «в рядах и Зарядье» и нарекает три картинки «гостинодворским фельетоном» (21, 114), интересном исключительно определенному, не весьма образованному читателю.

Помещается и в редактируемом «Гражданине» письмо одной слушательницы московских высших женских курсов, в котором утверждается, что женское образование в Москве превосходит петербургское положение дел, поскольку в столице все пронизано фальшью. Достоевский от лица журнала пишет о поддержке женского образования и обращается с просьбой извещать «о судьбе московских женских курсов» (21, 156).

Еще один важный факт участия писателя в жизни московского образования – это переписка со студентами Московского университета. 8 апреля 1878 г. Достоевский получил письмо от шестерых студентов-филологов Московского университета (Ф. Самарина, С. Свербеева, Д. Свербеева, Д. Некрасова, П. Милюкова, Н. Долгорукова), в котором они просили писателя высказаться по поводу одного обсуждаемого в русской прессе события. В Москве, на Охотном ряду были избиты студенты разных учебных заведений, которые собрались для встречи ссыльных товарищей из Киевского университета. Избиты были они толпой торговцев. Студенты писали Достоевскому: «В два года мы привыкли обращаться к Вашему

“Дневнику” за разрешением и правильной постановкой поднимавшихся перед нами вопросов; мы привыкли пользоваться Вашими решениями для установления собственного взгляда и уважать их, даже когда не разделяли» (30, 1, 272). 18 апреля Достоевский написал ответ, который по цензурным соображениям нельзя было публиковать. Это не просто «маленькое письмецо», как утверждал сам писатель. Это очень уважительное, корректное и обстоятельное письмо, в котором Достоевский поддерживает студентов, но говорит об их, детях современного общества, оторванности от народа, увлечении «европеизмом». Возмущает писателя и то, что студенты в своем письме называют «московский народ «мясниками» вместе со всей интеллигентной прессой» (30, 1, 23). Достоевский не оправдывает народ, но предостерегает от развития в дальнейшем взаимного отчуждения интеллигенции и народа. Примечательно, что в письме к московским студентам писатель как бы отделяет их от столичных: «У нас здесь в Петербурге черт знает что. У молодежи проповедь револьверов и убеждение, что их боится правительство» (30, 1, 24). Достоевский всячески избегает менторского тона, о чем напрямую пишет студентам, которых полагает за искренних и честных людей, живущих в «мучительное время», в эпоху, когда, по мнению писателя, «надо прежде всего разучиться презирать» народ и «уверовать в Бога» (30, 1, 25). Но все это высказывается с удивительной осторожностью и тактом: «Кланяюсь вам, господа, и, если позволите, жму вам руку. Если хотите мне сделать большое удовольствие, то, ради Бога, не считите меня за какого-то учителя и проповедника свысока. Вы меня вызывали сказать правду от сердца и совести; я и сказал правду, как думал и как в силах думать. Ведь никто не может сделать больше своих сил и способностей. Ваш весь Федор Достоевский» (30, 1, 25).

Следующим, но уже прозвучавшим на огромную аудиторию, будет выступление перед московской молодежью на открытии памятника Пушкину в июне 1880 г., куда будут приглашены студенты Московского

университета и слушательницы Высших женских курсов Н. Герье. Пожалуй, это самый яркий факт участия Достоевского в общественно-литературной жизни Москвы, о котором И. Л. Волгин писал как об «историческом феномене»: «В 1880 году русский писатель впервые обратился к русскому образованному обществу не только “через литературу”, но – с “настоящей” общественной трибуны: такой, которая в силу обстоятельств приобретала общенациональный характер. Впервые в речи, сказанной по частному (литературному) поводу, затрагивались мировые вопросы»⁷⁹. В его книге «Последний год Достоевского», как и в «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского», в комментариях к полному собранию сочинений (том 26) и в большом монографическом исследовании Маркуса Ч. Левитта «Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года» дается подробный и обстоятельный очерк этих дней.

«“Пушкинская речь” Достоевского сама по себе — как общественно-культурное событие и литературно-публицистическое сочинение — стала важнейшим информационным событием 1880 г. Вне зависимости от того, как приняли слова Достоевского его адепты и оппоненты, они прочно вошли в сознание русской читающей публики как исключительные, вдохновенные, жгущие — пророческие. Последовавшая вскоре смерть Достоевского придавала им статус “духовного завещания”», — утверждают П. Е. Фокин и А. В. Петров⁸⁰. В 2020 г. были опубликованы два важных исследования, в которых полно и подробно с привлечением новых материалов освещается все то, что связано с этими важными днями в личной судьбе Достоевского и всей образованной России. Это процитированная выше статья П. Е. Фокина и А. В. Петрова «“Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда

⁷⁹ Волгин И. Л. Последний год Достоевского: Исторические записки. М.: Советский писатель, 1991. С. 208.

⁸⁰ Фокин П. Е., Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 184.

Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля)», а также статья В. В. Викторovichа, вышедшая в №4 этого же журнала, ««Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников». В обеих работах, написанных к 140-летию торжеств, воссоздается яркая мозаика тех дней, по крупицам собранная из различных источников – журналов, газет, писем, мемуаров, отчетов репортеров, телеграмм и проч. – и дополняющая тот обширный материал, который уже рассматривался биографами Достоевского. Но далеко не все отзывы о триумфе писателя были разобраны и проанализированы ранее. Фокин и Петров предлагают полный свод публикаций, впервые размещают и анализируют многие отзывы слушателей речи, которые ранее не рассматривались в достоевистике. Дополняют эти разыскания наблюдения В. А. Викторovichа: он тщательно анализирует самые разнообразные источники и пытается воссоздать объективную картину события, которая было отчасти искажена и даже мистифицирована как женой, дочерью писателя, восторженными почитателями его творчества, так и его оппонентами. И соавторы первой статьи, и Викторovich сходятся в том, что на современном этапе необходимо по-новому осветить это «ключевое событие русской культуры»⁸¹, возможно, более трезво и критически отнестись к различным источникам. Не ставя перед собой такой фундаментальной задачи, остановимся лишь на самой атмосфере, в которой произносил свою речь Достоевский.

Торжества были событием не только в судьбе Достоевского, но значимым фактом истории Москвы. По точному утверждению С. О. Шмидта, «московский Пушкинский праздник стал всероссийским, и информация об этом событии (обычно достаточно пространная, с перепечаткой некоторых речей и материалов московских и петербургских газет) появилась в очень многих провинциальных периодических

⁸¹ Викторovich В. А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 48.

изданиях. Это возвышало и роль Пушкина, и роль Москвы в истории и развитии отечественной и мировой культуры»⁸². Необходимо учитывать, что неофициальная Москва в это время была по преимуществу оппозиционна правительству и значительно более либерально настроена, нежели правительственный Петербург, в котором сосредотачивались при этом революционные силы.

По разным причинам в празднике отказались участвовать И. А. Гончаров (по состоянию здоровья), А. А. Фет и М. Е. Салтыков-Щедрин (нежелание участвовать в подобном мероприятии), Л. Н. Толстой (в силу переживаемого им в это время духовного переворота, о котором Достоевский пишет жене: «Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошел и даже, может быть, совсем сошел» (30, 1, 166)). И становится ясно, что эти дни будут противостоянием двух писателей – И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского – как знаковых фигур противоположных идеологий. Москва готовилась именно к триумфу Тургенева, о чем сохранились многочисленные воспоминания. Достоевский знал об этом. Еще 19 мая, находясь в Старой Руссе, он признался Победоносцеву: «Я уже и в Петербурге мельком слышал, что там в Москве свирепствует некая клика, старающаяся не допустить иных слов на торжестве открытия, и что опасаются они некоторых ретроградных слов, которые могли бы быть иными сказаны в заседаниях Люб<ителей> российской словесности, взявших на себя всё устройство праздника. Меня же именно приглашал председатель Общества и само Общество (официальной бумагой) говорить на открытии. Даже в газетах уже напечатано про слухи о некоторых интригах. Мою речь о Пушкине я приготовил, и как раз в самом крайнем духе моих (наших то есть, осмелюсь так выразиться) убеждений, а потому и жду, может быть, некоего поношения. Но не хочу смущаться и не боюсь, а своему делу

⁸² Шмидт С. О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // Шмидт С. О. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: РГГУ, 2012. С. 262.

послужить надо и буду говорить небоязненно. Профессора ухаживают там за Тургеневым» (30, 1, 156).

Говоря об интригах, Достоевский имел в виду попытки отстранить от участия в торжествах М. Н. Каткова, который выступал в итоге только как представитель Московской думы и на думском обеде. Колеблясь между участием и отказом от выступления, Достоевский осознает, что его решение принять участие в Пушкинском празднике превращало безобидное светское мероприятие в идейное ристалище. В ожидании торжеств Достоевский в письмах жене постоянно будет высказывать свою тревогу («партия у них сильная» (30, 1, 173); «кажется, действительно готовятся что-то сказать нам в пику на заседаниях и обедах» (30, 1, 174) и т.п.). Незадолго до самого празднования проходит собрание у Тургенева, на которое не был приглашен Достоевский. На этом собрании обсуждается программа праздника и все то, что он планировал прочитать из Пушкина, распределено между другими, а его просят прочитать «Пророка». Достоевский согласен, но удивлен, что его не уведомили об этом. Тогда же он узнает, что Каткова лишают пригласительного билета и называет это «свинством». Неуютно он чувствует себя и в Думе, куда собираются накануне праздника все депутаты: «Подходил ко мне Островский – здешний Юпитер. Любезно подбежал Тургенев. Другие партии либеральные, между ними Плещеев и даже хромой Языков, относятся сдержанно и как бы высокомерно: дескать, ты ретроград, а мы-то либералы. И вообще здесь уже начинается полный раздор. Боюсь, что из-за направлений во все эти дни, пожалуй, передерутся. История исключения Каткова из празднеств возмущает ужасно многих» (30, 1, 180).

Достоевский беспокоился. Действительно, на торжествах должны были доминировать западники, представленные не только выступающими, но и приглашенными. На праздник были розданы пригласительные билеты московскому студенчеству, отношение которого к автору романа «Бесы» было далеко не однозначным, тогда как Тургенев почитался ими. Об этом

хорошо пишет слушательница курсов западника В. И. Герье Е. Н. Леткова-Султанова, которая вместе со своими подругами присутствовала на Пушкинском празднике оба дня и была свидетельницей: «Достоевский занимал слишком большое место в общественной и политической жизни того времени, чтобы молодежь так или иначе не отзывалась на его слова и приговоры. В студенческих кружках и собраниях постоянно раздавалось имя Достоевского. Каждый номер «Дневника писателя» давал повод к необузданнейшим спорам»⁸³. Мемуаристка точно подмечает двоякость отношения к писателю: с одной стороны, яростно не принимаемые молодежью Москвы его консервативно-ретроградные статьи «Дневника», «Бесы», которые «ненавидели», а с другой – страдалец, прошедший каторгу и ссылку, автор пламенных «Братьев Карамазовых». Как утверждает Леткова, «молодежь же отчаянно боролась с обаянием имени Достоевского»⁸⁴.

Интуитивно сам Достоевский понимал, что именно его речь в Москве на открытии памятника Пушкину может быть тем явлением, которая позволит перетянуть на свою сторону молодое поколение, отвоевать его от соблазнов западных и социалистических идей, столь популярных в интеллигентном обществе. В этом же его убеждают И. С. Аксаков, С. А. Юрьев, Д. В. Григорович, М. Н. Катков. Так сам Достоевский пишет в письме жене: «Остаться здесь я должен и решил, что останусь. Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни Любители р<оссийской> словесности, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хотят умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая саму народность. Оппонентами же им, с нашей стороны, лишь Иван Серг<еевич> Аксаков (Юрьев и

⁸³ Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. С. 449.

⁸⁴ Там же.

прочие не имеют весу), но Иван Аксаков и устарел, и приелся Москве. Меня же Москва не слыхала и не видала, но мною только и интересуются. Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы» (30, 1, 169).

Достоевский оказался совершенно прав. Тургенев в своей речи заявил о том, что Пушкина нельзя назвать ни национальным поэтом, ни поэтом всемирного значения масштаба Шекспира, Сервантеса или Гете. Как утверждает Левитт, «ожидалось, что Тургенев, которого в первый же день праздника приветствовали как «прямого и достойного наследника» Пушкина, выскажется в своей речи о его значении и приведет либералов на торжествах к триумфу. Эти ожидания не оправдались»⁸⁵.

На самих торжествах у Тургенева, по словам Достоевского и Аксакова, была клакеры как раз из числа студентов и курсисток Герье (этим и объясняется легкость получения ими билетов на праздник). И первый день был победой Тургенева. После открытия памятника на площади люди столпились вокруг Тургенева и аплодировали ему, что продолжилось в Московском университете, где появление писателя, по воспоминаниям многих присутствующих, вызвало настоящую истерию. Там же ректор Н. С. Тихонравов объявил о том, что почетными членами Московского университета избраны Я. К. Грот, П. В. Анненков и И. С. Тургенев. После Тихонравова выступал В. О. Ключевский. Понимание того, что происходило, дают воспоминания упомянутой ранее Екатерины Летковой, которая пишет: «Тургеневу, когда он садился в коляску на площади, сделали настоящую овацию, точно вся эта толпа безмолвно сговорилась и нарекла его наследником Пушкина. И в университете, куда мы сейчас же отправились на торжественное заседание Общества любителей русской словесности, — опять Иван Сергеевич был

⁸⁵ *Левит Маркус Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994. С. 104.

центром внимания. Избрание его в почетные члены было встречено с такими радостными кликами, каких, конечно, не слышали еще стены университета.

...Речь нашего Ключевского — лучше всех. Какое громадное значение придает он Пушкину и как историку, именно в художественном произведении его “Капитанская дочка”. “История Пугачевского бунта” — только историческое примечание к ней... XVIII век в России... Русский чувствует себя рожденным не европейцем, а обязанным сделаться европейцем.

...Вечером Благородное собрание. До рассвета... И опять Пушкин сливается с Тургеневым. Мы забрались за колонны, к эстраде, чтобы видеть поближе участников. Прошел, странно съездившись, Ф. М. Достоевский (днем я его не видела), степенно проследовал Островский; прошел Писемский, переваливаясь с ноги на ногу; пролетел Григорович с длинными седыми “баками”, и все скрылись за эстрадой, в круглой комнате»⁸⁶.

Достоевский на следующий день написал письмо жене, в котором подробно рассказал о событиях. В первый день, несмотря на то, что он «превосходно» прочел монолог Пимена (присутствующие так и отзывались о его чтении), Тургенева, читавшего Пушкина, вызывали больше (семь раз выходил на вызовы). В этой связи писатель вновь говорит жене о клакерах Ковалевского, которые и устроили овации Тургеневу. Скорее всего, это были просто студенты и курсистки, обожавшие Тургенева. Правда, Достоевский отмечает, что аплодисменты были и ему после чтения, «хотя хлопала одна лишь публика, сидевшая в креслах» (30, 1, 182) и что ему поднесли цветы дамы, среди которых была жена Третьякова. Таким образом, можно говорить, что в первый день Достоевский был принят только московским светом, но не

⁸⁶ Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. С. 452.

демократической молодежью, которая была настроена против «ретроградного» писателя.

Эта первая часть праздника стала поистине триумфом западной партии, который продолжился на следующий день на утреннем заседании Общества любителей российской словесности, где после выступления нескольких ораторов свою речь читал И. С. Тургенев. Организаторы празднеств сознательно развели выступления двух прославленных писателей. Речь Тургенева была принята очень хорошо. Достоевский пишет об этом так: «Иван Аксаков отказался читать свою речь после Тургенева (в которой тот унижил Пушкина, отняв у него название национального поэта), объяснив мне, что клакеры заготовлены уже давно и посажены нарочно Ковалевским (все его студенты и все западники), чтобы выставить Тургенева как шефа [настоящего] их направления, а нас унижить, если мы против них пойдем» (30, 1, 182). Однако и в этом письме, и в других Достоевский отмечает, что молодежь и ему признается в почитании, и пишет: «Нет, у Тургенева лишь клакеры, а у моих истинный энтузиазм» (30, 1, 183). В первые два дня казалось, что Тургеневым одержана полная победа, которая показывает и настроение студенчества, воспитанного их горячо любимой профессурой европейцами, и позицию Тургенева, не решившегося после обсуждения речи с Анненковым и «Вестником Европы» более смело высказаться о значении Пушкина, и о самой атмосфере торжеств, которые, безусловно, должны были стать полным успехом определенных общественных воззрений.

Шмидт замечает, что помимо словесного поединка Тургенева и Достоевского в эти дни были прочитаны замечательные речи А. Ф. Писемским и А. Н. Островским, но «после вызвавшей громкие аплодисменты впечатляющей речи Тургенева пресным показалось чтение писателем А. Ф. Писемским сообщения об отражении исторических взглядов Пушкина в «Капитанской дочке». Хотя это было новым словом в пушкиноведении, публика собралась не для размышлений научного

плана»⁸⁷. А на обеде после утреннего заседания 7 июня блестяще выступил Островский: «Великий драматург произнес речь не меньшего значения, чем речи двух других великих писателей – Тургенева и Достоевского»⁸⁸. Но, конечно, все ждали следующего дня торжеств и выступления Достоевского, о котором сам писатель говорит как о «главном дебюте» (30, 1, 183).

Сохранилось огромное количество свидетельств триумфа, который одержал Достоевский. Очень противоречивых, но сходных в оценке эффекта, который речь Достоевского произвела на слушателей. Не пересказывая многочисленные отклики, которые основательно освещены в науке, приведем лишь слова самого Достоевского об этой речи: «Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она! Что петербургские успехи мои!: ничто, нуль, сравнительно с этим! Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями, и мне долго, очень долго не давали читать. Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать – ничто не помогало: восторг, энтузиазм (все от Карамазовых!). Наконец, я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнем. Все, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом. (Это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений!). Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике, когда я закончил – я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить. Порядок заседания нарушился: все ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты – все это обнимало, целовало меня. Все члены нашего

⁸⁷ Шмидт С. О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // Шмидт С. О. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: РГГУ, 2012. С. 287.

⁸⁸ Там же.

общества, бывшие на эстраде, обнимали меня, и целовали, все, буквально все, плакали от восторга» (30, 1, 184).

Очень точно пишет об этом и Левит: «Возбуждение, вызванное праздником с первых же часов, было внезапным и непредсказуемым, но реакция на речь Достоевского, произнесенную в третий, последний день, превзошла все, что можно было предвидеть в самых смелых ожиданиях. Принимая во внимание «либеральный» политический подтекст, который многие усматривали в торжествах, эта речь и ее успех выглядели поразительной аномалией. Заявляя о всемирном гении Пушкина и его мессианской роли (разительный контраст с гораздо более умеренной оценкой Тургенева), Достоевский призвал интеллигенцию не к утверждению ее прав, а к самоотречению и самоуничижению. Достоевский изменил доминанту праздника, поставив его на голову, и оставил своим идеологическим оппонентам и историкам размышлять о том, что означала его речь и почему она произвела такое ошеломляющее впечатление на тех, кто ее слышал»⁸⁹. После Достоевского должен был читать свою речь Аксаков, который не смог ее прочитать накануне. Но он начал отказываться, правда, публика его уговаривала (Достоевский пишет: «Однако мы все заставили его читать» (30, 1, 185)). Прочитал свое стихотворение «Памятник Пушкину» А. Н. Плещеев, товарищ Достоевского по кружку Петрашевского. Апофеозом успеха Достоевского стал поднесенный ему лавровый венок, который тот, по утверждению Анны Григорьевны, той же ночью возложил к памятнику Пушкина.

И вторая половина дня была продолжением триумфа Достоевского, завершившегося его проникновенным чтением пушкинского «Пророка», о чем опять-таки сохранились яркие воспоминания очевидцев. Несомненно, выступление Достоевского, автора вышедших к этому времени первых частей романа «Братья Карамазовы», потрясших образованную Россию,

⁸⁹ *Левит Маркус Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994. С. 137.

затмило все другое, что происходило в дни пушкинских праздников в Москве. И сам Достоевский хотел верить, что в этот момент можно было говорить о возможном единении русского мира. Однако очень скоро стало понятно, что до идеи единения далеко. 13 июня 1880 г. речь Достоевского будет напечатана в «Московских ведомостях» (вновь победа Каткова в соперничестве разных изданий в печатании нашумевшего слова о Пушкине Достоевского). Автор убедительно просил при печати речи ничего в ней не менять и выслать ему номер «экстренно» в Старую Руссу, куда он уехал из Москвы. Достоевский придавал огромное значение публикации своего выступления, хотя и понимал, что ему «этого не простят в разных литературных закоулках и направлениях» (30, 1, 188). Именно поэтому он сразу же начал готовить к печати в «Дневнике писателя» полный и выверенный вариант своей речи.

20 июня 1880 г. он пишет резкие письма К. А. Иславину, занимавшемуся публикацией Пушкинской речи в «Московских ведомостях», и самому М. Н. Каткову. Достоевский был возмущен тем, что до сих пор не получил ни выпуска газеты, ни рукописи. Конечно, это позволяет говорить о важности для Достоевского публикации речи, несмотря на продолжавшуюся в это время его «каторжную» работу над романом. И уже в августовском номере «Дневника писателя» появится очерк «Пушкин» с большим предисловием, в котором помещены разъяснения автора. В письме к Е. А. Штакеншнейдер от 17 июля 1880 г. Достоевский пишет о том, что его «московская Речь» подверглась критике и сам «знаменательный и прекрасный, совсем новый момент в жизни нашего общества, проявившийся в Москве на празднике Пушкина, был злонамеренно затерт и искажен», он подчеркивает, что нападки идут со стороны петербургской прессы, испугавшейся «чего-то совсем нового, ни на что прежнее не похожего, объявившегося в Москве» (30, 1, 198). Отмечает Достоевский и то, что были попытки списать на «лишь благодушные сердца после московских обедов» (30, 1, 198). Действительно,

многие либерально настроенные современники (особо в этом ряду стоит А. Д. Градовский, с которым Достоевский прямо полемизирует в третьей главе единственного выпуска «Дневника писателя» за 1880 г.) писали, что такой горячий и даже излишне экзальтированный, вплоть до обмороков, прием речи был вызван самой атмосферой торжеств и силой эмоционального воздействия Достоевского-оратора на слушателей. Примечательно, что почти также атмосферу праздника и восприятие речи Достоевского описывали многие советские исследователи, в том числе авторы комментариев к полному собранию сочинений писателя в тридцати томах.

Набросились на Достоевского и демократы в лице Н. К. Михайловского и Г. Н. Успенского, и даже консерваторы, в частности, Константин Леонтьев, некоторые славянофилы (А. И. Кошелев). Поэтому понятно стремление Достоевского разъяснить суть своей речи напрямую. Писателя очень заботило объявление об издании «Дневника писателя» в «Московских ведомостях»: «Объявление в “Московских ведомостях” для меня необходимо: оно идет в глубь России, а “Голос”, “Новое время” и проч. гуляют более по окраинам» (30, 1, 230–231).

И в заключении необходимо отметить, что Достоевский до самой своей кончины живо интересовался общественной жизнью Москвы. Так, он с большим вниманием читал первые номера новой газеты И. С. Аксакова, которые появились в конце 1880 г., давал ему советы, отзывался о публикациях. В «Руси» вышло объявление о «Дневнике писателя», чему Достоевский был очень рад. Несомненно, в это время наметился новый этап в общественной деятельности писателя: готовился мощный отпор либеральным органам печати, в первую очередь, «Вестнику Европы», на страницах ежемесячных выпусков «Дневника писателя» за 1881 г. и славянофильской «Руси» Аксакова. В. Б. Китаев пишет об этом следующее: «Славянофилы были для него в это время “своими”. Альянс с

“Русью” позволял надеяться на скорое усиление “русского” направления, “русской партии”, на возобновление борьбы между славянофильством и западничеством. Однако этим планам не дано было сбыться»⁹⁰.

§ 3. Москва в публицистике Ф. М. Достоевского (историко-культурологический аспект)

Публицистика Достоевского от первых его статей в 1840-е годы до «Дневника писателя» представляет собой уникальное явление: если в художественных произведениях Достоевский по преимуществу предпочитает высказывать свою авторскую позицию лишь посредством всего текста, не комментируя и не разъясняя ничего по ходу повествования, передоверяя миссию автора разного рода хроникерам, рассказчикам, очевидцам, то в фельетонах, статьях, заметках и очерках Достоевский-публицист прямо проговаривает свои мысли и наблюдения над людьми, событиями и фактами, в том числе и суждения историсофского характера. В этом параграфе мы попытаемся осветить эволюцию взглядов Достоевского на роль Москвы в истории России и ее настоящем, нашедшую реализацию в его публицистике. И. Л. Волгин указывает: «Нетрудно заметить, что весь круг представлений, “выжитых” Достоевским (и прежде всего то, что он именовал “русской идеей” или “русским решением вопроса”), в гораздо большей степени связан с Москвой, нежели с Петербургом. Не случайно свое обращенное к России прощальное слово он произносит во время торжеств в честь своего великого земляка: в городе, который стал родиной их обоих и который, пожалуй, не являл больше гениев, равных им по духовной мощи»⁹¹. Эта

⁹⁰ *Китаев В. А.* «Вестник Европы» в полемике с Ф. М. Достоевским (1880–1881 гг.) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 48.

⁹¹ Хроника рода Достоевских / Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 968.

роль осмысливается им в традиционной для русской общественной мысли парадигме «Петербург–Москва», основанной на противопоставленности двух периодов отечественной истории, которые формально можно определить как допетровский и петербургский. В 1864 г., работая над статьей о Костомарове, которая так и не была написана, Достоевский делает заметку в своей записной книжке: «Я люблю роль Москвы в русской истории и говорю об этом прямо» (20, 178).

Москва как историко-культурная оппозиция Петербургу возникает в одном из четырех фельетонов, написанных Достоевским для постоянной воскресной рубрики «Петербургская летопись» газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (также авторами фельетонов были А. Н. Плещеев, В. А. Соллогуб, Э. И. Губер, Ф. Ф. Корф). Статьи созданы были в 1847 г. под мощнейшим влиянием идей В. Г. Белинского – автора блистательной западнической статьи «Петербург и Москва» (в свою очередь, полемической по отношению к статье А. И. Герцена «Москва и Петербург» 1842 г.), опубликованной в 1845 г. в знаковом для «натуральной школы» альманахе «Физиология Петербурга» и по праву называемой манифестом нового литературного направления. Достоевский не только развивает идеи Белинского, но и продолжает традицию русского западничества, выражающуюся в противопоставлении двух столиц как символов разных направлений развития России. Как и Белинский, который для Достоевского в этот период жизни был кумиром, он видит перспективность и верность петербургского направления в современный исторический момент. Именно с идеей Петра I связываются надежды фельетониста Достоевского на грядущий рассвет страны, который возможен «не в одном петербургском болоте, но во всей России, которая вся живет одним Петербургом» (18, 26).

Необходимо подчеркнуть, что «Петербургская летопись» написана от имени «фланера-мечтателя». Именно здесь Достоевский дает подробное объяснение типу, который встречается в произведениях писателя этого

периода – «Хозяйка», «Белые ночи», «Слабое сердце» и др. Однако ранее, еще в 1845 г., в написанной им заметке в «Отечественных записках» по поводу открытия юмористического альманаха «Зубоскал» (увы, задуманный Некрасовым сборник был запрещен цензурой), появился образ условного фельетониста, который «непреренно москвич, то есть размашист, речист, всегда с своей задушевной идеей, любит хорошо пообедать, поспорить, простоват, хитроват – словом, со всеми принадлежностями добрейшего малого...» (18, 7). Однако воспитывался и учился этот москвич в Петербурге, для которого столица представляется «бесконечным, великолепным, иллюстрированным альманахом» (18, 7). Именно москвич создает и «Петербургскую летопись», поскольку сам признается в своем происхождении в воспоминаниях о детстве.

Как бы ненароком в записанные по случаю рассуждения мечтателя о Петербурге вклинивается рассказ о Москве, которая называется им «далекой родиной», что придает автобиографический оттенок фельетону (как, впрочем, и рассуждения о современных кружках, в которых формируется особый тип человека, именуемого мечтателем). На воспоминания о родной Москве, которая в контексте всего очерка выступает как оппозиция Петербургу, наталкивает повесть об «одном московском семействе среднего, темного круга» (18, 17) П. Н. Кудрявцева «Сбоев» (1847). Разбирая произведение, Достоевский проводит параллели героев со своей семьей, указывая на типичность повседневной жизни Ивана Кирилыча и его умирающей вскоре супруги. Однако фельетонист нарочито подчеркивает, что это история «об маленьком московском семействе», хорошо знакомом и понятном своим укладом жизни. Достоевскому важно показать в этой незатейливой истории суеверность москвичей, убежденных, что разбитое зеркало – примета близкого несчастья в доме. Интересно, как разбросаны здесь собственные московские воспоминания. О героине написано следующее: «Я как будто видел еще в моем детстве эту бедную Анну Ивановну, мать семейства, да и

Ивана Кирилыча знаю» (18, 17). А рассказывая об игре в жмурки героев на масленицу, мечтатель Достоевского восклицает: «Ах, господа, точно пятнадцать лет назад, когда я сам играл в жмурки! Что за игра!» (18, 17). Наконец, со знанием дела повествует о «московском старинном типе» бабушки «змеи-наушницы» и подытоживает: «Да, много припомнилось» (18, 18). Можно предположить, что в этом кратком пересказе содержания повести Кудрявцева, Достоевский говорит и о своей семье. Схожа ситуация с ранней потерей матери, которая почти сводит с ума его отца, как и героя произведения. В образе бабушки можно обнаружить черты второй жены деда Достоевского по материнской линии, Ольги Яковлевны, которую никто из Достоевских не любил.

Но Москва в «Петербургской летописи» появляется и как символ допетровской России в ходе рассуждений фельетониста о знаменитой книге Кюстина «Россия в 1839 г.», с которой, как и Белинский, молодой Достоевский дискутирует. По его мнению, восторг французского туриста вызывает Кремль как воплощение «московской национальности», и тот спешит заявить, что «дрожки-пролетки», удалившиеся от «древней, патриархальной линейки», повлияли на исчезновение в России «всего родного и национального» (18, 24). Несомненна ирония, с которой Достоевский характеризует Москву с ее «кучей камней, будто бы напоминающих древнюю Русь». Кремль для него, конечно, «почтенный памятник давно минувшего времени», «антикварная редкость» (18, 25), но в нем не видит он национальной идеи, которую находит в Петербурге. По мнению Достоевского, московский Кремль утратил ее, поскольку народ забыл его историю, забыл царей, которые были до Романовых, не знает «историю московских святителей», а Грановитая палата и вовсе неизвестна. Таким образом, фельетонист «Петербургской летописи» утверждает, что московский период русской истории забыт и возвращение к его идеалам и ценностям невозможно.

К размышлениям о книге Кюстина и проблеме понимания европейцами России Достоевский-публицист неоднократно возвращается и после каторги и ссылки. Так во Введении к «Ряду статей о русской литературе» 1861 г. Достоевский вновь вспоминает Кюстина и путевые очерки Дюма-отца и с явной иронией пишет о том, что иностранцы начинают знакомство с Россией с московского Кремля: «В Москве он взглянет на Кремль, задумается о Наполеоне, похвалит чай, похвалит красоту и здоровье народа, погрузит о преждевременном его разврате, о плодах неудачно привитой цивилизации, о том, что исчезают национальные обычаи» (18, 44). А далее, как и в «Петербургской летописи», упоминает дрожки, замена которых, по мнению иностранцев, является неоспоримым фактом отказа от национальной самобытности. Но в этом литературно-критическом цикле Достоевский излагает идеи почвеннические, поэтому акценты смещаются. Еще в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год» он сформулирует основные положения почвенничества, среди которых есть утверждение о том, что петровские реформы разъединили образованное общество с народом, сделали дворянство европейцами, тогда как русские «отдельная национальность» (18, 36). Но необходимо отметить, что это не позиция славянофильская, которую Достоевский неоднократно критикует в своих журнальных публикациях. Так, в статье 1862 г. «Два лагеря теоретиков (по поводу “Дня” и кой-чего другого)» писатель выражает несогласие с концепцией новой славянофильской газеты «День», выходившей с 1862 г. по 1865 г. в Москве⁹². И вновь писатель заговаривает о Москве не только как о центре славянофильства, но и как об эмблеме России допетровской. Однако в статье «московский период» определяется Достоевским лишь как один этап истории России до реформ Петра I, в который было, по мнению автора, много фальши. Это «ложь в общественных отношениях», «ложь в религиозности», «ложь в семейных отношениях». Также Достоевский

⁹² О полемике с газетой «День» более подробно говорится в предыдущем параграфе.

пишет, что «в московской Руси было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства» (20, 12).

Достоевский в данном случае, как и западники, полагает, что славянофилы стремятся перестроить Россию по «московскому идеалу» и полностью отрицают реформы Петра. Представляется, что в этот период становления почвенничества и привлечения подписчиков журнала «Время» Достоевскому важно отмежеваться от обоих «лагерей теоретиков», указать на отличие взглядов почвенников от надоевших гимнов допетровским временам или же европейским достижениям, которые так необходимы России. Достоевский соглашается со славянофилами, что «реформа Петра оторвала одну часть народа от другой, главной» (20, 14). Но эта реформа была необходима, и Петр – «народное явление», поскольку «он выражал стремление народа обновиться» (20, 15), но только в этом он и был народен, по определению Достоевского. Далее писатель показывает, в чем именно выразилась антинародность Петра Великого, приведшая к забвению всего исконно русского и национального высшими слоями общества и отделению его от простого народа. Не случайно в одном из редакционных ответов на полемику «Московских ведомостей» со статьей Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» Достоевский прямо скажет о том, что в современной ему России можно обнаружить лишь «англизированный патриотизм», который следует отличать «от высокого и искреннего патриотизма Москвы» (20, 100).

Однако в этом же цикле, разбирая редакционную политику новой славянофильской газеты «День», Достоевский указывает на то, что Москва для славянофилов стала лишь неким застывшим символом прошлого, который не позволяет им смотреть вперед и видеть что-то хорошее и дельное в текущей жизни. Он пишет о «на раз отлитой когда-то в Москве формочке их идеалов», которая не позволяет им принять за хорошее ничего, что «не так, как в Москве приказано» (19, 59). Здесь Москва понимается и как центр славянофильства.

Продолжает эту идею Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков (По поводу “Дня” и кой-чего другого)», опубликованной во втором номере «Времени» за 1862 г. Рассуждая о западниках и славянофилах, Достоевский пишет: «Славянофилы, приняв за норму старый московский идеальчик, *тоже зараз* осудили в русской жизни все, что не укладывалось в их узкую рамку» (20, 6). И далее, отдавая должное «московским славянофилам», Достоевский говорит о том, что «День» поднимает важнейшие проблемы современности, что в газете «есть много честности» и «порывания к свежему воздуху, слышно желание уничтожить те преграды, которые мешают русской жизни развиваться свободно и самостоятельно» (20, 8). Однако он осуждает категоричность «московских славянофилов-теоретиков» в отношении к образованному обществу и заключает: «Если б “День” судил о вещах не по своему московскому идеальчику, не поверял бы жизнь теории, а теорию – жизнью, он не напечатал бы статьи, которую мы всегда будем считать неизгладимым пятном на редакции» (20, 11)⁹³.

Далее Достоевский в этой программной для «Времени» и почвенничества статье подробно рассматривает «допетровскую Русь и московский период», которые только издаലെка кажутся «чуждой картиной», при тщательном рассмотрении содержащей много той же фальши, что и в петербургскую эпоху. И автор задается вопросом: «Если московская жизнь хороша была, то, скажите пожалуйста, что же заставило народ отвернуться от московского порядка вещей и повернуть в другую сторону? Одним словом, что произвело наш русский раскол?» (20, 12). На этот вопрос Достоевский отвечает, что «нельзя сливать Москву с народом, нельзя московскую, допетровскую жизнь признавать за истинное, лучшее выражение жизни народной» (20, 12). При этом под московским периодом,

⁹³ Речь идет о передовой «Москва. 28-го октября», написанной И. С. Аксаковым, где осуждаются студенческие беспорядки, корни которых автор видит в ложной и фальшивой европейской образованности петербургского периода русской жизни.

как уже отмечалось ранее, он понимает «московский быт XVI и XVII века» (20, 11), а не всю «допетровскую Русь». Таким образом, можно с уверенностью говорить, что для Достоевского в этот период оформления идеологии почвенничества Москва понимается метафорически как определенная историческая эпоха. Кроме того, для него однозначно славянофильский идеал – это «московский идеал», который он также называет «московской теорией» – «кабинетного создания, плода мечты и пылкого воображения», ради которой, по мнению писателя, «День» «отрицает теперешнюю жизнь» (20, 11).

Еще один смысл эпитета «московский» можно увидеть в продолжающейся в 1862 г. полемике с «Русским вестником», о которой идет речь во втором параграфе первой главы. Так в статье «Щекотливый вопрос» («Время», 1862, № 10), в которой, по словам комментаторов полного собрания сочинений в 30-ти томах, «полемика Достоевского с М. Н. Катковым достигает кульминационной точки» (20, 278), публицист пародирует главного редактора «Русского вестника» и вкладывает в его уста так называемые «московские думы». Разбирая критический выпад против Каткова газеты «Современное слово», Достоевский пишет о появлении «Русского вестника» в эпоху всеобщего смятения после Севастополя, то есть в 1856 г. Достоевский соглашается с «Современным словом» в том, что катковский журнал начался «с английским началом и пробормом, в Москве

...Как правозвестник

Московских дум и английских начал» (20, 33).

Достоевский неточно цитирует сатирическую «Дружескую переписку Москвы с Петербургом» Н. А. Некрасова, написанную совместно с Н. А. Добролюбовым. Это-то удивительное сочетание в «Русском вестнике» консерватизма с либеральным западничеством наравне с «олимпийством» Каткова становится объектом высмеивания. Так редактор «Русского вестника» выводится в образе Оратора, который

прямо заявляет: «К чему ложная деликатность: я откровенно считал себя и считаю выше всех моих современников». И обосновывает это тем, что именно он основал «удивительный журнал и пустил в ход английские начала» (20, 37). Далее Оратор вновь говорит о том, что именно он «ввел английские начала», которые уж очень хороши для России и имеют для нее «нечто обаятельное», а «в Москве же они популярны» (20, 40–41). Упоминается и комедия Грибоедова «Горе от ума», о восприятии которой Достоевским речь пойдет во второй главе нашего исследования, однако уже здесь можно говорить об особой роли комедии Грибоедова для понимания взгляда Достоевского на проблему столкновения и взаимосвязи двух течений русской общественной мысли – западничества и славянофильства – и двух культур – европейской и традиционной патриархальной русской. Интересно, что в Москве, по мнению Достоевского, удивительным образом могут сочетаться «московские думы» и «английские начала». Не случайно в романе «Подросток» именно Версиков, «русский скиталец» Достоевского, приехав в Москву, будет исполнять роль Чацкого, о чем речь пойдет отдельно.

Продолжает атаку на Каткова Достоевский и в 1863 г. В одной из «Журнальных заметок» («О новых литературных органах и о новых теориях») он пишет: «У “Русского вестника” английские начала, он доктринер, его слушают. А между тем, по-нашему, скорее систему Фурье можно у нас внести, чем идеалы г-на Каткова, теймствующего в Москве» (20, 65). Вновь рассуждая о политике «Русского вестника», Достоевский использует образ «московские таймсы» (20, 66).

Как мы уже говорили, дискутирует Достоевский с Катковым и как редактором газеты «Московские ведомости», где, объясняя суть неверно понятой статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», мы читаем: «Разве вы сами не судите о русских точно так же, как судит о нас Европа? Мы еще два года назад укоряли “Русский вестник”, что он русской народности не признает. Теперь московский теймс горячится и не замечает, что вся эта

горячка есть пародия на английский теймс и что самый патриотизм его – англазированный патриотизм. Как хотите, а мы отличаем патриотизм и, главное, руссизм “Московских ведомостей” от высокого и искреннего патриотизма Москвы» (20, 100). Пожалуй, впервые за годы полемики журнала «Время» с периодическими изданиями М. Н. Каткова и славянофильской газеты «День» Достоевский отделил Москву от славянофильского «московского идеала» и от либерально-западнических «московских дум», которые были весьма сильны во второй половине XIX в. и распространены среди университетской молодежи. Но этот разбор статьи сотрудника катковских изданий К. А. Петерсона не будет опубликован в журнале, поскольку «Время» закроют.

К московскому периоду русской истории Достоевский вновь обращается в «Дневнике писателя» 1876 г., когда полемизирует с критиком «Русского вестника» В. Г. Авсеенко по поводу русской народности. К этому времени издание Каткова стало более консервативным и отошло от либеральных идеалов. В записной книжке Достоевского 1874–1875 гг. можно встретить следующую запись: «Банкротство консервативной партии, бойцы были Катков и Леонтьев — устарели. Н. Данилевский, написав правильную книгу «Россия и Европа», уехал наслаждаться ботаникой вместо того, чтоб стать бойцом за правду. Славянофилы в Москве исчезли» (24, 113)⁹⁴. Именно так современная Москва в представлении Достоевского в 1870-е гг. перестает быть олицетворением патриархальности, славянофильства и консерватизма. И пространная дискуссия с Авсеенко является ярким доказательством принципиального несогласия Достоевского с ведущим московским журналом в вопросе понимания русской народности, которая формировалась не в период

⁹⁴ Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» очень интересовала Достоевского, что нашло отражение и в письмах писателя. Подробнее см.: *Отливанчик А. В.* Философско-историческая доктрина Н. Я. Данилевского в восприятии Ф. М. Достоевского: по документальным источникам // Достоевский. Материалы и исследования. 2019. Вып. 22. С. 120–129.

«окончательного закрепощения» народа и его «двухсотлетнего рабства» послепетровской России, а в московский период, когда, как пишет Достоевский, деятельно жили «все эти наши святые митрополиты (стоятели за народ и строители земли русской), все благочестивые князья наши, все бояре и земские люди из тех, которые работали и служили России до пожертвования жизнью и имена которых благоговейно сохранила история» (22, 104). Доказывает Достоевский и образованность русской нации, возникшей до Петра, честность, праведность и религиозность русского народа (приводит в пример свою няню Алену Фроловну), которые позволяют сохранить понятие о святости.

О своеобразии русской народности Достоевский много размышляет и в следующем, майском, выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Получая корреспонденцию из провинции по делу Каировой, он подмечает, что именно оттуда ждут «новое слово», поскольку «роль Петербурга и Москвы окончилась» (23, 6). Но скажут ли окраины его? Для Достоевского в данном случае обе столицы являются определяющими в формировании общественного сознания, основанного на европейском образе мысли, берущем свое начало с Петра. Это редкий случай для историософских рассуждений писателя, когда Петербург и Москва объединяются. Хотя тут же Достоевский оговаривается, что «чего бы казалось противоположнее, как Петербург с Москвой, если судить по теории, в принципе: Петербург-то и основывался как бы в противоположность Москве и *всей ее идее*» (23, 6–7). Но в текущий момент два города, по мнению писателя, составили «один центр» и развиваются хоть и самостоятельно, но одинаково. Совместно и со всей Россией. Именно потому теперь Достоевский видит подъем русского самосознания и заговаривает о возможности донести свое новое слово всему миру. И вот тут пути Петербурга и Москвы расходятся, и возникает впервые в публицистике писателя формула «Москва – Третий Рим». Достоевский утверждает, что Москва как «центр великоруса», только начинающего жить, еще долго будет жить, поскольку «Москва еще

третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что «четвертого Рима не будет», а без Рима мир не обойдется» (23, 7). Важно отметить, что сам Достоевский подразумевает под Москвой «не столько город, сколько некую аллегорическую» (23, 7) всей России, что изначально и было в идее «Москва – Третий Рим».

Здесь Достоевский обращается к теории, которая начинает складываться после падения Константинополя в 1453 г., а формулируется старцем Филофеем⁹⁵, затем уже развивается в идеологии славянофильства: «Русское мессианство, которое было изложено иноком Филофеем – это идея спасения человека, спасение мира от вселенского зла»⁹⁶. Не случайно в набросках к «Дневнику писателя» она упоминается в контексте книги Ю. Ф. Самарина: «“Окраины России”. Высший смысл этой книги совпадает с древним пониманием народа о своем значении. 3-й Рим Москва, а 4-го не будет» (24, 181). Важно отметить, что как автор моножурнала Достоевский ставит перед собой глобальную задачу – объединение русской нации на основе формирования идеи особой роли России в деле спасения человечества. Как утверждает С. И. Реснянский, «Теория “Москва – Третий Рим” является потенциалом православного архетипа России, её мессианской устремлённости в будущее»⁹⁷. Сторонники выделения отдельного «Московского текста» русской литературы говорят, что эта концепция «один из исходных мифов, лежащих в основании «Московского текста» русской культуры. В этот миф трансформировалось архетипическое представление о городе как о деве, о рае, некоем сакральном пространстве, совмещающем духовную и светскую власти, защищающем жителей от врагов. Основная его мысль —

⁹⁵ Подробнее см.: *Корневский А. В.* По следам Филофея: опыт реконструкции биографии древнерусского книжника. М.: Владос, 1998. 320 с.; *Тимошина Е. В.* Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // Правоведение. 2005. № 4. С. 181–208.

⁹⁶ *Реснянский С. И.* «Москва – Третий Рим» как архетип русского православного самосознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 47.

⁹⁷ Там же. С. 42.

преемство наследования московскими государями христианско-православной империи от византийских императоров, в свою очередь наследовавших её от римских»⁹⁸.

Но, обозначив этот вектор поиска национальной идеи, Достоевский не развивает его, а формулирует свой идеал «обновленного человечества» и «Вселенской Церкви» через христианство, сохраненное исключительно русским народом. К. Г. Исупов утверждает: «Идея “Москвы — Третьего Рима”, в новых политических контекстах воссоздаваемая в 1870—1880 годы в неоконсервативных кругах (которым оказывается близкой публицистика таких разных людей, как Ф. И. Тютчев и Ф. М. Достоевский), вновь отодвигает для русской интеллигенции Петербург на дистанцию, с которой он видится враждебной землей, населенной людьми, не отвечающими панславистским амбициям»⁹⁹.

Достоевский развивает совершенно иную концепцию, согласно которой Константинополь вновь должен стать русским и объединить все христианское человечество. И в этом он спорит с Данилевским, книгу которого «Россия – Европа» он очень ценил. Данилевский хотел видеть в Константинополе столицу Всеславянского союза и не желал подрывать значения Москвы, которая все-таки должна была стать истинной столицей России. А для Достоевского захват Константинополя – «путь к спасению Европы, к спасению, которое может быть осуществлено в конечном итоге через православие»¹⁰⁰. Именно поэтому в концепции Достоевского происходит отказ от идеи «Москва – Третий Рим», так как она отрицает значение Константинополя как центра христианского мира.

⁹⁸ Андрюкова, Е.А. «Московский текст» в творчестве И. Шмелева: период эмиграции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2013. С. 19.

⁹⁹ Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва – Петербург: pro et contra: диалог культур в истории нац. самосознания. СПб.: Русский Христианский гуманитар. ин-т, 2000. С. 37.

¹⁰⁰ Кантор В. К. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: очерки / В. К. Кантор. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 252.

Теория «Москва – Третий Рим» Достоевского не устраивает, по словам Н. А. Бердяева, своим «смещением царства Христова, царства правды, с идеей могущественного государства, управляющего неправдой»¹⁰¹, хотя некоторые исследователи полагают, что Достоевский двигается «внутри идеологемы о Москве как Третьем Риме»¹⁰². В знаменитой книге «Миросозерцание Достоевского» Н. А. Бердяев касается проблемы трансформации во взглядах писателя «древнерусского притязания русского народа, что Россия – Третий Рим», но делает это через призму крушения империи и шатовского «русского народа-богоносца»¹⁰³. Однако, по нашему мнению, Достоевский указывает не путь отделения и отдаления России от всего мира по праву своей избранности, а путь всеобщего единения на основе идеалов всечеловечности и христианства, носителями которых является русский народ. Об этом его статья «Утопическое понимание истории», в которой писатель признается, что «допетровская Русь была деятельна и крепка», была «хранительницей Христовой истины», что «в Москве дошли до понятия, что всякое более близкое общение с Европой даже может вредно и развратительно повлиять на русский ум и на русскую идею, извратить самое православие и совлечь Россию на путь гибели» (23, 46). И вот в этом-то и видит Достоевский ошибочность московской идеи – идеи обособления и отъединения, тогда как, по его представлениям, «Россия в замкнутости своей *готовилась быть неправа*, – неправа перед человечеством, решив бездейтельно оставить драгоценность свою, свое православие при себе и замкнуться от Европы» (23, 46). Подвиг Петра, по его мнению, заключался в открытости миру, посредством которой только может быть исполнено предназначение

¹⁰¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 11.

¹⁰² Камнев В. М., Камнева Л. С. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского и его историософия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 115.

¹⁰³ Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 120–121.

России – идеал «всеслужения человечеству» и «окончательного единения человечества» (23, 47).

Достоевский никогда не идеализировал допетровскую Россию и ее идеологию, к чему отчасти все-таки было склонно классическое славянофильство, несмотря на заверения в обратном. Но Достоевский все чаще уважительно отзывается об их заслугах, поскольку лишь они могли разглядеть сущность России под «европейским мундиром». Не вдаваясь в подробные разыскания по этому вопросу, отметим, что в дальнейших выпусках «Дневника писателя» Достоевский все больше разводит европейский период истории с допетровским, который называет «Московским царством». Утверждая, что никто «не будет спорить против дела Петрова, против прорубленного окошка, восставать на него и мечтать о древнем Московском царстве», автор «Дневника» говорит и о том, что в то самое «окошко» узнал русский народ столько дурного и скверного, помимо очень нужного и полезного, что, может быть, стоит вернуться к тому, что «русское чутье», возмущавшееся увиденным в «окошко» и протестующее против этого, «хранило в себе нечто высшее и лучшее» (23, 40), что и должно явить человечеству.

Все эти идеи развиваются и в «Дневнике писателя» 1877 г., где Достоевский вновь и вновь уверяет своих читателей в необходимости следования особому предначертанию – «национальной идее русской», заключающейся во «всемирном общечеловеческом единении» (25, 20), провозвестником которой был объявлен писателем Пушкин в опубликованном в единственном номере «Дневника писателя» за 1880 г. очерке «Пушкин» (Пушкинская речь).

В заключении необходимо отметить, что к концу жизни Петербург все чаще в публицистических выступлениях Достоевского объявляется «совсем не Россией», не знающим ее и высокомерным в отношении «моря-океана земли Русской» (27, 15), частью которого является и Москва.

Выводы

Исследование эпистолярия Достоевского позволило установить, что Москва для писателя всегда оставалась родным городом. Будучи коренным москвичом по линии матери и по рождению, Достоевский прожил в Москве все детство, до 1837 г.; после каторги мечтал поселиться в ней, что отражено в многочисленных письмах 1858 г. и в официальных прошениях императору (еще раз мысль о переезде в Москву возникает в письмах 1875 г. из Эмса); проживает около полугода – с осени 1863 г. по весну 1864 г. – с тяжело больной и умирающей первой женой Марьей Дмитриевной, которая будет похоронена на Лазаревском кладбище, где ранее была упокоена и мать Достоевского; проводит лето 1865 г. на даче в Люблине. Достоевский часто гостил в семействе Ивановых, к которым привозил свою молодую жену Анну Григорьевну для знакомства и с московской родней, и с дорогим сердцу городом, который, о чем свидетельствуют письма писателя и воспоминания жены, он превосходно знал.

Изучение публицистики, записных и черновых тетрадей, писем позволило показать неутихающий интерес Достоевского к общественной жизни Москвы, деятельное участие в ней вплоть до знаменательного события – Пушкинского праздника 1880 г., который можно считать истинным триумфом писателя и важнейшим фактом его судьбы.

Рассмотрение статей и очерков 1840–1860-х гг. и «Дневника писателя» позволило осветить понимание Достоевским Москвы как культурно-исторического феномена, играющего значимую роль в эволюции его историософских взглядов от западнических в 1840-е гг. к почвенническим в 1860-е гг. и, наконец, трансформацию теории «Москва – Третий Рим» в авторскую концепцию «обновленного человечества», выстраиваемую в «Дневнике писателя» с 1876 г.

Глава II. Образ Москвы в творческом преломлении

Ф. М. Достоевского

§ 1. Московские прототипы в петербургских произведениях

Ф. М. Достоевского 1840-х гг.

Раннее творчество Достоевского – это поистине страница «Петербургского текста» писателя. В произведениях этого периода, будь то эпистолярный роман о «маленьком человеке» «Бедные люди» или незавершенный роман «Неточка Незванова», романтическая повесть «Хозяйка» или сентиментальный роман «Белые ночи», «Слабое сердце» или рассказы «Господин Прохарчин», «Ползунков», «Честный вор», «Чужая жена и муж под кроватью», наконец, будь то петербургская поэма «Голядкин» или блистательные фельетоны «Петербургской летописи», действие происходит в столице Российской империи – в городе бедных чиновников и мечтателей, одиноких стариков и обездоленных детей, сумасшедших влюбленных и скупцов. Как утверждает В. Бирон, «Достоевский написал чуть больше 30 произведений, в 20 из них присутствует Петербург. Иногда как фон, чаще как действующее лицо. С большей или меньшей приближенностью можно найти места, связанные с каждым петербургским произведением. Петербург — лучшая иллюстрация к его романам»¹⁰⁴. Действительно, в большинстве сочинений писателя местом действия выбирается Петербург, особенно в 1840-е гг. И если в географии поздних романов писателя появится провинция, то Москва так и не будет избрана как основное место действия ни в одном из его сочинений. Но, с другой стороны, нет все-таки практически ни одного произведения, где бы не упоминалась Москва как город, в котором рождаются или регулярно бывают герои.

¹⁰⁴ Бирон В. С. Петербург Достоевского. Л.: Товарищество «Светоч», 1991. С. 10.

Если говорить о творчестве Достоевского 1840-х гг., то в этот самый петербургский период некоторые из создаваемых молодым писателем образов имеют своими реальными прототипами его московских знакомых и родственников, а сюжетные ходы навеяны детскими воспоминаниями писателя. Г. А. Федоров даже в насквозь пронизанном петербургским холодом «Двойнике» находит «персонажей московской реальности» в «маршруте героя»¹⁰⁵. Интересные наблюдения делает ученый над близостью судьбы отца писателя трагедии Голядкина. Г. А. Федоров пишет, что «подобно тому как в Москве “путь жизни” (“свой путь”) был ограничен у М. А. Достоевского Мариинской больницей и куманинским светом, так и “свой путь” г. Голядкина был также ограничен департаментом (условно — а вернее, углом Петербургской Мариинской больницы) и домом Берендеева. Да и отношения надменной, чванливой родни и М. А. Достоевского сложились непросто. Из куманинского дома вышла легенда о несправедной жизни М. Достоевского, кончившего якобы сумасшествием и насильственной смертью...»¹⁰⁶. Сложно согласиться с этой параллелью, поскольку, несмотря на противоречивость характера Михаила Андреевича, которая сказалась на полярности трактовок его фигуры и его смерти у биографов писателя, все-таки сам Достоевский, как и его жена Анна Григорьевна и брат Андрей Михайлович, авторы первых его биографий, создают образ прекрасно образованного и умного главы семейства, а не ограниченного «маленького человека», каковым является Голядкин.

Следует сказать несколько слов о характере работы Достоевского с прототипами. Как верно замечает Г. В. Беловолов, «прототипика играет

¹⁰⁵ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 248.

¹⁰⁶ Там же. С. 252.

существенную роль в художественном мире Ф. М. Достоевского»¹⁰⁷. Прототип у него – не просто «первообраз», а «основа реальности образа», «залог истинности, жизненной подлинности литературного героя»¹⁰⁸. И в черновиках многих произведений писателя можно обнаружить такую особенность: до определенного момента герой именуется его реальным прототипом, что часто значительно облегчает исследователям работу над историей создания текстов Достоевского. Но еще одной особенностью его творческой лаборатории является то, что крайне редко можно говорить о конкретном прообразе того или иного героя. Это обусловлено как сложностью и многогранностью самих персонажей Достоевского, так и особенностью авторского мышления. В следующем параграфе на материале «Записок из Мертвого дома» и романа «Игрок» будет показано, как в одном и том же герое могут совмещаться характеристические черты реальных людей и литературных прототипов, ассоциативно связанных чем-то общим в поведении, мировоззрении и судьбе.

В первом же романе Достоевского «Бедные люди», который «пронизан реальными впечатлениями жизни» (1, 467), в основе истории женитьбы Вареньки Доброселовой на помещике Быкове лежат реальные события, связанные с московской родней писателя. Намек на это есть в самом тексте: господин Быков собирается жениться на купчихе из Москвы, если ему откажет Варенька. И Макар Девушкин признается: «Ах, зачем это он в Москве на купчихе не женился? Уж пусть бы он там на ней-то женился! Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла; уж это я знаю почему!» (1, 108). Казалось бы, случайная деталь разворачивает целую историю из жизни родной сестры писателя – Варвары Михайловны, в замужестве Карепиной, а реакция Макара Девушкина отражает отношение самого Достоевского к браку любимой сестры.

¹⁰⁷ Беловолов Г. В. (Украинский) Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 9. 1991. С. 167.

¹⁰⁸ Там же.

В достоевистике принято считать Варвару Михайловну прототипом Вареньки Доброселовой, а ее состоятельного московского мужа – прототипом Быкова. Об этом пишет М. С. Альтман, который ссылается в свою очередь на В. Л. Комаровича: «Что касается имени героини “Бедных людей”, то В. Л. Комарович, исходя из правильного положения, что ранняя переписка Достоевского служит “как бы личным апперципирующим фоном для сентиментального сюжета как раз тогда задуманного романа “Бедные люди”, отмечает, что свою сестру Варвару Михайловну Достоевский в письмах к ней называет, как и героиню “Бедных людей”, Варенькой и замужество ее (с П. А. Карепиным) пережил он едва ли не так же, как переживает Макар Деушкин замужество своей “родственницы”. К тому же Быков в “Бедных людях” и Карепин, судя по его переписке с Достоевским, кое в чем схожи»¹⁰⁹. Параллельно отметим, что М. С. Альтман выдвигает гипотезу о схожести языка писем Деушкина со стилем эпистолярного наследия матери писателя, Марьи Федоровны. Но на этом ограничиваются наблюдения М. С. Альтмана над московскими прототипами.

Е. Ю. Сафронова также утверждает: «Значимо, что в процессе работы над текстом, Достоевский сделал П. А. Карепина прототипом господина Быкова – пожилого человека при деньгах, заключающего неравный брак с сиротой Варенькой, “отомстив” опекуну за долгую отсрочку выплаты денег, необходимых для литературного труда»¹¹⁰.

Действительно, очень схожи судьбы двух Варвар. Особенно это касается их сиротства, жизни в деревне, замужества. Г. А. Федоров, указав на совпадение инициалов, точно подметил, что детство Вареньки Доброселовой окружено «реалиями детства Вареньки Достоевской» и

¹⁰⁹ Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 13.

¹¹⁰ Сафронова Е. Ю. Проблема правового жизне-текста Ф. М. Достоевского: дело с П. А. Карепиным // Культура и текст. 2016. № 3. С. 41.

самого Достоевского¹¹¹. В письме героини описывается, как полагает Г. А. Федоров, родительское имение Даровое, воспоминания о котором в дальнейшем лягут в основу автобиографического очерка «Мужик Марей»¹¹². Необходимо отметить, что на всю жизнь писатель сохранит память и о любимой няне детей Достоевских, Алене Фроловне, которая упоминается в письме Вареньки от 3 сентября: «Старая няня Ульяна рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов. Мы, дети, жмемся подружка к подружке, а улыбка у всех на губах. Вот вдруг замолчим разом... чу! шум! как будто кто-то стучит! Ничего не бывало; гудит самопрялка у старой Фроловны» (1, 84). Детство Вареньки изображается как золотое время.

В подробном описании деревенской жизни звучит мотив утраты близких людей и счастья, гармонии с миром, которого лишен человек в городе, то, что сам Достоевский ощущал в это время. Тема сиротства пронизывает все творчество писателя, но особенно остро она воплощается в раннем творчестве, в образах Вареньки Доброселовой, Настеньки из «Белых ночей», Неточки Незвановой. Включая в ранние произведения воспоминания персонажей об удивительных годах детства, Достоевский вновь и вновь возвращается к тем моментам, на протяжении всей жизни оставались для него особенно ценными. Не случайно в «Дневнике писателя» и «Братьях Карамазовых» он будет не раз говорить о необходимости счастливого и светлого детства для человека, поскольку именно оно определяет нравственную направленность жизненного пути.

¹¹¹ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 124.

¹¹² О Даровом в судьбе Ф. М. Достоевского, об истории усадьбы существует целый ряд исследований и работ. С полным их списком (1881–2012 гг.) можно ознакомиться в библиографическом указателе «Даровое – земля детства Ф. М. Достоевского» (сост.: В. А. Викторovich, Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова; науч. ред. и авт. вступ. ст. В. А. Викторovich. Коломна: МГОСГИ, 2012. 85 с.), также в публикациях сборника «Литературные чтения в Даровом» и статье о реконструкции усадьбы: Бессонова А. С., Викторovich В. А. Позовтм в эксперты Достоевского (Усадьба Даровое: перспективы) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1(13). С. 16–81.

«Вам много говорили про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» (15, 195), – напутствует мальчиков Алеша Карамазов.

Также вслед за Г. А. Федоровым в комментариях к «Бедным людям» указывается, что «антагонизм между отцом Вареньки и Анной Федоровной воспроизводит реальные отношения между гордым и независимым М. А. Достоевским и сестрой его жены Александрой Федоровны Куманиной (1796–1871), в богатом купеческом доме которой воспитывались сестры Достоевского Варвара, Вера и Александра, выданные ею замуж» (1, 467). Избирая только этот факт из жизни семьи Достоевских, Г. А. Федоров принципиально отказывается от трактовки автобиографического контекста «Бедных людей» В. С. Нечаевой, которая утверждала, что «характеристика отца Вареньки, также как факты ее детства (жизнь в деревне, ученье в пансионе, чахотка матери, скоропостижная смерть отца), — все это взято из детских лет писателя. Мрачный, раздраженный, подозрительный отец, попреками и бранью изводящий горячо любимую семью, запутавшийся в долгах, — это образ, очень близкий к Михаилу Андреевичу, каким он нам рисуется по его письмам»¹¹³. Этой же точки зрения придерживались другие биографы Достоевского первой трети XX в. (Л. П. Гроссман, М. В. Волоцкой), что положило начало традиции в советском литературоведении вслед за дочерью писателя Любовью Федоровной называть прототипом Федора Павловича Карамазова Михаила Андреевича Достоевского (традиция эта позже будет пересмотрена).

¹¹³ *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939. С. 30.

Отчасти похожи и характеры сестры Достоевского Варвары и героини «Бедных людей»: умные, практичные, даровитые, но, как утверждает В. С. Нечаева, «Варенька Достоевская вовсе не была мечтательницей подобно Вареньке Доброселовой»¹¹⁴. Но ведь и героиня «Бедных людей» сентиментальна и мечтательна лишь отчасти. В переписке с Девушкиным по поводу подготовки к свадьбе она весьма практична и рассудительна. Не говоря уже о ее вкусе и литературных пристрастиях. И сестра писателя, и Варенька Доброселова хорошо образованы, начитаны и обладают трезвостью ума.

Подробно биография Варвары Михайловны освещена в нашей статье «В. М. Карепина (Достоевская) – сестра и героиня романов Ф. М. Достоевского»¹¹⁵, а история создания романа – в большой статье И. Д. Якубовича, который прослеживает весь процесс работы над романом, совпадающим с прошением Достоевского об отставке и перепиской с опекуном П. А. Карепиным. Так, личный эпистолярный пересекается с литературной перепиской вымышленных героев. Якубович убедительно это доказывает: «Достоевский уведомляет П. А. Каренина, что, испытывая крайние денежные затруднения, «жалование <...> взял всё вперед в мае месяце» (28, 1, 94), а Макар Алексеевич «решился издержать свое жалованье <...> забрав вперед» во время болезни Вареньки тоже в мае месяце (1, 64), в мае же он продает свой новый вицмундир (письмо от 20 мая)»¹¹⁶. Дата прошения – 21 августа – практически совпадает с письмами Макара и Вареньки (19 и 21 августа) о надеждах на счастье¹¹⁷. А «15 сентября знаменует резкий поворот в сюжете романа, на сцене появляется «деловой человек» — Быков. Личные эмоции писателя в

¹¹⁴ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 147.

¹¹⁵ Мясинченко М. А. В. М. Карепина (Достоевская) – сестра и героиня романов Ф. М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 113–119.

¹¹⁶ Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. 1991. С. 51.

¹¹⁷ Там же. С. 52.

середине сентября 1844 г. были связаны с получением назидательного письма опекуна от 5 сентября, отказавшегося выслать деньги и пытающегося трезвым деловым расчетом разрушить надежды на освобождение от зависимости. Исход трагической судьбы Макара рисуется с проекцией на свою судьбу: «...я остался один без надежды, без помощи, преданный всем бедствиям, всем горестям моего ужасного положения — нищете, нагоде, сраму, стыду...» (28, 1, 101)¹¹⁸. Еще один пример, который приводит исследователь: «Психологический узел сюжета «Бедных людей» связан с отсутствием у героя денег, в письмах Достоевского к П. А. Каренину от августа – сентября 1844 г. речь идет о тех же предметах, что и в письмах Девушкина, поразительно совпадают детали: упоминания о долгах, о неплатеже за квартиру, о «величайшей надобности в платье» и т. д.»¹¹⁹. Подробно о переговорах молодого Достоевского с П. А. Карепиным рассказывается в первом параграфе первой главы. Именно тогда формируется негативное отношение юного писателя к своему родственнику, с которым он никогда не был лично знаком, а только переписывался. И неприязнь, испытываемую Достоевским к этому человеку, нельзя считать объективной, поскольку воспоминания других домочадцев о нем сильно отличаются от характеристик писателя.

Очень тонкие наблюдения Якубовича над автобиографичностью романа не касаются, однако, проблемы прототипов героев, поскольку главное внимание ученого сосредоточено на литературном контексте «Бедных людей».

Если же говорить об упоминаемых в тексте Москве и имении Быкова, настоящего отца студента Покровского и жениха Варвары Алексеевны, то необходимо отметить сходство истории замужества сестры Достоевского Варвары на будущем опекуне осиротевших детей

¹¹⁸ Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. 1991. С. 52–53.

¹¹⁹ Там же. 51.

Достоевских, за которого ее просватали Куманины в 1840 г., любившие Варю и желавшие ей счастья и благополучия. Подробно история этого сватовства описывается в воспоминаниях А. М. Достоевского: «“По-бальному” одетая Варя встречала жениха. Им оказался “мужчина лет сорока, или с шишечкой, видный, выше среднего роста, стройный, очень красивый и развязный. Видно было, что ему не впервые входить в большой и богатый дом и что он постоянный и желанный гость как богатых, так и знатных многочисленных своих знакомых”»¹²⁰. А вот как характеризует жениха Доброселовой Макар Деушкин: «Видный, видный мужчина; даже уж и очень видный мужчина» (1, 102). Старшие братья Достоевские были очень недовольны этим сватовством и даже планировали ехать в Москву, чтобы спасти сестру. Возможно, поэтому тип помещика Быкова получит свое развитие в сквозном образе раннего Достоевского – Юлиане Мастаковиче («Петербургская летопись», «Слабое сердце», «Честный вор», «Елка и свадьба»), а затем в Лужине («Преступление и наказание») и Тоцком («Идиот»). В. С. Нечаева утверждает, что Юлиан Мастакович создавался под влиянием П. А. Карепина, к которому, как это отражено в письмах Достоевского этих лет, писатель испытывал крайне негативные чувства, но она не считает мужа сестры возможным прототипом Быкова, поскольку «в последнем Достоевский нарисовал провинциала-помещика, гонящегося за зайцами, тяготящегося столичной жизнью, примитивного и грубого, но не лишённого каких-то положительных черт, позволяющих ему осуждать подлое поведение Анны Федоровны и свое собственное»¹²¹. По нашему мнению, это не совсем так и все же, если внимательно прочитывать воспоминания А. М. Достоевского и мимолетные упоминания опекуна в письмах старших братьев – Михаила и Федора, можно говорить о схожести прототипа с героем. Тем более что Карепин был тоже не лишен

¹²⁰ *Достоевский А. М.* Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 106.

¹²¹ *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 145.

положительных черт, о которых высказывались Варвара Михайловна и Андрей Михайлович, уважавший и любивший дядюшку.

Представляется, что и Быков, и Юлиан Мастакович создавались по живым впечатлениям от эпистолярного общения с Петром Андреевичем Карепиным, как и Петр Александрович из романа «Неточка Незванова» и Петр Петрович Лужин из «Преступления и наказания» (у последних героев даже имена совпадают с именем Карепина). Впервые И. Л. Волгин аргументированно доказал, что именно П. А. Карепин помог сложиться образу «столпа общества» Юлиана Мастаковича, переходящего из произведения в произведение в ранний период творчества Достоевского. Конечно, это напрямую связано с характером его переписки с опекуном, в которой Достоевский вынужден унижаться и заискивать, а Карепин отвечает ему довольно покровительственно и назидательно. Переписка завершилась ссорой. «Итак, я со всеми рассорился. Дядюшка, вероятно, считает меня неблагодарным извергом, а зять с сестрою — чудовищем. Меня это очень мучает. Но со временем я надеюсь помириться со всеми» (28, 1, 104), – признается Достоевский своему брату. И, как утверждает И. Л. Волгин, «неважно, каков был на самом деле Петр Андреевич Карепин: образ уже сотворен»¹²². Иронически называя в «Петербургской летописи» Юлиана Мастаковича «моим хорошим знакомым, бывшим доброжелателем и даже немножко покровителем моим» (18, 14), Достоевский далее описывает историю женитьбы этого героя «на деньгах». Все это напоминает брак Карепина, который для Достоевского выступает и доброжелателем (советует бросить литературу, не увлекаться Шекспиром, а делом заняться), и покровителем, а родная и любимая сестра Варя – выгодная невеста, за которой Куманины дают приличное приданое, хоть и не такое роскошное, о котором мечтает Юлиан Мастакович. Этот же сюжет повторяется в рассказе «Елка и свадьба». Так Достоевский по

¹²² Хроника рода Достоевских. Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 1034.

сугубо личному восприятию человека, который, по словам других родных, был чрезвычайно добр и великодушен, выстраивает тип злодея, переходящий из произведения в произведение. П. А. Карепин очень рано уйдет из жизни, но Достоевский никогда не забудет его покровительственного тона и того унижения, что испытал в начале своей литературной деятельности. Несмотря на обязательность Карепиных, называемых в переписке с братом «москвичами», в денежных делах, Достоевский запомнит «делового» Петра Андреевича как самоуверенного, ограниченного и высокомерного человека, не поддержавшего его в трудную минуту выбора жизненного поприща.

Однако вернемся к первому роману Достоевского. В. С. Нечаева делает наблюдения над «куманинским следом» в «Бедных людях». В-первых, она задается вопросом о близости Анны Федоровны и А. Ф. Куманиной: «А. Ф. Куманина выдала замуж из своего дома с большим приданым своих двух сводных сестер Нечаевых и трех племянниц (Достоевских), и не за малограмотных купцов и мещан, а за архитектора (Шера), двух врачей (Иванова и Ставровского), чиновника и дельца (Карепина). Сближать ее с наживавшейся на продаже девушек сводней Анной Федоровной, опираясь на “предположения исследователя”, очень неосторожно. Не мог Достоевский, рисуя Анну Федоровну, даже подсознательно представлять любимую сестру своей матери, действительную благодетельницу всех его братьев и сестер, и писать о ней: “Злая женщина была Анна Федоровна. Она беспрерывно нас мучила...”»¹²³. Однако важным представляется отмеченная ей связь фамилии студента Покровского с Куманиными, которых Достоевские часто называли Покровскими по месту их проживания в Покровском переулке¹²⁴.

¹²³ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 145.

¹²⁴ Там же.

О смутном влиянии детских воспоминаний Достоевского, связанных с Куманиными, пишет Г. А. Федоров: «В воспоминаниях Вареньки Доброселовой упоминается широкое озеро. Оно вновь появляется в грезах героя из “прошедших годов первого детства” в повести “Хозяйка”. В воспоминаниях героев видится след реальных впечатлений “первого детства” Достоевского, от его возможной поездки (до приобретения М. А. Достоевским в 1831 г. Дарового) на родину Куманиных в Переславль, со знаменитым Плещеевым озером»¹²⁵.

Ордынов, как и Варенька Доброселова, с теплотой и сентиментальной печалью вспоминает свою жизнь в деревне: «То как будто наступали для него опять его нежные, безмятежно прошедшие годы первого детства, с их светлою радостью, с неугасимым счастьем, с первым сладостным удивлением к жизни, с роями светлых духов, вылетающих из-под каждого цветка, который срывал он, игравших с ним на тучном зеленом лугу перед маленьким домиком, окруженным акациями» (1, 278). Но в видениях героя возникает образ «злого старика», разгоняющего «рои светлых духов»: «Злой старик за ним следовал всюду. Он выглядывал и обманчиво кивал ему головою из-под каждого куста в роще, смеялся и дразнил его, воплощался в каждую куклу ребенка, гримасничая и хохоча в руках его, как злой, скверный гном, он подбивал на него каждого из его бесчеловечных школьных товарищей или, садясь с малютками на школьную скамью, гримасничая, выглядывал из-под каждой буквы его грамматики» (1, 278–279). Некоторые исследователи видят в этом старике отца писателя, который «отвел от него навсегда его бедную мать» (1, 279)¹²⁶. Также можно говорить о схожести «злого старика» и Мурина, который, к слову, неизвестно откуда приезжает в Петербург, но одна фраза

¹²⁵ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 268.

¹²⁶ Подробнее см.: Березкина С. В. О повести Достоевского «Хозяйка» // Достоевский. Материалы и исследования. 2001. Т. 19. С. 287–288.

говорит о том, что в Москве они с Катериной бывали: «ее хи-хир-ругичкой совет на Москве смотрел» (1, 313). И вновь эта версия кажется спорной, поскольку до сих пор в науке нет однозначного мнения об отношении Достоевского к своему отцу.

Уже в 1840-е гг. Достоевский упоминает Москву как город, в который герои уезжают, где с ними происходят какие-то важные, порой даже судьбоносные события, а затем они возвращаются в Петербург. Так, в «Белых ночах» жених Настеньки уезжает в Москву и, как и обещал, затем возвращается к своей невесте в Петербург. Этот прием будет использоваться Достоевским и в дальнейшем, что может быть обусловлено личным ощущением Москвы.

Произведением этого периода, наиболее наполненным московским контекстом, является незавершенный роман «Неточка Незванова», который, как и некоторые другие произведения писателя 1840-х гг., насыщен автобиографическими отсылками. Ряд исследователей видят в образе музыканта Ефимова переживания самого Достоевского о своей литературной судьбе. Сомнения в своем таланте, неуверенность, опасения – все это передано в герое. Этой версии придерживаются К. С. Мочульский, В. С. Нечаева. Последняя полагает, что степень автобиографизма все-таки не значительна. А вот Мочульский утверждает, что Достоевский в рассказе о Ефимове «реализует возможности своего духа. Возможность потери таланта и гибели для автора становится действительностью для героя. Вот почему в психологической манере Достоевского столько “мучительства”. Он анализирует самого себя не для спокойного познания, а для исцеления»¹²⁷.

Для нашего исследования важен образ Неточки, в основу повествования о жизни которой в доме у князя Х. положена история сестры Варвары Михайловны, упоминавшаяся нами в связи с генезисом

¹²⁷ Мочульский К. В. Достоевский: Жизнь и творчество <1947> // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 268.

«Бедных людей». В. С. Нечаева считает, что в главной героине романа писатель изобразил собственную сестру, «пережившую потерю матери, тяжелую жизнь с полусумасшедшим, пившим отцом, с его катастрофической смертью; она бедной сиротой, с надорванной несчастьями психикой, попадает в совершенно иной мир обеспеченных людей, где для нее начинается другая жизнь и где она находит близкого друга – красивую, не знавшую лишений и страданий Катю, заботливых и внимательных к ней дядю и тетку Куманиных»¹²⁸. Действительно, при сопоставлении биографических сведений о Варваре Михайловне и описания Неточки, ее судьбы и мечтательного характера нетрудно разглядеть в них много общего. Об этих сходствах подробно пишет В. С. Нечаева, которая также подробно говорит и о Кате Нечаевой, живущей в доме Куманиных вместе с Варей Достоевской – дружба с ней легла в основу описания отношений Неточки с Катей. А князя из романа исследовательница сопоставляет с главой семейства Куманиных – Александром Алексеевичем. Нечаева пишет: «Допуская возможность, что жизнь сестры Вареньки после смерти родителей в доме Куманиных послужила исходным пунктом для соответствующего повествования о Неточке, мы имеем основание до какой-то степени видеть в А. А. Куманине прообраз князя Х., а в княгине с ее “темной родней” — какую-то связь с А. Ф. Куманиной, многочисленные родственники которой занимали большую часть дома»¹²⁹. Нам представляется возможным допустить, что впечатления Достоевского о своей московской родне, Куманиных и Карепиных, сложно переплелись и в другой супружеской паре – в образе доброй и сердечной Александры Михайловны (совпадение с именем тетушки Куманиной) и лицемерном ее муже Петре Александровиче (имя Карепина), который впоследствии должен был стать преследователем Неточки.

¹²⁸ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 187.

¹²⁹ Там же. С. 190.

Помимо всего перечисленного нам кажется уместным подтвердить все совпадения в психологическом портрете героев и прототипов, в биографических пересечениях тем, что Москва фигурирует в романе как город, из которого приезжает Катя и куда она затем возвращается вместе со всей княжеской семьей. В разысканиях московских мотивов в романе важно подробнее рассмотреть линию старой тетки, которая проживает по соседству с Неточкой в доме князя. В. С. Нечаева обнаруживает параллель в описании «престарелой княжны» с судьбой Варвары Ивановны Антиповой, матушки Ольги Яковлевны Нечаевой. Достоевский рассказывает историю жизни этой героини, которая долгое время проживала в Москве. В описании московского «жизья-бытья» писатель показывает себя знатоком нравов и обычаев родного города, принципиально отличных от петербургских, и вновь создает в небольшом этюде колоритную зарисовку, напоминающую Москву Грибоедова. Называя дом графини Л., где проживает княжна, «московским теремом», писатель говорит о многочисленных визитах горожан к «трем затворницам», поскольку «на них смотрели как на хранительниц всех аристократических заветов и преданий, как на живую летопись коренного боярства» (2, 192). И хозяйка дома описывается как «превосходная женщина», оставившая «после себя много прекрасных воспоминаний» (2, 192). Достоевский подчеркивает, что «заезжие из Петербурга делали к ним свои первые визиты» и все, кого принимали там, были принимаемы везде (2, 192).

В заключении отметим, что в 1849 г., будучи узником Петропавловской крепости, Достоевский напишет рассказ «Маленький герой», действие которого происходит не в Петербурге, а в подмосковной деревне. В этом светлом и довольно жизнеутверждающем рассказе, тем не менее, развиваются темы и мотивы «Неточки Незвановой», прежде всего в том, как изображается особый тип ребенка, о котором в рассказе «Елка и свадьба» Достоевский писал как о «задумывающемся» (2, 96).

Г. А. Федоров в 1976 г. в статье «Из разысканий о московской родне Достоевского. (К генезису рассказа “Маленький герой”» (позже эта статья будет преобразована в главу «Куманины и “Маленький герой”: (московская родня Достоевского)» в его монографии «Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века») предполагает, что местом действия выбран район Кунцева, где была дача Куманиных, а герои соотносятся с членами этой семьи. В муже героини он видит А. К. Куманина, а в героине – его жену С. Ф. Корш¹³⁰. На наш взгляд, в этом рассказе «московский след» скорее просматривается в самой атмосфере, в описании дачно-усадебного идиллического пространства, напоминающего детство Вареньки Доброселовой и Ордынова. Одиннадцатилетний герой рассказа то созерцает пасторальную картину, которая разворачивается за Москвой-рекой, то прогуливается в саду или роще: «Я пробирался туда, где гуще зелень, где смолистее запах деревьев и куда веселее заглядывал солнечный луч, радуясь, что удалось там и сям пронизать мгlistую густоту деревьев» (2, 289). Как и в «Бедных людях», тема утраченного счастья напрямую соотносится в рассказе «Маленький герой» с усадебными мотивами, навеянными личными воспоминаниями писателя о детстве в Москве и прогулках в саду Эрмитаж и Нескучном саду, поездками в Даровое и на дачу в Кунцево.

Таким образом, в самый «петербургский» период своего творчества Достоевский творчески переосмысливает перипетии своего детства, обусловленные и неоднозначностью характера его отца, болезненностью и ранней смертью матери, сиротством братьев и сестер, сложностью отношений с опекуном и богатыми родственниками, покровительства которых он вынужден искать, отправляя им заискивающие письма и болезненно реагируя на их отповеди и покровительственный тон. Также в

¹³⁰ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 271.

это время одним из главных источников в создании женских судеб можно считать историю жизни любимой сестры Варвары.

§ 2. «Грибоедовская Москва» в художественной рецепции

Ф. М. Достоевского (творчество 1860–1870-х гг.)

Проблема «Грибоедов и Достоевский» была поставлена уже в 1931 г. А. Л. Бемом, который отметил «неослабный интерес» Достоевского к «Горе от ума» на протяжении всего творческого пути. А. Л. Бем устанавливает, что Достоевский хорошо знал текст комедии и обильно использовал цитаты из него в своих сочинениях, среди которых им выделяются романы «Униженные и оскорбленные», «Идиот» и «Подросток»¹³¹. По тому не только количеству, но и типу аллюзий, которые обнаруживаются в массиве наследия Достоевского, с уверенностью можно говорить о превосходном знании писателем пьесы. Это отражается не только в неоднократно встречаемом афористичном выражении «что станет говорить княгиня Марья Алексеевна» в разных перепевах, но и в едва распознаваемых отсылках. Например, упоминаемый в фантазийном рассказе генерала Иволгина «Ново-землянский пехотный полк» (8, 83) заимствован из «Горе от ума»: Скалозуб служил в «Новоземлянском мушкетерском», который был выдуман Грибоедовым.

В большинстве исследований рассуждения выстраиваются вокруг образа Чацкого и понимания этого героя Достоевским на основе анализа одного неосуществленного замысла (работы А. Л. Богена) и образа Версилова, литературным прототипом которого некоторые исследователи считают Чацкого. Так, А. Л. Бем, сопоставляя Чацкого и Версилова, Чацкого и Мышкина, пишет о «внутренней связи» образов Достоевского с

¹³¹ Подробнее см.: Бем А. Л. Грибоедов и Достоевский // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1. [и единственный]: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 415–429.

грибоедовскими. «Бытовой стороны грибоедовской комедии»¹³² касается Бем вскользь – это совпадение имен Левиньки и Бореньки из «Униженных и оскорбленных» с именами, упоминаемыми Репетиловым, – Левон и Боренька. Об этом же пишет М. С. Альтман, который также указывает на интересную перефразу стихотворения Грибоедова «Певец зимой погоды летней» в названии «Зимних заметок о летних впечатлениях»¹³³.

В нашем исследовании предполагается рассмотреть совершенно иной аспект: прочтение Достоевским «Горе от ума» как «московского текста» Грибоедова. Если говорить о сугубо художественных произведениях, то впервые «Горе от ума» упоминается в 1847 г. в «Романе в девяти письмах»: Петр Иваныч разыскивает Ивана Петровича в Александринском театре на «Горе от ума» (1, 230). Но сама так называемая «фамусовская Москва» впервые возникает в петербургском и очень «книжном» романе «Униженные и оскорбленные» не только в упомянутых выше образах Левиньки и Бореньки, но в аллюзии в монологе Маслобоева о князе Валковском, москвиче по происхождению: «Ну-с, князю, разумеется, жениться нельзя было: что, дескать, графиня Хлестова скажет? Как барон Помойкин отзовется?» (3, 337).

Однако более тонкую отсылку к комедии можно разглядеть в «Записках из Мертвого дома», написанных чуть ранее, в образе Акима Акимыча, в характеристике которого есть такая деталь: «Благоговение к пуговке, к погончику, к петличке еще с детства напечатлелось в уме его в виде неоспоримой обязанности, а в сердце – как образ последней степени красоты, до которой может достичь порядочный человек» (4, 106). В «Горе от ума» Скалозуб произносит: «А форменные есть отлички: в мундирах

¹³² Бем А. Л. Грибоедов и Достоевский // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1 [и единственный]: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 422.

¹³³ Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 141.

выпушки, погончики, петлички»¹³⁴. Несомненно, что «погончик, петличка» – аллюзия к комедии, на что указали уже комментаторы четвертого тома полного собрания сочинений в 30-ти томах (4, 287), но они не развили эту мысль.

В. Б. Шкловский убедительно доказал, что Аким Акимыч службой на Кавказе, добротой и наивностью напоминает лермонтовского Максима Максимыча¹³⁵, но, по нашему мнению, столь же правомерно говорить о Скалозубе как еще одном литературном прототипе этого героя. Психологический портрет Акима Акимыча по некоторым чертам совпадает с образом Скалозуба (интересно, что зовут его Сергей Сергеевич, то есть повторяющиеся имя и отчество, как у Акима Акимыча и Максима Максимыча). Достоевский подчеркивает в описании бывшего прапорщика его военную выправку и аккуратность, совершенное принятие своего положения, поскольку ему будто все равно жить в остроге или на свободе: «Он даже и устроился в остроге так, как будто всю жизнь собирался прожить в нем: всё вокруг него, начиная с тюфяка, подушек, утвари, расположилось так плотно, так устойчиво, так надолго» (4, 208). И делает он это «по субординации». Примечательно, что рассказчик «Записок из Мертвого дома» признается, что уж очень хотелось иногда «живого слова», но Аким Акимыч вместо душевного разговора лишь по-скалозубовски способен говорить исключительно о том, «какой у них смотр был в таком-то году, и кто был начальник дивизии, и как его звали по имени и отчеству, и доволен был он смотром или нет, и как застрельщикам сигналы были изменены и проч.» (4, 208). Вспоминаются слова Репетилова о Скалозубе: «Все служба на уме!»¹³⁶. Или ироническое высказывание Софьи: «Куда как мил! и весело мне страх / Выслушивать о фрунте и

¹³⁴ Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Госуд. изд-во художественной литературы, 1953. С. 71.

¹³⁵ Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957. С. 104–105.
93.

рядах; / Он слова умного не выговорил сроду»¹³⁷. Это схоже с характеристикой Горянчиковым Акима Акимыча не только в отношении ограниченности тематики разговоров, но и его ума: «слабоумен, ужасно безграмотен, чрезвычайно резонер и аккуратен, как немец» (4, 26). Так можно говорить о традиционном для художественного мира Достоевского совмещения в одном герое прототипов литературных и действительных. Это явлено и в образе Акима Акимыча, у которого есть реальный прототип Ефим Белых и литературные – Максим Максимыч и Скалозуб.

В литературоведении в связи с проблемой «Грибоедов и Достоевский» обязательно разбирается большой литературно-критический этюд в «Зимних заметках о летних впечатлениях», где образ Чацкого, по словам А. Л. Бема, подвергается «суровой оценке»¹³⁸. Это сочинение отличает особый уровень интертекстуальности: «Достоевский активно включает в свое произведение цитаты и аллюзии – историко-литературные, библейские, философские»¹³⁹.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Чацкий интересен Достоевскому как русский европеец, как «тип милый, восторженный, страдающий, взывающий и к России, и к почве, а между тем все-таки уехавший опять в Европу» (5, 61). Называя Чацкого «сердечным фразером», Достоевский удивляется, как этот умный человек не нашел себе дела. В рассуждениях о Чацком, писатель, конечно, говорит о всем русском западничестве. И в тексте произведения рассыпаны многочисленные цитаты из комедии.

Также в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский пишет о целом поколении Чацких, под которым он, несомненно, имеет в

¹³⁷ Там же. С. 15.

¹³⁸ Бем А. Л. Грибоедов и Достоевский // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1 [и единственный]: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 421.

¹³⁹ Тарасова Н. А., Жилевич О. И. Проблема интертекстуальных связей в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2012. № 8. С. 123.

виду блестящую плеяду московского западничества, в первую очередь, А. И. Герцена, которого посещает в Лондоне во время заграничного путешествия летом 1862 г. (предположительно, было несколько встреч, на одной мог присутствовать и Михаил Бакунин), которое и легло в основу «Зимних заметок...». Известно, что в этот раз Герцен и Достоевский обменялись фотографиями и были вполне удовлетворены общением друг с другом в отличие от последующих встреч за границей. Так вот это «поколение Чацких обоюбого пола», по словам Достоевского, «когда был кончен бал, размножилось так, подобно песку морскому, и даже не одних Чацких» (5, 62). И все они уехали из Москвы, которая им надоела, в Европу: «сколько там Репетиловых, сколько Скалозубов», там «Наталья Дмитриевна с мужем» и «даже графиню Хлестову каждый год туда возят» (5, 62). В России же, как иронично подмечает Достоевский, остались лишь Молчалин, который, конечно же, переселился в Петербург и посвятил свою жизнь Отечеству, и Фамусов, которого Молчалин даже «в переднюю теперь к себе не пустит» (5, 62). Таким образом, Достоевский объединяет Чацкого с так называемой «фамусовской Москвой». Все они «ищут отрадного уголка в Европе» и называются автором «русскою Европой» (5, 63–64).

Представляется, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях» глава «И совершенно лишняя», «многочисленные отсылки к «Горе от ума» не случайны, поскольку Достоевский после каторги, ссылки и посещения Европы, в период формирования почвенничества пытается уяснить для себя те изменения, которые произошли с русским образованным обществом за десять лет его отсутствия, чем оно живет и как мыслит. И Чацкий, и фамусовское общество в реальности 1860-х гг. тоже трансформируются вместе со всем русским миром. Особенно это контрастирует с размещенным в этой же главе анекдотом из жизни Москвы (от него Достоевский и переходит к Чацкому и «Горе от ума»), в которой и остался один Фамусов, а остальные перебрались либо в Европу,

либо в Петербург. Колоритная картинка едущей на дрожках пьяной свахи в лентах с пьяным кучером, тоже с лентами, и, предположительно, с пьяной лошастью, везущей узелок, который на утро после свадьбы показывается родителям невесты, сравнивается с цивилизованными дамами, облачающимися в новомодные платья с известными намерениями. И автор недопонимает, почему в этой игривой истории газеты видят отпечаток «неслыханного варварства, «даже до сих пор сохранившихся» старых нравов, при всех успехах цивилизации, тогда как не замечают безнравственности современных дам, которые с особым тактом и умением «умеют подложить вату в известные места своей очаровательной европейской одежды» (5, 60).

Достоевский открыто в «Зимних заметках о летних впечатлениях» вступает в борьбу со смешением «цивилизации и законами нормального, истинного развития» (5, 61), которые не обнаруживает в современной Европе и России, во всем ей подражающей в так называемым «лучшем обществе». Необходимо отметить, что ни в коем случае не оправдывая «простонародное, национальное, стихийное варварство», Достоевский обличает современный мир, в котором даже Хлестова отправляется каждый год в европейский вояж.

Продолжением темы русского барства в Европе является роман «Игрок», идейно тесно связанный с «Зимними заметками о летних впечатлениях» и написанный в 1866 г. Замысел романа возникает еще в 1863 г., когда Достоевский в письме Н. Н. Страхову признался, что хочет изобразить «один тип заграничного русского», успокаивающего себя тем, что «ему нечего делать в России» (28, 2, 51). Достоевский отмечал, что в произведении будет «жесткая критика на людей, зовущих из России наших заграничных русских» (28, 2, 51). В письме образ главного героя Алексея Ивановича, который пока только намечается, несомненно, соотносится с Чацким. Помимо прямой отсылки к реплике грибоедовского героя, в письме есть и следующая характеристика, в которой явственно

присутствуют черты Чацкого, как его понимает Достоевский: «Я беру натуру непосредственную, человека, однако же, много развитого, но во всем недоконченного, изверившегося и не смеющего не верить, восстающего на авторитеты и боящегося их» (28, 2, 51). Интересно, что Чацкий в «достоевском» варианте, решая, что ему «нечего делать в России», находит применение своим силам в рулетке, на которую, по словам писателя, пошли «всего его жизненные соки, силы, буйство, смелость» (28, 2, 51). Так решается проблема «лишнего человека» Достоевским в период работы над «Игроком», которая позже разовьется в концепцию «русского скитальца». И завершая рассказ о новом замысле, обращенный к Страхову, Достоевский вновь измененной реминисценцией отсылает корреспондента к «Горе от ума»: «Наконец, я имею надежду думать, что изображу все эти чрезвычайно любопытные предметы с чувством, с толком и без больших расстановок» (28, 2, 51).

Если обратиться непосредственно к роману «Игрок», то в рамках нашего исследования интересен образ Тарасевичевой Антонины Васильевны, поскольку представляется, что одним из литературных прототипов бабушки можно считать Хлестову из «Горя от ума», на что мельком указывает Р. Г. Назиров в написанном еще в 1962 г. труде «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского “Игрок”», но ставшем известным только в 2013 г. после публикации «назировского архива»: «В качестве весьма отдаленных предшественниц “бабулиньки” можно привести классические образы знатных старух: грибоедовской графини Хлестовой, самовластной диктаторши московского “бомонда”, и пушкинской графини Анны Федотовны, деспотичной и капризной старухи, в прошлом знаменитой красавицы, *la Venus moskovite*. “Бабулинька” Антонина Васильевна напоминает их своим деспотизмом, капризами, категоричностью суждений, у неё “повелительная и властная наружность”, но Достоевский придал ей такие черты прямоты, непосредственности,

искренности, внёс в этот образ такой заметный элемент простонародности, что «бабулинька» вызывает несомненную симпатию»¹⁴⁰.

Однако в последующих исследованиях чаще пишется об автобиографичности романа, которая связана с такими фактами, как игра в рулетку, болезненные и мучительные отношения с Аполлинарией Суловой. Если же речь заходит о московской бабушке в «Игроке», то вспоминается «неродная бабинька» Достоевского О. Я. Нечаева, мачеха Марьи Федоровны, матери писателя¹⁴¹ или графиня из «Пиковой дамы» Пушкина. Так Н. В. Живолупова, подтверждая идею тесной идейной взаимосвязи «Зимних заметок...» и «Игрока» с «Пиковой дамой», отмечает, что у Пушкина и в «Игроке» есть «ценностное противопоставление двух веков — «нынешнего» и «минувшего»»¹⁴². Исследовательница предполагает, что в романе Достоевского противопоставляются «воплощенная в бабуленьке идиллическая московская Русь с традицией душевной чистоты (следование нравственным ценностям, создающим значительность личности), с острохарактерной грубоватой правдивостью, пронизательностью, основанной на опыте и разуме, вспыльчивостью и отходчивостью («самоварный характер»), прямолинейностью и добротой»¹⁴³.

И ни слова о Хлестовой как возможном прототипе бабушки в «Идиоте», поскольку в большинстве образ «la Venus moskovite» в его грибоедовском варианте видят как исключительно ограниченную, самовластную и деспотичную барыню, хотя это противоречит самой биографии Н. Д. Офросимовой как главного прототипа Хлестовой, которой блестящую и подробную характеристику дал М. О. Гершензон в своей

¹⁴⁰ Назиров Р. Г. К вопросу об автобиографичности роман Ф. М. Достоевского «Игрок» // Назировский архив. 2018. № 1. С. 85.

¹⁴¹ Хроника рода Достоевских / Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 171.

¹⁴² Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008. С. 90.

¹⁴³ Там же. С. 91.

знаменитой работе «Грибоедовская Москва»: «Она действительно властно командовала в московском обществе»¹⁴⁴ и «в старости была вздорная и сумасбродная, на манер Хлестовой, все знала и ко всякому приставала с допросом»¹⁴⁵. Но из приведенных анекдотов из жизни этой колоритной барыни можно понять, что она была по-московски щедра, хлебосольна, верна традициям и правилам, чем напоминает реальную Наталью Дмитриевну Офросимову (прообраз Хлестовой, она же выведена в романе Толстого «Война и мир» в образе М. Д. Ахросимовой). Гершензон упоминает факт биографии Офросимовой, который очень напоминает приезд бабушки в Рулетенбург. Будучи уже разбитой параличом, Офросимова приезжает на бал к Исленьевым и объявляет, что прогнала всех докторов и выбросила лекарства. И так прожила еще пять лет (к слову, бабушка в «Игроке» пять лет уже сидит в креслах), до семидесяти четырех¹⁴⁶. Так и Хлестова является на бал к Фамусовым через всю Москву в шестьдесят пять лет, о чем, ворча, заявляет Софье. Поразительны фактические совпадения, поскольку нет доказательств того, что семья Достоевских могла знать Офросимову, принадлежащую к другому кругу. Но ясно одно: Достоевский очень хорошо знал московский мир.

При внимательном изучении «московского кода» «Игрока» становится понятна та глубинная внутренняя связь «грозной и богатой, семидесятилетней Антонида Васильевны Тарасевичевой, помещицы и московской барыни, la baboulinka, о которой пускались и получались телеграммы», «умиравшей и не умершей», «которая вдруг сама, собственноручно, явилась к нам как снег на голову» (5, 250) с московскими дамами, о которых Фамусов в своем знаменитом монологе о

¹⁴⁴ Гершензон М. О. Грибоедовская Москва // Гершензон М. О. Избранное. Т. 1. Мудрость Пушкина. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 355.

¹⁴⁵ Там же. С. 356.

¹⁴⁶ Там же. С. 356.

том, что «на всех московских есть особый отпечаток», с восторгом восклицает:

А дамы? – сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение, – ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!¹⁴⁷

«Бойкая, задорная, самодовольная, прямо сидящая, громко и повелительно кричащая, всех бранящая» (5, 250) бабушка под стать Анфисе Ниловне Хлестовой, которую многие называют в критике графиней, хотя о ее принадлежности к графскому титулу ничего не сказано в самой комедии. И Достоевский, неоднократно упоминая в своем творчестве, нарекает ее графиней (например, В «Зимних заметках...»: «даже графиню Хлестову каждый год туда возят» (5, 62)). Так и бабушка в «Игроке» всеми вокруг принимается за «une russe, une comtesse, grande dame» и записывают ее в отеле как графиню, хотя таковой она никогда не была.

И бабушка, и старуха Хлестова резки на язык, насмешливы, но и мягки в отношении к Полине и племяннице Софье, нетерпимы к «фиглярству» и разного рода «французишкам», как именует Тарасевичева Де-Грие, но снисходительны и жалостливы к людям, которые, по их понятиям, заблудились и ошибаются: Хлестова даже Чацкого жалеет «по-христиански», поскольку «он жалости достоин»¹⁴⁸.

«Грибоедовская Москва» в романе представлена и «свитой» Антонида Васильевны, являющейся в Рулетенбург с верной прислугой в лице Марфы, «сорокалетней, румяной, но начавшей уже сесть девушки» (5, 260) и Потапыча, который произносит после первого проигрыша

¹⁴⁷ Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Госуд. изд-во художественной литературы, 1953. С. 36.

¹⁴⁸ Там же. С. 81.

бабушки, попавшей в безумную круговерть игры, важные для понимания одной из центральных проблем романа слова: «И уж поскорей бы в нашу Москву! И чего-чего у нас дома нет, в Москве? Сад, цветы, каких здесь и не бывает, дух, яблоньки наливаются, простор, – нет: надо было за границу! Ох-хо-хо!..» (5, 281). В этой народной сентенции прямо звучит важный для Достоевского мотив: сад как символ утраченного человечеством Эдема, который в будущем может вновь быть им обретен. В. Г. Щукин как раз называет Москву «городом-растением, городом-деревом, городом-садом» как нечто живое, неподвластный оковам цивилизации организм»¹⁴⁹. И бабушка рвется назад в Москву, чтобы «церковь из деревянной в каменную перестроить» (5, 279) и зовет туда Прасковью (так она по-русски зовет Полину) в свой дом, который как «дворец» (5, 279).

Роман о русских европейцах, как и «Зимние заметки о летних впечатлениях», – произведение о катастрофическом изломе традиции, о трагедии русской самоидентичности, утрачиваемой в подражании Европе, в бегстве за «псевдораем» и ложными ценностями. И хотя «свита генерала» в Рулетенбурге устраивает званые обеды «по-московски» (5, 208), но ее связь с той Москвой, частичку которой привозит бабушка, прервана окончательно.

В романе «Идиот» в образе крестной матери Аглаи Епанчиной «могущественной» (8, 153) княгини Белоконской также можно разглядеть типологическую близость грибоедовским княгине Марье Алексеевне и старухе Хлестовой. В «Идиоте» Москва по количеству и значимости происходящих событий не уступает Петербургу. Только об этих событиях читатель узнает из рассказов самих героев, по слухам и сплетням, тогда как все действие романа разворачивается в пространстве Петербурга или Павловска.

¹⁴⁹ Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 517.

Княгиня Белоконская описывается Достоевским как типичная московская барыня, авторитет которой непоколебим, а резкое слово или категоричное суждение беспрекословны: «Это была страшная деспотка; в дружбе, даже в самой старинной, не могла терпеть равенства, а на Лизавету Прокофьевну смотрела решительно как на свою protégée, как и тридцать пять лет назад, и никак не могла примириться с резкостью и самостоятельностью ее характера...» (8, 422). «Протекция» Белоконской «действительно много значила в свете», поэтому семейство Епанчиных надеется на то, что «“свет” примет жениха Аглаи прямо из рук всемошной «старухи»» (8, 434). А сама крестница отзывается о ней так: «Дрянная старушонка и дрянная характером, да умна и их всех в руках умеет держать, — хоть тем хороша» (8, 435). Все эти описания схожи с портретами колоритных грибоедовских московских барынь.

Белоконская щедра, милостива, принимает в Москве каждый день Мышкина, которого именует «чудаком», благоволит ему и одаривает советами. Благодаря ей, князь «в двух-трех домах хороших стал принят» (8, 152). Ее речь схожа с речью Хлестовой. Так, например, она в ответ на слова Мышкина о ее приветливом приеме отрывисто бросает: «Что ты на стены-то лезешь? Человек ты добрый, да смешной: два гроша тебе дадут, а ты благодаришь, точно жизнь спасли. Ты думаешь, это похвально, а это противно» (8, 456). Хлестова, узнав о сумасшествии Чацкого, предполагает, что его можно еще вылечить, а Белоконская говорит о Мышкине: «Дурака не вылечишь» (8, 153).

Княгиня Белоконская, которая, как и Хлестова, за глаза называется Лизаветой Прокофьевной «старуха» (к слову, Достоевский часто называет в черновиках Хлестову княгиней) рекомендует Епанчиным, чрезвычайно уважающим ее, Евгения Павловича Родомского: «Этот молодой и с “будущностью” флигель-адъютант был сильно возвышен отзывом старухи Белоконской из Москвы» (8, 154). Роль княгини на скандальном вечере с разбитой Мышкиным вазой напоминает роль Хлестовой на балу в доме

Фамусовых. Именно старуха Белоконская выносит окончательный вердикт Мышкину: «Что ж, и хорош и дурен; а коли хочешь мое мнение знать, то больше дурен. Сама видишь, какой человек, больной человек!» (8, 459). А Хлестова бросает Репетилову о Чацком в восьмом явлении последнего действия: «Так Бог ему судил; а впрочем, // Полечат, вылечат авось»¹⁵⁰.

В связи с вопросом генезиса образ княгини Белоконской интересен фантастический рассказ генерала Иволгина, который сочиняет историю о выброшенной в окно поезда болонке, принадлежавшей гувернантке княжны Белоконской, «старой девы лет тридцати пяти» (8, 94), одной из шестерых сестер. Как известно, у Хлестовой был «прелестный шпиц», а Марья Алексеевна Тугоуховская была матерью шестерых дочек, княжон, которых она безрезультатно мечтала выдать замуж. Так причудливо переплетаются в московских ассоциациях Достоевского образы грибоедовских барынь.

Московское общество, которое описывается в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Игроке», предстает и в подготовительных материалах к «Бесам». В уста будущего идеолога «русского народа-богоносца» Достоевский вкладывает очень важные мысли все о той же оторванности высшего общества от народа. Для автора романа, в котором разоблачается новый тип революционности и русский либерализм, Чацкий и московское общество вновь становятся тем катализатором, который позволяет развить главенствующую идею «Бесов» – о «прямых отцах» современных Нечаевых, видимых в прекраснодушных западниках 1840-х гг., выведенных в образе Степана Трофимовича Верховенского и писателя Кармазинова. Как и в «Зимних заметках о летних впечатлениях», будущий Шатов, пока Шапошников, высказывает мысль о том, что Чацкий, как «ограниченный дурак», не может найти другого дела, как «к перу от карт и к картам от пера». И объясняет почему. Потому что он

¹⁵⁰ Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Госуд. изд-во художественной литературы, 1953. С. 96.

«московский барин и помещик» и не знает никакой другой жизни кроме «московской жизни высшего круга» (11, 87). Достоевский вновь говорит о незнании Чацким русского народа и даже ненависти к нему. В своих рассуждениях писатель объединяет Чацкого с «декабристами, и поэтами, и профессорами, и либералами, и всеми реформаторами» (11, 87). И вспоминает грибоедовских «тогдашних» москвичей, «в карты игравших и служивших», которые, на самом деле, были более «передовыми», чем современные либералы, поскольку не забывали свою «почву». «Либерализм, кончивший антинациональностью и личной ненавистью к России, есть застой и сумбур, а вы этого не понимаете» (11, 87), – говорит Шапошников (Шатов) Грановскому (именно так в черновиках обозначался будущий Верховенский).

Несколько иначе «русский европеец» изображается в памфлетной статье «Щекотливый вопрос», упомянутой уже в первой главе диссертационного исследования в связи с полемикой с журналом «Русский вестник» и его редактором М. Н. Катковым в период издания «Времени». Нередкие художественные фрагменты в публицистике Достоевского показывают, что он всегда оставался прежде всего писателем. Так и в этой статье Достоевский «досочиняет» сцену из московской жизни. Им описывается званый обед, на котором разворачивается спор между нигилистом, выражающим позицию «Современника», и оратором-Катковым, восхваляющим свой журнал. И в одном из своих монологов оратор утверждает, что главная его заслуга – «английские начала», введенные им в моду взамен «начала народного, национального», которое, по собственному признанию, он терпеть не может (20, 41). А далее рассуждает об особой популярности «английских начал» в Москве, обращаясь к «Горе от ума» и цитируя Репетилова в разговоре «с этим бестолковым Чацким (впрочем, превосходным и истинным джентльменом):

Во первых, князь Григорий,

Век с англичанами, вся английская складка;

И так же он сквозь зубы говорит,

И так же коротко обстрижен для порядка.

Я знал этого превосходного и незабвенного нобльмена, князя Григория. Он даже занял у меня книгу, которую и забыл отдать, но я уже давно простил ему это. Он тоже стоял на английских началах» (20, 41).

Достоевский в этом фрагменте при помощи эпитета «превосходный» и определения Чацкого джентльменом, а князя Григория – нобльменом сравнивает очень разных русских европейцев. Как уже было выявлено ранее, именно так объединяются Достоевским Чацкий и высмеиваемое им фамусовское общество и в «Зимних заметках о летних впечатлениях», и в «Игроке». Блестяще зная текст «Горе от ума», Достоевский моделирует судьбу грибоедовского героя, показывая те пути, которыми могут пойти западники: одни «ушли потом очень далеко» (и внимательный читатель понимает, о ком идет речь), а такие, как князь Григорий, испугались и уехали в свои деревни, где от их «английских начал» ничего не осталось, а «вся английская складка исчезла безвозвратно». Более того, Оратор-Катков говорит, что «хорошо знал, что английская складка у нас в Москве, когда доходит до дела, исчезает тотчас же и безвозвратно» (20, 42). Удивительно тонко вплетает в свою пародию Достоевский реминисценции из Грибоедова: так камердинер Сенька князя Григория ходит «в сюртуке с продранными локтями» (20, 41). Заметим, что писатель показывает во всех упоминаниях «Горе от ума» не просто застывшую в начале века фамусовскую Москву, а моделирует ее настоящее середины века.

Неоднократно вспоминается Достоевским комедия и в «Дневнике писателя». Нарекая Чацкого «самым слабым типом в комедии», Достоевский пишет о том, что «Горе от ума» «сильно своими яркими художественными типами и характерами», что и дает «все внутреннее содержание этому произведению» (22, 166). В самом «Дневнике писателя» Достоевский – в этом оригинальность его интерпретации «Горе от ума» –

Чацкого не отделяет от фамусовского общества, как и в более ранних размышлениях. И в «Дневнике писателя» вкладывает эту мысль в уста своего Парадоксалиста, который является постоянным собеседником автора в журнале и выражает некоторые самые смелые мысли Достоевского. Парадоксалист в выпуске «Дневника» (июль-август 1876 г., глава «Детские секреты») заявляет, что Чацкий «был в высшей степени необразованным москвичом, всю жизнь свою только кричавшим об европейском образовании с чужого голоса, так что даже завещания не сумел написать, как оказалось впоследствии, а оставил имение неизвестному лицу, «другу моему Сонечке»» (23, 92). «Друг мой Сонечка» – отсылка к третьей главе цикла сатирических очерков «Господа Молчалины» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Отсылка к этому сочинению есть в статье «Два самоубийства» (октябрьский выпуск «Дневника писателя» 1876 г.), где вспоминается разговор с Салтыковым-Щедриным (называемым «большим художником»). В начале Достоевский признается, что он, «чуть не сорок лет знающий “Горе от ума”, только в этом году понял, как следует один из самых ярких типов этой комедии, Молчалин». Помог же ему в этом как раз очерк Щедрина. И здесь Достоевский обещает, что обязательно еще поговорит о Молчалине, поскольку «тема знатная» (23, 144). Он действительно планировал включить главу «Сатира, Чацкий, “Ревизор”, Алеко-Щедрин» в декабрьский выпуск 1876 г. Подготовительные материалы этого периода содержат большое количество заметок о «Горе от ума». Попробуем раскрыть идею неосуществленного замысла.

Во-первых, в записных тетрадях можно встретить разрозненные характеристики Молчалина, которые порой по-достоевски парадоксальны: «Молчалин – это не подлец. Молчалин – это ведь святой. Тип трогательный» (24, 240); «Не выставлено психологическое оправдание любви Софьи к Молчалину, не намечала ему качеств» (24, 307).

Во-вторых, в заметках еще до работы над речью о Пушкине несомненна для Достоевского связь Чацкого с концепцией «русского скитальца»: «Пушкин кричит про Чацкого: “Но кому это он все говорит, это непростительно!” Напротив, напротив, он не мог бы иначе, это художественно, и он вполне себе верит. В своем мирке. Всего только хвост спереди. Только Грибоедов выставил Чацкого положительно, тогда как надо бы отрицательно. Доволен Чацкий малым. Свежо предание, а верится с трудом, — т. е. он не замечает, что и теперь точно то же. Не в той форме, не в том мундире — вот для него уж и разница. Мелко плавает. Основной сущности зла не понимает. Но вот Алеко убил, что ж вы думаете, он будет кричать, пойду искать по свету. Карету мне, карету. Дескать, люди виноваты, не я. Или, лучше сказать, Москва виновата. Нет, Алеко остается» (24, 303). Если обратиться к написанной в конце жизни Пушкинской речи, то в ней Алеко объявляется ранней разновидностью типа «русского скитальца», открытого Пушкиным: «В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем» (26, 137). Так можно говорить о несомненной связи в сознании Достоевского Чацкого и Алеко как ранних вариантов «русского скитальца». И еще одна запись в целой россыпи заметок о комедии в записных тетрадях 1876–1877 гг.: «Остроты Чацкого не остроты, а дерзости. Да так и должно быть: он преследует не сущность дела, а лишь лица, бранится с ними и говорит им личности» (24, 304).

В итоговом варианте «Пушкинской речи» отсутствует какое-либо упоминание Чацкого, а вот в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» 1880 г., в котором публикуется речь в виде очерка «Пушкин», можно обнаружить очень важный фрагмент, позволяющий говорить о генетической связи концепции «русского скитальца», вырастающей из размышлений о Чацком и «русских европейцах» в «Зимних заметках о

летних впечатлениях» и «Игрока». Раздумывая о типе Онегина, Достоевский записывает: «Это и тип Чацкого, столь сбивчивый, столь самоуверенный, бранящий Москву и французский язык, бранящий фраки, кричащий, что нам надо занять хоть у китайцев

Премудрого у них незнания иноземцев,
и между тем бегущего из России за границу» (26, 218–219).

По мнению Достоевского, если бы за Чацкого принялся «бессмертный поэт», то «вышел бы и тип бессмертный и правдивый» (26, 219). Но Грибоедов совершил ошибку, взглянув на этот тип как на положительный, а не на отрицательный.

Как явствует из большинства заметок, часть из которых приведена выше, Достоевский крайне отрицательно характеризует героя, называя его даже «уродством комедии», однако понятого как «положительный тип» в то «наивное время» (24, 307).

Достоевский в 1878 г. замыслил написать критическую статью о Грибоедове, о чем свидетельствует программа журнала (26, 175), но так и не осуществил этот замысел. Комедия Грибоедова упоминается и в последнем выпуске «Дневника писателя». Как и в 1860-е гг., в 1881 г. Достоевский пишет о ее героях как ярких образцах «русского европеизма», заключающегося в смешной и нелепой, а главное, бессмысленной и обреченной на провал попытке стать европейцами и выслужиться перед Европой, понравиться ей: «Вот что мы выиграли в Европе, столь ей служа? Одну ее ненависть! Мы сыграли там роль Репетилова, который, гоняясь за фортуной, приданого взял шиш, по службе ничего» (27, 34).

Грибоедовская комедия возникает в творческом сознании Достоевского в ходе дискуссии с представителями западнического лагеря, представленного, главным образом, «Вестником Европы». Обостряется эта полемика после «Пушкинской речи» и публикации ее в «Дневнике писателя». Если ответить А. Д. Градовскому Достоевский успел в единственном выпуске «Дневника» за 1880 г., то на вышедшее в

ноябрьском выпуске «Вестника Европы» «Письмо Ф. М. Достоевскому» К. Д. Кавелина, известного в 1840-е гг. профессора Московского университета и западника, а в настоящем – человека весьма умеренных взглядов, писатель уже не успеет отозваться печатно. Как отмечает один из исследователей, К. Д. Кавелин «пересмотрел к середине 60-х гг. свою первоначальную, либерально-западническую концепцию русской истории и оставил идею неизбежного схождения путей исторического развития России и Европы»¹⁵¹, но по-прежнему входил в редакционный круг «Вестника Европы». Именно он отвечает своим письмом на антилиберальную полемику Достоевского с Градовским критикой позиции писателя и несогласием со многими положениями речи. Не вдаваясь в подробное описание статьи Кавелина, отметим, что Достоевский основательно готовился дать ему отпор в февральском выпуске 1881 г. В связи с этой подготовкой писатель отметил по поводу спорных идей К. Д. Кавелина о природе нравственных идей в своих последних заготовках (именно ими завершаются записи Достоевского): «Это очень ретроградно от вас, г-н Кавелин. Как это вы недосмотрели и так промахнулись. Что станет теперь говорить княгиня Марья Алексеевна» (27, 85). Далее он фиксирует одно из наиболее цитируемых высказываний, относящихся к «Братьям Карамазовым»: «И в Европе такой силы атеистических выражений нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла» (27, 86). И, наконец, вскоре после заголовка «Кавелин» есть такая запись, которая приводится полностью: «“Горе от ума” (Гончаров). Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива: Пойду искать по свету...

¹⁵¹ *Кутаев В. А.* «Вестник Европы» в полемике с Ф. М. Достоевским (1880–1881 гг.) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 41.

То есть где? Ведь у него только и свету, что в его окошке, у московского хорошего круга, не к народу же он пойдет. А так как московские его отвергли, то, значит, “свет” означает здесь Европу. За границу хочет бежать.

Если б у него был свет не в московском только окошке, не вопил бы он, не кричал бы он так на бале, как будто лишился всего, что имел, последнего достояния. Он имел бы надежду и был бы воздержаннее и рассудительнее.

Чацкий – декабрист. Вся идея его – в отрицании прежнего, недавнего, наивного поклонничества. Европы все нюхнули, и новые манеры понравились. Именно только манеры, потому что сущность поклонничества и раболепия и в Европе та же» (27, 86).

Это последний набросок в жизни писателя, в котором, однако, можно увидеть в обобщенном виде те самые идеи и мысли, которые зарождаются у Достоевского еще в начале 1860-х гг.: это утверждение, что Чацкий сам является частью московского общества, несмотря на свой декабризм и западничество; это взгляд на фамусовский мир как обобщенный образ заплутавшей на пути к Европе патриархальной России, поначалу подражавшей ей, а затем потерявшей себя. Не случайно в романе «Подросток» именно Версиков, восхищенно ратующий за Европу как дорогое русскому сердцу «кладбище», запоминается Аркадием в образе Чацкого.

В третьем томе «Летописи...» (под редакцией И. Л. Волгина) сказано следующее: «Датируем набросок серединой января по местоположению в рабочей тетради. Некоторые основания уточнить датировку дают воспоминания А. С. Суворина о их последней встрече с Д. “дней за десять” до смерти писателя (см.: Января 18 (?)): “На столе у меня лежали “Четыре очерка” Гончарова, где есть статья о “Горе от ума”. Я сказал, что настоящие критики художественных произведений — сами писатели-художники, что у них иногда являются необыкновенно

счастливые мысли. Достоевский стал говорить, что ему хотелось бы в “Дневнике” сказать о Чацком <...> Чацкий ему был несимпатичен. Он слишком высокомерен, слишком эгоист. У Репетилова больше сердца...”¹⁵². Можно предположить, что набросок в рабочей тетради сделан «по горячим следам» разговора с Сувориным (см. также: 1880. Декабря после 10). «Замысел критической статьи, посвященной комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума”, Д. вынашивал еще в 1876–1877 гг.»¹⁵³. К сожалению, смерть помешала написанию статьи.

Таким образом, можно говорить о комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» как произведении, не только хорошо известном Достоевскому, высоко ценимом, часто цитируемом и упоминаемом во всем массиве наследия писателя (письма, подготовительные материалы, публицистика, сочинения), но и сыгравшем колоссальную роль в формировании почвеннических идей и концепции «русского скитальца» (Чацкий – Алеко – Онегин). Достоевского занимала не только фигура самого Чацкого как литературного прототипа некоторых героев писателя (Алексей Иванович, Версилов), но и сложность, неоднозначность его взаимосвязи с так называемой «фамусовской Москвой», сыном которой он является. В понимании Достоевского Чацкий неразрывно с ней связан, и его протест против традиций и устоев, его бегство в Европу являются вполне типичным явлением в русском мире. Поднимая проблему оторванности образованного общества от корней, Достоевский стремился подчеркнуть не уникальность Чацкого, а его типичность, которую окончательно осознал писатель после поездки в Европу в начале 1860-х гг.

«Грибоедовская Москва» в понимании Достоевского – это и утерянный в действительности 1860–1870-х гг. особый мир, хорошо

¹⁵² Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. С. 468–469.

¹⁵³ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. 1821–1881 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Фридлиндера Г. М., Будановой Н. Ф. Т. 3: 1875–1881 / [Сост. А. В. Архипова и др.]. СПб.: Акад. проект, 1995. С. 534.

знакомый писателю по детским годам и легко угадываемый им в «Горе от ума» (например, «бабинька» О. Я. Нечаева и старуха Хлестова в образе бабушки в «Игроке»); это и москвичи, увлеченные всем европейским, что поначалу выражается в слепом подражании Европе, а затем в их преобразении из хранителей традиционности и неизменности либо в либералов-западников, «русских европейцев», покидающих родной город и перебирающихся в Петербург и Европу, либо в людей прошедшего «наивного времени», отправляющихся в деревню на покой.

В заключении отметим, что М. С. Альтман находит в московском быте 1830-х гг. прототипов князя К. из «Дядюшкиного сна» в реальных «московских чудаках»: в драматурге и директоре Московского театра Федоре Федоровиче Кокоскине и еще одном богатом помещике, о котором рассказывал М. И. Пыляев¹⁵⁴.

§ 3. Московские реалии в романах Ф. М. Достоевского 1860-х гг.

В творчестве Достоевского 1860-х – начала 1870-х гг. Москва, так же как и в «докаторжный» период, формально не является местом, где разворачиваются события романов. Но в отличие от 1840-х гг., когда речь идет лишь о московских прототипах петербургских героев, в произведениях этого периода московские реалии становятся важной составляющей в романном пространстве Достоевского.

Роман «Униженные и оскорбленные» считается одним из наиболее автобиографичных романов Достоевского. В примечаниях к третьему тому академического собрания сочинений читаем: «В “Униженные и оскорбленные” писатель вместил такое количество автобиографического материала, какого ранее он никогда еще не предлагал вниманию

¹⁵⁴ Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 33–34.

читателей» (3, 522). Но весь этот биографический пласт относится к воспоминаниям, связанным с молодыми годами в Петербурге. Москва же здесь, пожалуй, впервые фигурирует в свойственной ей для послекаторжного периода функции места, откуда и куда приезжают герои в Петербург, города, где они спасаются, ищут свое счастье или с ними происходят какие-то значимые перемены. Так, князь Валковский происходит от родителей, «окончательно разорившихся в Москве». Там же работает в канцелярии, а затем женится на «перезрелой дочери какого-то купца-откупщика» (3, 181). Предтечей этого образа в Достоевистике принято считать Быкова из «Бедных людей» и Юлиана Мастаковича, о которых говорится в первом параграфе этой главы в связи с их прототипом – П. А. Карепиным. Конечно, в князе Валковском трудно обнаружить черты Карепина, но, как и упомянутые герои, он «женился на деньгах». Алеша уезжает в Москву и пишет письма Наташе, в которых рассказывает о тех переменах, которые с ним произошли там.

В «Преступлении и наказании» многие исследователи также обнаруживают черты П. А. Карепина в образе Лужина и в его сватовстве к Авдотье Раскольниковой. Если обратиться к характеристике героя Пульхерией Александровной, которую она дает в письме к сыну, то можно заметить много схожего с предвзятым образом реального Карепина, который к этому моменту уже сформирован в сознании Достоевского и от которого, как это было ранее отмечено, он так и не смог избавиться: «человек весьма почтенный», «положительный», «несколько как бы тщеславен и очень любит, чтоб его слушали, но ведь это почти не порок», человек «...деловой и занятый, и спешит теперь в Петербург, так что дорожит каждой минутой. <...> Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал. Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и как бы высокомерный» (6, 31).

Совпадает возраст и положение героя и прототипа. А в черновиках было и сравнение Лужина со скупым рыцарем Пушкина, а для Достоевского, в молодости выпрашивающего у опекуна деньги, жадность и прижимистость П. А. Карепина также были несомненны, в письмах к брату Достоевский сравнивал Петра Андреевича с Фамусовым, Чичиковым и Фальстафом (28, 98).

Однако Лужин женится на бесприданнице, тогда как за Варварой Михайловной давалось небольшое приданое, и женитьба на ней значила родство с известной московской купеческой семьей, что позволяет говорить о совершенно иных основаниях ее брака с Карепиным. Но изначально настроенный против брака сестры и обиженный в свое время Карепиным Достоевский в образе Лужина (надворного советника, как и П. А. Карепин, имеющего свой капитал и служащего в двух местах) привносит мотив сладострастных грез о невесте бедной, тихой и беззащитной: «Давно уже, уже несколько лет, со сластью мечтал он о женитьбе, но всё прикапывал денег и ждал. Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благонравной и бедной (непрерменно бедной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастий и вполне перед ним приникшей, такой, которая бы всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному. Сколько сцен, сколько сладостных эпизодов создал он в воображении на эту соблазнительную и игривую тему, отдыхая в тиши от дел!» (6, 235).

Однако в «Преступлении и наказании» более значима история создания романа, в основу которого положен ряд событий, произошедших в Москве. У Раскольникова, как и у большинства героев Достоевского, нельзя найти одного конкретного прототипа. Как точно отметили в одной статье авторы-юристы, теория Раскольникова – «это не идея одного маргинала – это подход к правопониманию, присущий определенной

социальной группе»¹⁵⁵. В черновике письма М. Н. Каткову об идее произведения (белового варианта не сохранилось), написанном в сентябре 1865 г., Достоевский рассуждает, что заставило его приступить к написанию повести о том, «что налагаемое юридическое наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти потому, что он и сам его нравственно требует» (28, 2, 136). И находит он этому явлению подтверждение в действительности. В качестве доказательства приводит факты: «Мне рассказывали прошлого года в Москве (верно) об одном студенте, выключенном из университета после Московской студент(ской) истории, — что он решился разбить почту и убить почтальона. Есть еще много следов в наших газетах о необыкновенной шатости понятий, подвигающих на ужасные дела. (Тот семинарист, который убил девушку по уговору с ней в сарае и которого взяли через час за завтраком, и проч.). Одним словом, я убежден, что сюжет мой отчасти оправдывает современность» (28, 2, 136).

Также прототипами Раскольниковца считаются приказчик Герасим Чистов, двадцатисемилетний раскольник, «убивший топором в январе 1865 г. в Москве двух старух (кухарку и прачку) с целью ограбления их хозяйки, мещанки Дубровиной. Другой прототип – А. Т. Неофитов, московский профессор всеобщей истории, проходил по делу подделывателей билетов 5% внутреннего займа (в части мотива мгновенного обогащения в сознании Раскольниковца)»¹⁵⁶.

В комментариях к роману, размещенных в седьмом томе полного собрания сочинений писателя, Г. Ф. Коган подробно исследует по газетам того времени преступление Герасима Чистова (7, 337). Также в комментариях указывается и на автобиографизм, заключающийся в

¹⁵⁵ Машков А. Д., Руденко Б. Б., Балащенко М. И. Критика Ф. Достоевским нигилистических взглядов на право (на примере образа Раскольниковца в романе «Преступление и наказание») // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2011. Т. 24 (63). № 2. С. 67.

¹⁵⁶ Там же. С. 65.

сходстве некоторых обстоятельств в жизни писателя и его героев: «В семье самого Достоевского в 1864–1865 гг., когда он задумывал роман, остро вставали вопросы, близкие к проблемам, занимавшим Раскольникову. После смерти М. М. Достоевского его дети — богато одаренные юноши и девушки — остались без куска хлеба. А между тем тетка М. М. и Ф. М. Достоевских (сестра их матери) — выжившая из ума старуха А. Ф. Куманина, обладательница огромного капитала, отказывает в помощи племянникам, завещая свои деньги на украшение церквей и поминовение души» (7, 335). Трудно согласиться с этой параллелью. Тетушка всю жизнь помогала своим родственникам. «Куманины помогали всем своим семерым крестникам Достоевским: из чувства христианского долга перед ними, сострадательной памяти о Марии Федоровне, их рано умершей матери, и благодарности к их отцу, Михаилу Андреевичу, который когда-то излечил от серьезной болезни Александра Алексеевича»¹⁵⁷, — утверждает В. В. Борисова. Конечно, в последние годы жизни тетюшка, о которой все Достоевские всегда отзывались с теплотой, страдала старческим слабоумием, и позднее будет проблема с так называемым «куманинским наследством», но проблемы этой не было еще в годы работы писателя над «Преступлением и наказанием». Так, в письме брату 1864 г. после визита к Александре Федоровне Достоевский пишет: «Тетка, хоть и в здравом рассудке вполне (я очень недавно был там), но очень слаба памятью (но совсем не так, чтоб забывать людей и не помнить происшествий). В расположении духа хорошем. Начала для своего утешения на фортепианах играть, 30 лет не игравши. Характеру никакого, решимости никакой, находится под влияниями» (28, 2, 79). И, конечно, не вина Александры Федоровны, что братья и сестры Достоевские после ее смерти не смогли мирно распорядиться наследством. И в 1869 г., когда начнется процесс по оспариванию завещания А. Ф. Куманиной, писатель

¹⁵⁷ Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // Неизвестный Достоевский. 2019. № 1. С. 47.

уже будет так отзываться о ней: «Что тетка была не в своем уме несколько лет (года 4 последних наверно) – тому и я многократный очевидец, и если надо, то найдутся 100 свидетелей» (29, 1, 48). Но такого рода высказывания никак не соотносятся с характером параллелей между отношениями племянников с Александрой Федоровной и ситуацией Раскольникова.

А вот другое обращение к московским биографическим источникам вполне допустимо: «В 1865 г. другой родственник и наследник той же А. Ф. Куманиной, московский профессор А. Т. Неофитов был осужден за подделку билетов пятипроцентного займа» (7, 335). В романе читаем: «Там, слышно, бывший студент на большой дороге почту разбил; там передовые, по общественному своему положению, люди фальшивые бумажки делают; там, в Москве, ловят целую компанию подделывателей билетов последнего займа с лотереей, – и в главных участниках один лектор всемирной истории» (6, 118). За «лектором всемирной истории» скрывается как раз дальний родственник Достоевского и на тот момент, тоже наследник Куманиной, А. Т. Неофитов, от которого и пострадала родная тетка Александра Федоровна Куманина, у которой Неофитов занял деньги под залог поддельных свидетельств» (7, 375). Его ответы во время следствия напоминают доводы Раскольникова. Неофитов, как публикуют «Московские ведомости», «видя затруднительное положение своих дел и дел своей матери, желая по возможности упрочить свое состояние и смотря в то же время на людей, легко обогащающихся недозволенными средствами без всякой ответственности, он, — рассказывает обозреватель процесса, — пришел к мысли воспользоваться легкостью незаконного приобретения и обеспечить себя и семейство матери своей» (7, 376). Как раз на «Московские ведомости» в «Преступлении и наказании» ссылается Заметов: «Вот недавно еще я читал в “Московских ведомостях”, что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили. Целое общество было. Подделывали билеты» (6, 126). А чуть раньше Разумихин

воскликает: «А что отвечал в Москве вот лектор-то ваш на вопрос, зачем он билеты подделывал: “Все богатеют разными способами, так и мне поскорей захотелось разбогатеть”. Точных слов не помню, но смысл, что на даровщинку, поскорей, без труда! На всем готовом привыкли жить, на чужих помочах ходить, жеваное есть. Ну, а пробил час великий, тут всяк и объявился чем смотрит...» (6, 118). Обсуждаемое событие носит не просто случайный характер. Само событие упоминается в связи с убийством процентщицы, произошедшим в Петербурге. В реакции Раскольников и других персонажей романа на это московское происшествие раскрывается и эпоха, и позиция центрального героя, свысока называющего московских мошенников «балбеками» и отрицающего правильность коллективного преступления.

Г. Ф. Коган в одной из своих работ доказывает прямое влияние на оформление образа Порфирия Петровича полковника Ивана Петровича Поля, который возглавлял комиссию по расследованию дела о подделке. В прессе широко обсуждалось это московское дело. Поля упрекали в том, что ведение дела шло не по правилам: им впервые был применен допрос с глазу на глаз, то есть не «по форме», чем в романе «Преступление и наказание» будет гордиться Порфирий Петрович. Г. Ф. Коган утверждает, что примеры «психологических улик» черпались Достоевским из московского уголовного дела¹⁵⁸.

Л. И. Сараскина в биографической книге о Достоевском разбирает еще одно «невероятное совпадение романного вымысла с реальностью»¹⁵⁹, на которое указывали и комментаторы академического собрания сочинений. После отправки для публикации первой части романа «Преступление и наказание» в «Русский вестник» и за пару недель до выхода его (30 января 1866 г.), в Москве происходит убийство, о котором

¹⁵⁸ Коган Г. Ф. Московский пристав следственных дел и следователь Порфирий Петрович // Достоевский и современность. Новгород. 1994. С. 160–167.

¹⁵⁹ Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 437.

пишут все газеты и которое в точности повторяет преступление Раскольникова. «Студент Московского университета А. М. Данилов, который никак не мог знать о литературном сюжете с убийством ростовщицы и ее сестры (текст романа еще только печатался в журнале), в самом центре Москвы убил ростовщика-закладчика К. Ф. Попова и его служанку М. Нордман»¹⁶⁰. По уверению прессы, события, развивающиеся в романе, и убийство московского ростовщика и его прислуги совпадают в деталях, хотя поведение и психология Раскольникова и реального преступника совершенно различны. К слову, сам Достоевский знал об этом совпадении и очень им гордился. Как утверждает Л. И. Сараскина, «способность предвосхищать реальные явления, понимать суть будущих итогов настоящих событий и тем самым предвидеть события станет главным качеством писательского почерка»¹⁶¹.

Вопрос о московских реалиях в «Преступлении и наказании» не может быть до конца решен без учета тех впечатлений, которыми напитывается Достоевский летом 1866 г. в Люблине, когда он работает над пятой частью романа. Так Н. Фон-Фохт в своих воспоминаниях упоминает о немецком романсе на стихи Гейне, исполняемом им в присутствии писателя, который затем был вложен в уста умирающей Катерины Ивановны: «Романс этот очень понравился Федору Михайловичу, и он любопытствовал узнать, где я его слышал. Я ответил, что несколько раз слышал, как его играли шарманщики в Москве. По-видимому, Достоевский слышал этот романс впервые и стал частенько сам его напевать»¹⁶². Катерина Ивановна в бреду напевает слова этого романса в конце пятой части романа.

Еще один отголосок московской жизни Достоевского в романе: Катерина Ивановна называет хозяйку «подлая ты прусская куриная нога в

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же. С. 438.

¹⁶² Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. С. 254.

кринолине!» (6, 303). «Куриной ногой в кринолине», по воспоминаниям М. И. Ивановой, называл Достоевский «немку-гувернантку, одну из соседей Ивановых, в Люблине под Москвой» (7, 391).

Если в «Преступлении и наказании» московский след можно увидеть лишь в событиях и впечатлениях, повлиявших на создание романа, то в «Идиоте» Москва становится полноправным топонимическим пространством наравне с Петербургом и Павловском, хотя и события, происходящие в ней, случаются как бы «за сценой»: о них читатель узнает из газет, писем, рассказов героев, по слухам и разного рода догадкам, отчего они приобретают особый характер таинственности. Многие из происшедшего в Москве в жизни князя Мышкина, Рогожина, Настасьи Филипповны оказывается судьбоносным и определяющим. В Москве центральные персонажи проводят больше времени, чем в Петербурге. Более того, изначально в черновиках Достоевский планировал описание Москвы (9, 255). В окончательном варианте отголоски замысла можно увидеть разве что в описании дачи Лебедева, которая, как дом в Люблино Ивановых, построена в швейцарском стиле. Н. Фон-Фохт в воспоминаниях указывает, что «очень похоже время, проводимое Достоевским в Люблино, на описании дачи в Павловске и общение с молодежью Мышкина»¹⁶³.

В подготовительных материалах к роману точно указаны временные периоды пребывания князя в Москве. Например, писатель долго обдумывает, сколько по времени пробудет Мышкин там между первой и второй частью. Наконец, он решает оставить его в Москве на долгих шесть месяцев, тем самым, как полагают авторы комментариев к роману в академическом собрании сочинений, «Достоевский стремился продлить время, необходимое как для назревания завязавшихся в первой части драматических коллизий, так и для приобщения главного героя к русской жизни, которое расширило его мировосприятие, а тем самым способствовало и расширению горизонтов романа» (9, 360). «Русскую

¹⁶³ Там же. С. 249–252.

жизнь» Мышкин узнает в Москве, а не в Петербурге. «Есть что делать, Парфен! Есть что делать на нашем русском свете, верь мне! Припомни, как мы в Москве сходились и говорили с тобой одно время...» (8, 184) – обращается князь к Рогожину. Может, поэтому в Москве Рогожин впервые читает «Русскую историю» С. Соловьева.

Часть вторая начинается с известия о том, что после описанных в первой части событий «князь Мышкин поспешил выехать в Москву по делу о получении своего неожиданного наследства. Говорили тогда, что могли быть и другие причины такой поспешности его отъезда; но об этом, равно как и о приключениях князя в Москве и вообще в продолжение его отлучки из Петербурга, мы можем сообщить довольно мало сведений. Князь пробыл в отлучке ровно шесть месяцев, и даже те, кто имел некоторые причины интересоваться его судьбой, слишком мало могли узнать о нем за всё это время. Доходили, правда, к иным, хотя и очень редко, кой-какие слухи, но тоже большею частью странные и всегда почти один другому противоречившие» (8, 149). И в дальнейшем ходе романа именно по отрывочным замечаниям, фразам удается представить картину московских событий. В Москве происходит его сближение с тот час же за ним отправившимся туда Рогожиным¹⁶⁴: «Они говорили друг другу ты. В Москве им случалось сходитья часто и подолгу, было даже несколько мгновений в их встречах, слишком памятно запечатлевшихся друг у друга в сердце» (8, 171).

В частых и откровенных разговорах «во время их тамошних сходов» (8, 189), только отголоски которых становятся известны читателям, как признается Рогожин матушке, Мышкин ему «за родного брата в Москве

¹⁶⁴ «Вся, например, компания Рогожина, из которой многие могли бы кое-что рассказать, отправилась всей громадой, с ним самим во главе, в Москву, почти ровно чрез неделю после ужасной оргии в Екатерингофском воксале, где присутствовала и Настасья Филипповна. Кой-кому, очень немногим интересующимся, стало известно по каким-то слухам, что Настасья Филипповна на другой же день после Екатерингофа бежала, исчезла и что будто бы выследили наконец, что она отправилась в Москву; так что и в отъезде Рогожина в Москву стали находить некоторое совпадение с этим слухом» (8, 150), – читаем мы в самом начале второй части романа.

одно время был» и много для него сделал (8, 185). Мышкин, в свою очередь, признается в том, что «только в Москве, с Рогожиным, говорил откровенно...», что они с Рогожиным «Пушкина читали, всего прочли» (8, 457–458).

В Москве чуть было не состоялась свадьба Рогожина с Настасьей Филипповной, с которой она сбежала. В Москве Настасья Филипповна, по словам Рогожина, что только над ним не «выделывала»: «срамила» его «с офицером, с Земтюжниковым» (8, 174), сбежала, деньги из него выманивала и куражилась над ним. И это, и многое другое из московской жизни Мышкина, Рогожина и Настасьи Филипповны становится понятно по разного рода рассыпанным по всему тексту романа репликам и оговоркам, брошенным «по случаю». Из Москвы приезжают женихи сестер Епанчиных: рекомендованный княгиней Белоконской Евгений Павлович Родомский и его родственник князь Щ. Даже фантастические рассказы генерала Иволгина о его встрече с Наполеоном и Лебедева о похороненной на Ваганьковском кладбище ноге относятся к московским событиям.

Однако не только в сюжете романа Москва играет важнейшую роль, но и в истории создания произведения. В первую очередь исследователи находят отражение московских реалий в линии Рогожина, как и в самом образе черты ряда москвичей. Так М. С. Альтман утверждает, что «тот “особый отпечаток”, который, по выражению Грибоедова, есть на всех “московских”, ни на ком из героев Достоевского так не явствен, как на Рогожине. По всему своему образу и складу (я бы даже сказал — укладу) характера это московская фигура, один из типичных представителей московского патриархального, почти домостроевского, купеческого сословия, а отнюдь не петербургского. И только необходимость увязать Рогожина с другими героями романа, специфически петербургскими,

заставило Достоевского переселить «московского убийцу» в Петербург»¹⁶⁵. Ему вторит Р. Г. Назиров, который отмечает, что «образ Рогожина давно ассоциировался с Москвой, а не с Петербургом. Ведь фамилия “Рогожин” является производной от слова “Рогожа”, так в московском просторечии называлось Рогожское кладбище в Москве – фактически формальная старообрядческая церковь. Не случайно отец Рогожина в романе считает старую веру более правильной, хотя и ходит в православную церковь»¹⁶⁶.

Г. А. Федоров также истоки образа находит в Москве. Матушку Парфена он соотносит с Александрой Федоровной Куманиной (это же отмечает М. С. Альтман, подробно прочерчивают эту линию В. В. Борисова и С. С. Шаулов¹⁶⁷), а в рогожинском доме видит замоскворецкий дом Куманиных. Г. А. Федоров детально описывает оба дома и приходит к выводу о несомненной идентичности московского купеческого особняка, который с детства был знаком Достоевскому, и петербургского дома Рогожиных. Исследователь Москвы Достоевского подробно разбирает историю дома Куманиных на Ордынке, его интерьер и экстерьер. Наконец, он полагает, что прототипом самого Рогожина мог быть Константин Константинович Куманин, брат дяди Достоевского. Также он делает и другие важные наблюдения над «куманинскими» источниками романа «Идиот», которые мы обзорно отметим. Ученый называет одним из возможных прототипов Тоцкого Валентина Алексеевича Куманина, младшего брата дяди Достоевского, у которого была воспитанница Мария Петровна, выданная затем замуж за Константина Куманина, которого и полагает Федоров прототипом Рогожина. Ситуация напоминает историю Настасьи Филипповны и ее

¹⁶⁵ Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 72.

¹⁶⁶ Назиров Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 1. Л.: Наука, 1974. С. 213.

¹⁶⁷ Подробнее см.: Борисова В. В., Шаулов С. С. Мотив «рокового наследия» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: реальный, мифопоэтический и историко-литературный комментарий // Проблемы исторической поэтики. 2019. № 3. С. 106–128.

«благодетеля»¹⁶⁸. История Марии Петровны, ее «роман» с князем С. П. Вадбольским, несостоявшаяся дуэль Константина Куманина с соперником, слухи, бродившие по Москве, унижение и позор Марии Петровны – вся эта атмосфера скандала и одержимости страстями переходит из реальной московской жизни родственников Достоевского в его роман. Многие запутанные истории рода Куманиных могли, по мнению ученого, лечь в основу сюжетных ходов романа. Представляется, что некоторые сближения, сделанные Г. А. Федоровым, весьма натянуты, хотя и говорят о хорошем знании Достоевским купеческого мира, с которым писатель мог познакомиться как раз в окружении Куманиных.

Возможно, доказательством явного московского в целом, и, отчасти, «куманинского» следа, является ложная информация о природе наследства Мышкина в заметке Келлера об Антипе Бурдовском. Там написано о Мышкине следующее: «Умирает в Москве один из родственников его матери (бывшей, разумеется, из купчих), старый бездетный бобыль, купец, бородач и раскольник, и оставляет несколько миллионов наследства, бесспорного, круглого, чистого, наличного — и (вот бы нам с вами, читатель!) всё это нашему отпрыску, всё это нашему барону, лечившемуся от идиотизма в Швейцарии!» (8, 219).

Г. А. Федотов, М. С. Альтман, как и большинство других исследователей, называют реальное преступление, которое легло в основу «рогожинской» линии. Это нашумевшее в марте 1867 г. (Достоевский как раз был в Москве) дело московского купца В. Ф. Мазурина, убившего ювелира И. И. Калмыкова. «Убийство, совершенное в фамильном купеческом доме, стало моделью одного из центральных эпизодов романа. Мазуринское дело соотнеслось с куманинским материалом. В ситуации, подсказанной уголовной хроникой, Достоевский производит замену героев

¹⁶⁸ Подробнее см. статьи «Москва Достоевского» и «Дом со ступенями» в книге Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 254–260.

мазуринского дела “героями” близкого ему московского круга. Сама фамилия Рогожиных пришла как “живая”, купеческая фамилия — равная Куманиным и Мазуриным. Фамильный дом с анфиладами пустых комнат и “таящимся” в глубине дома К. К. Куманиным переносится в Петербург»¹⁶⁹, — пишет Г. А. Федоров. К слову, Мазурин был приговорен к пятнадцати годам каторги, как затем и Рогожин. Мазурин принадлежал к богатой московской купеческой семье, и убийство совершил в «фамильном доме», тогда как в романе убийство Настасьи Филипповны происходит в квартире.

М. С. Альтман тоже придерживается этой версии и указывает на отсылки к московскому убийству в самом тексте романа, на слова Настасьи Филипповны про Рогожина, обращенные к Аглае: «У него в ящике спрятана бритва, обмотанная шелком, как и у того московского убийцы; тот тоже жил с матерью в одном доме и тоже перевязал бритву шелком, чтобы перерезать одно горло. Всё время, когда я была у них в доме, мне всё казалось, что где-нибудь, под половицей, еще отцом его, может быть, спрятан мертвый и накрыт клеенкой, как и тот московский, и так же обставлен кругом стеклянками со ждановскою жидкостью, я даже показала бы вам угол» (8, 380). Настасья Филипповна вычитала историю Мазурина из газет еще до встречи с Рогожиным и, как утверждает В. С. Дороватовская-Любимова, потом в ее сознании дом Рогожина ассоциируется с домом в Москве, где восемь месяцев лежал труп, а сам Рогожин — с Мазуриным. Именно В. С. Дороватовская-Любимова была первооткрывателем этой темы в науке о Достоевском. На нее ссылаются комментаторы академического издания, а ее работа «“Идиот” Достоевского и уголовная хроника его времени», написанная в 1920-е гг.,

¹⁶⁹ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 259.

была переиздана в журнале «Нева» в 2011 г.¹⁷⁰. Внимание исследовательницы сосредоточено на психосоциальной схожести Мазурина и Рогожина, детальном разборе уголовного дела и романа. Не случайно Рогожин и Мышкин вспоминают московское убийство в конце романа: «Я ее клеенкой накрыл, хорошею, американскою клеенкой, а сверх клеенки уж простыней, и четыре стклянки ждановской жидкости откупоренной поставил, там и теперь стоят. — Это как там... в Москве?» (8, 504).

Также В. С. Дороватовская-Любимова обращается и к упомянутому ранее делу студента Московского университета Данилова, о котором Достоевский узнал еще в ходе дописывания романа «Преступление и наказание». Тот реальный факт в «Идиоте» также всплывает в словах Коли Иволгина: «У нас все обличают. Родители первые на попятный и сами своей прежней морали стыдятся. Вон, в Москве, родитель уговаривал сына ни перед чем не отступить для добывания денег: печатно известно (8, 113). В дальнейшем размышления писателя о Данилове и тамбовском убийце из гимназистов Горском приведут к оформлению образов Гани Иволгина и нигилистической «толпы» романа: Ипполит Терентьев, Бурдовский, Докторенко.

Л. Б. Сукина отмечает еще очень интересный факт об именах героев романа, которые «Достоевский позаимствовал из окружения куманинской семьи. Управляющим московской конторы Государственного Коммерческого банка был Е. Г. Рогожин, а его жену звали Настасья Филипповна. Чета Рогожиных была вхожа в дом К. А. Куманина, бывшего директора банка. Таким образом, мир купцов-миллионщиков, представленный в романе «Идиот», является в значительной мере миром

¹⁷⁰ Помимо дела Мазурина исследовательница разбирает еще уголовные дела гимназиста Горского из Тамбова и крестьянина Балабанова в Петербурге, повлиявшие на создание романа. См.: Дороватовская-Любимова В. С. «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени; публ. подгот. Маргаритой Райциной // Нева. 2011. № 11. С. 209–226.

купцов Куманиных, их родных и близких. Так в жизни и в литературном произведении сошлись судьбы крупных коммерсантов и великого писателя»¹⁷¹.

Р. Г. Назиров отмечает, что, возможно, дом Рогожина создается не только по детским воспоминаниям о доме Куманиных, о чем пишет Г. А. Федоров, но и в результате посещения дома московского купца-старообрядца Кокорева на Маросейке, где Достоевский выступал в 1864 г. на литературном утреннике. Также Назиров один из истоков образа Рогожина обнаруживает «в записках А. П. Милюкова, близкого друга Достоевского»¹⁷². Милюков рассказывает о московском фабриканте К. и его единственном сыне, ему после смерти отца перешло миллионное состояние, которое тот прокутил: «Он закружился в толпе импровизированных приятелей, цыганок и танцовщиц; полилось шампанское, загремели песельники, явились тройки и рысаки — и через три года москвичи прочли в Ведомостях, что купец К. за неплатеж гильдейского капитала выписывается в мещане»¹⁷³. Р. Г. Назиров проводит параллели и доказывает несомненность того, что подлинная история легла в основу истории семьи Рогожина, как и тот факт, что Достоевский питывался литературной традицией Островского в изображении замоскворецкого купечества, образами Лескова и Некрасова. Вновь, как и в других случаях, можно говорить о сплетении реальных и литературных прототипов.

Если Рогожин без сомнения «московская фигура», то князь Мышкин, прибывающий из Швейцарии, будто вообще вне укорененности в русской почве. Он ищет свое место, но так и не находит, оставаясь гостем и в Петербурге, и в Павловске, и в Москве, где проводит большую часть своей

¹⁷¹ Сукина Л. Б. Писатель Достоевский и купцы Куманины // Коммунар. 1990, 1 дек. С. 3.

¹⁷² Назиров Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 1. Л.: Наука, 1974. С. 213.

¹⁷³ Там же. С. 214.

жизни в России. Но и в генезисе этого образа можно обнаружить московские истоки. Так уже Мышкин – фамилия, которую узнает Достоевский еще в детстве из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, где есть фрагмент о строителях Успенского собора в Москве – «главные архитекторы были Ивашко Кривцов и Мышкин» (9, 384). Попутно отметим, что цитируется генералом Иволгиным в его рассказе о захороненной на Ваганьковском кладбище в Москве ноге (там же, согласно Г. А. Федотову, была могила некой Настасьи Филипповны Рогожиной) строчка из «Эпитафий» Карамзина, которая была высечена на могиле матери Достоевского на Лазаревском кладбище.

Г. А. Федотов разглядел даже в знаменитой каллиграфической подписи Мышкина московский след: «Сама фраза “игумен Пафнутий руку приложил” — автобиографическая мета, потаенно ориентирующая в генеалогии литературного героя. В глубине образа — одна из родных для писателя творческих “завязей”. Здесь несомненно подразумевается основатель Боровского монастыря святой Пафнутий Боровский, особо почитаемый в семье деда Достоевского Ф. Т. Нечаева, чьей прародиной был Боровск. Из поколения в поколение купцы Нечаевы ездили на ярмарки к монастырю. Имя Боровского, святого для творческой истории романа “Идиот”, замечательно и тем, что с ним связано еще одно имя: до пострижения Пафнутий звался Парфением. Имя это передано писателем второму герою романа — Рогожину. В каллиграфической пробе князя Мышкина, как и в его словах — “превосходно подписывались (...) и с каким вкусом”, — память писателя о знакомых еще с детства старинных рукописях, образцах палеографии. Память о деде В. М. Котельницком»¹⁷⁴.

Что касается вопроса прототипов Мышкина, то в литературоведении на сегодняшний момент выстроилась уже целая галерея литературных

¹⁷⁴ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 84–86.

(Дон Кихот, пушкинский «рыцарь бедный») и реально-исторических лиц, которых в той или иной степени можно считать прообразами князя. Подробно этот вопрос был рассмотрен в диссертации А. Н. Батталовой «Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского “Идиот”: проблема реально-исторических прототипов», защищенной в 2013 г.¹⁷⁵. В нашем исследовании остановимся лишь на тех возможных прототипах, которые связаны с Москвой.

Одним из прототипов Мышкина считают Александра Петровича Карепина, племянника писателя, которому Достоевский посвятил юмористические экспромты. О нем писал еще М. О. Волоцкой, назвавший его «эпилептоидно-кротким типом»¹⁷⁶, И. Л. Волгин в одной из глав книги «Родные и близкие»¹⁷⁷ и В. В. Борисова, которая подробно сопоставляет А. П. Карепина и Мышкина и приходит к выводу о близости героя и родного племянника писателя с точки зрения восприятия и оценки их окружающими людьми¹⁷⁸. Сохранились воспоминания М. А. Ивановой о лете в Люблино, которое легло в основу описания жизни Мышкина на даче Лебедевых в Павловске, когда Достоевский наиболее близко общался с Александром Карепиным. А. Н. Батталова отмечает: «По отношению к князю Мышкину часто звучат определения “совершенный ребенок”, “младенец”. Сам князь тоже называет себя “мальчиком”. Доктор Шнейдер инфантильность своего пациента с медицинской точки зрения диагностирует как патологию. Мышкин же свою особенность считает вполне естественной. Аналогично воспринимался и оценивался в своем кругу А. П. Карепин. В молодой компании, которая собралась летом

¹⁷⁵ Батталова А. Н. Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.

¹⁷⁶ Хроника рода Достоевских / Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 921.

¹⁷⁷ Там же. С. 1034–1036.

¹⁷⁸ Борисова В. В. Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2008. С. 197–202.

1866 г. на даче Ивановых в Люблино, над младшим Карепиным много потешались и шутили. В это время там отдыхал и работал Федор Михайлович. Веселая дачная атмосфера, в которую окунулся писатель, отразилась не только в повести “Вечный муж”, но и в романе “Идиот”»¹⁷⁹.

М. А. Иванова в своих воспоминаниях о дачных днях Достоевского так характеризует Карепина: «Много веселья вносило присутствие в семье Ивановых племянника Ивановых и Достоевского, молодого доктора, Александра Петровича Карепина. Ему было двадцать шесть лет, он не был женат и отличался многими странностями. Все приключения диккенсовского Пиквика случались с ним. Несмотря на то, что он окончил медицинский факультет и состоял врачом при Павловской больнице, в жизни он был почти идиотом. Он был предметом неистощимых шуток и глумлений для молодой компании Ивановых. Достоевский воспел его в ряде шуточных стихотворений»¹⁸⁰. И далее мемуаристка приводит «Оду в честь доктора Карепина». Кроме того, Карепин мечтал жениться, и по этому поводу над ним все подсмеивались, что опять-таки напоминает ситуацию с Мышкиным.

Г. А. Федоров, а затем и А. Н. Батталова называют одним из идейных прототипов Мышкина доктора Федора Петровича Гааза, о котором писатель знал с детства и который неоднократно возникает в его творчестве в контексте рассуждений о единичном добре. «В годы отрочества Достоевского при больнице был тюремный двор для лечения арестантов московского Тюремного замка, где и жил Ф. П. Гааз — тюремных больниц главный доктор и директор»¹⁸¹. Г. Ф. Пономарева отмечает, что в журнале Достоевских публиковались «Воспоминания и

¹⁷⁹ Батталова А. Н. Образ князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. С. 20.

¹⁸⁰ Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. С. 44.

¹⁸¹ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 40.

размышления» москвички Евгении Тур, колоритно описавшей «безумного Гааза», которого знали многие в Москве. «В глазах обычных чиновников он был “безумцем”, “юродивым”, “утрированным филантропом”, смешным чудачком. Его деятельность, проекты, наконец, его стремления и поведение слишком не укладывались в формализованную службистскую систему и принятые “правила”»¹⁸². По точному замечанию Г. Ф. Пономаревой, «Гааз остался для Достоевского высшим воплощением врачевания, прежде всего – духовного»¹⁸³.

Как утверждает Г. А. Федоров, «звали его “святым доктором”, “Божьим человеком”. Кто-то с усмешкой называл “чудачком”. В творческой биографии Достоевского “святой доктор” с его рыцарским девизом “Спешите делать добро” — один из первых прототипов князя Мышкина. Имя Гааза встретим в черновиках романа “Преступление и наказание”, в романе “Идиот” ему посвящена страница»¹⁸⁴. Также его имя есть и в заметках к ненаписанному «Житию великого грешника». Доктор Гааз в черновиках выступает своего рода эталоном нравственности, понимаемой Достоевским как активное и деятельное участие в жизни людей, противопоставленное любви к «общечеловеку» и ложным идеалам «любви мечтательной». Есть даже предположение, что писатель задумывал написать роман о докторе, поскольку в «Сюжетах для романов» сохранилась следующая запись: «Мне хотелось бы изобразить твердого и умиленного человека. Знаете ли вы генерала Гаса (каторжные)» (22, 146). Много сохранилось упоминаний этого удивительного человека и в подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию»: «Неужели ж я не могу быть как Гас?»; «Почему я не могу сделаться Гасом? Почему

¹⁸² Пономарева Г. Ф. Ф. М. Достоевский – сын врача и врачеватель больного мира (к 185-летию со дня рождения) // Врач. 2007. № 1. С. 78.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 40.

все потеряно? Ребенок? Кто мне запретит любить этого ребенка? Разве я не могу быть добрым?» (7, 80).

В «Идиоте» о реальном докторе Гаазе рассказывает Ипполит Терентьев: «В Москве жил один старик, один “генерал”, то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах ее посетит “старичок генерал”. Он делал свое дело в высшей степени серьезно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался пред каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех “голубчиками”. Он давал деньги, присылал необходимые вещи — портянки, подвертки, холста, приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного, с полным убеждением, что они будут их дорогой читать и что грамотный прочтет неграмотному» (8, 335). Так, памятный с детских лет образ человека, совершающего ежедневный подвиг «деятельной любви», о которой как трудной и порой недостижимой задаче «единичного добра» будет рассуждать в «Братьях Карамазовых» старец Зосима, становится источником целой концепции, частично воплотившейся в князе Мышкине, идеала человеческого общежития, необходимость которого ощущают даже такие герои Достоевского, как Ипполит Терентьев.

Еще одним возможным прототипом Мышкина считается князь Владимир Федорович Одоевский – «один из самых светлых людей в русской истории, всю жизнь всем и каждому помогавший, всю жизнь себя раздававший (равно как, кстати, и Мышкин; правда, последний — с гораздо меньшим успехом), если и не был “положительно прекрасным”, то по крайней мере приближался к этому идеалу настолько, насколько это вообще возможно для нормального живого человека»¹⁸⁵. Л. А. Левина

¹⁸⁵ Левина Л. А. Два князя (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) // Достоевский. Материалы и исследования. 1997. Т. 14. С. 151.

указывает на схожесть взглядов Одоевского и Мышкина на католичество, особое предназначение России, что говорит о близости идей Достоевского и Одоевского, находит биографические пересечения. Одоевский был москвичом, хотя и неоднократно жила в Петербурге, климат которого ему, как и Мышкину, совершенно не подходил. В обстоятельной статье о князе Одоевском как прообразе Мышкина исследовательница делает еще одно важное замечание, имеющее отношение и к нашему прочтению московского следа в романе: «Ассоциацию с князем Одоевским подкрепляет и то обстоятельство, что князь Мышкин из всех героев Достоевского (во всяком случае — такого масштаба) наиболее тесно связан с Москвой. Хотя события “Идиота” разворачиваются в Петербурге, они сконцентрированы в двух отрезках времени, относительно непродолжительных по сравнению с периодом, прошедшим от начала романа до его конца. Соответственно дважды появляется в Петербурге и герой: первый раз — проездом из Швейцарии в Москву, второй — наездом из Москвы же, которая и оказывается основным по продолжительности местом его пребывания в России»¹⁸⁶.

Наконец, еще один возможный московский прототип Мышкина, которого называет А. Н. Батталова, — это Николай Платонович Огарев: «К моменту женеvских встреч с Достоевским Огарев выглядел человеком, все отдавшим самым близким и дорогим людям, истерзанным и измученным, с надломленной душой и разбитым сердцем, но по-прежнему кротким и терпеливым, сохранившим талант любви к людям. Его состояние и мироощущение, видимо, было понято Федором Михайловичем на каком-то глубинном, интимном уровне. Поэта можно отнести к прототипам “положительно прекрасного человека” прежде всего на психофизиологическом и нравственном основаниях»¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Там же. С. 140.

¹⁸⁷ Батталова А. Н. Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. С. 19.

В. В. Борисова и С. С. Шаулов на основе «реального комментария» делают вывод о «большой степени автобиографичности образа и сюжета князя Мышкина, что обусловлено “московским”, “куманинским” контекстом, который дополняется в романе мифопоэтическими моделями реализации мотива наследства»¹⁸⁸. Нам представляется, что это положение распространяется на весь ряд сближений князя Мышкина с реальными историческими лицами, большинство из которых были москвичами. Возможно, это объясняет и тот факт, что герой большую часть своей жизни в России проводит в Москве, где он получает свое наследство и приобретает лоск, сшив дорогое платье на заказ, где он принимаем московской старухой Белоконской. Так на современном этапе науки о Достоевском становится актуальным рассмотрение проблемы генезиса романа «Идиот» как текста, насквозь пронизанного автобиографическими моментами, связанными с московскими родственниками писателя, и реально-историческим контекстом, основанном на московской уголовной хронике с доминантой на московских прототипах в образах центральных персонажей – князя Мышкина и Парфена Рогожина.

В заключении отметим, что московские реалии нашли воплощение и в рассказе «Вечный муж», замысел которого возникает еще в процессе работы над романом «Идиот». Несмотря на то, что в основу его были положены сибирские впечатления, описание дачи Захлебиных – это воспоминания о счастливом лете Достоевского в Люблине, а семья Захлебиных – это фактически описание Ивановых. На это указывают как мемуаристы, племянница Достоевского М. А. Иванова и Н. Фон-Фохт, так и биографы. В образе Трусоцкого нашли отражения черты упомянутого ранее А. П. Карепина. Можно назвать и еще одно лицо, которое является прототипом Марьи Никитишны, это М. С. Иванчина-Писарева.

¹⁸⁸ *Борисова В. В., Шаулов С. С.* Мотив «рокового наследства» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: реальный, мифопоэтический и историко-литературный комментарий // Проблемы исторической поэтики. 2019. № 3. С. 114.

Выводы

В творчестве Достоевского 1840-х гг. московский след обнаруживается в воспоминаниях героев о счастливом детстве, утрата которого особенно остро ощущается в пространстве Петербурга. Если образы центральных героев раннего периода пронизаны автобиографическими чертами, то Варенька Доброселова, Нечка Незванова – героини, прототипом которых является родная сестра писателя Варвара Михайловна Достоевская, чей брак с П. А. Карепиным вызывает активное неприятие старших братьев, а фигура самого жениха и затем мужа Варвары Михайловны станет толчком к созданию образов помещика Быкова из «Бедных людей» и Юлиана Мастаковича – сквозного персонажа 1840-х гг., получившего итоговое развитие в «добродетельных злодеях» позднего творчества, таких как Лужин или Тоцкий.

В творчестве 1860 – начала 1870-х гг. присутствие московского контекста становится более выраженным и осязаемым. Во-первых, разработка характеров и поступков многих героев романов «Преступление и наказание» и «Идиот» основывается на московской уголовной хронике и реально-исторических прототипах, своим рождением и жизнью связанных с Москвой. Биографические истоки московской темы в этих произведениях прозрачны и многочисленны, что обуславливает возникновение в романе «Идиот» уникального эффекта: Москва является тем местом, где главные персонажи проводят большие временные промежутки, нежели в изображаемых в романе Петербурге и Павловске. О московской жизни героев известно только по слухам, письмам и рассказам, но именно там князь Мышкин узнает Россию, сближается с Рогожиным и Настасьей Филипповной. Так Москва, описание которой отсутствует в тексте романа, является полноправным местом действия «Идиота».

В мире Достоевского особую роль играет литературный контекст. Достоевский в поисках истоков русского европеизма, оторванности

образованного общества от родной почвы, которые занимают его в период формирования идеологии почвенничества, обращается к образам Чацкого и фамусовской Москвы. Комедия, знакомая писателю с детства, интересовала его до конца жизни (последние записи в подготовительных материалах – заметки о «Горе от ума»), поскольку именно в ней Достоевский находил ответы на многие вопросы современности. Чацкий в понимании писателя не противостоит фамусовскому обществу, а сам выходит из него и, отрицая уклад выпестовавшего его мира, пытается обрести новый дом в Европе, куда и отправляются следом за ним все остальные грибоедовские герои за исключением Молчалина, перебирающегося в Петербург, и Фамусова, отъезжающего на покой в деревню. Фамусовская Москва оживает в образах героев Достоевского: бабушки («Игрок») и старухи Белоконской («Идиот»), в которых легко угадываются черты всевластных дам московского света, показанных А. С. Грибоедовым. Достоевский, превосходно знавший московский мир с его патриархальностью и всегдашним стремлением стать цивилизованным, посредством аллюзий к комедии Грибоедова выстраивает свое видение возникновения феномена «русского скитальчества», блестяще, по мнению Достоевского, воплощенного в пушкинских Алеко и Евгении Онегине, генетически восходящих к образу Чацкого, о чем свидетельствуют многочисленные заметки в записных тетрадях писателя.

Глава III. КОНТЕКСТ МОСКОВСКИХ СОБЫТИЙ В ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1870-Х ГГ.

§ 1. Московские реалии и прототипы в романе «Бесы»

Роман «Бесы» – первый роман «великого пятикнижия» Достоевского, события которого разворачиваются не в Петербурге, а в провинциальном городе, напоминающем Тверь. Но в этом романе Москва вновь оказывается источником биографий, фактов, событий, которые легли в основу романа, и городом, сыгравшим важную роль в судьбах некоторых героев.

Фабульная ситуация «Бесов» основана на московском преступлении – убийстве слушателя Петровской земледельческой академии И. И. Иванова С. Г. Нечаевым и четырьмя его сообщниками — П. Г. Успенским, А. К. Кузнецовым, И. Г. Прыжовым и Н. Н. Николаевым.

Роман открывается «московской эпопеей» Степана Трофимовича Верховенского, первоначально именуемого в черновиках Грановским – известным русским западником, профессором Московского университета. Однако этот образ рождается и под влиянием впечатлений от общения с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, долгих размышлений о природе русского западничества 1840-х гг. и его судьбе в действительности второй половины века. В «Бесах» Достоевский использует прием совмещения реальных исторических лиц и вымышленных персонажей, прототипами которых эти же люди являются, тем самым достигая полного соответствия действительности. В первой же главе романа писатель прямо указывает на идейное происхождение Степана Трофимовича и в одном ряду с ним называет его прототипов: «Бесспорно, что и он некоторое время принадлежал к знаменитой плеяде иных прославленных деятелей нашего прошедшего поколения, и одно время, — впрочем, всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними

торопившимися людьми произносилось чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» (10, 8). Объединяя столь разных по мировосприятию людей и принадлежавших даже к разным ветвям русского западничества, Достоевский снимает привязанность образа Степана Трофимовича к конкретному прототипу, что позволяет достичь определенной универсальности в характеристике героя как типа. Закономерно, что Верховенский-старший обсуждает письмо Белинского к Гоголю с Шатовым, столь много значащее в судьбе самого Достоевского. Как верно утверждает В. Я. Кирпотин, пусть и тенденциозно рассуждая об этом споре западника Степана Трофимовича и апологета «русского народа-богоносца» Шатова, «эти две с половиной странички написаны пером знатока истории русской общественной мысли, ориентировавшегося в борьбе ее направлений не только по статьям и книгам, но и по живому опыту участника»¹⁸⁹.

Во фразе о том, что Верховенского «соблазняла гремевшая в то время слава одного незабвенного профессора, и он, в свою очередь, полетел на кафедру», вновь есть намек на Грановского, как и в цитируемых строчках Некрасова о Грановском как «либерале-идеалисте» (10, 11), также сводятся в художественной реальности романа прототип и герой. Удивительна эта своего рода игра Достоевского с читателями, когда он в одном романе заставляет встречаться друг с другом и общаться героя с его прототипом. Например, Степан Трофимович в разговоре с Кармазиновым (прототипом был Тургенев, чей роман так нравился старшему Верховенскому) вспоминает встречу с ним в Москве, на обеде в честь Грановского (10, 318). Природа этого приема, вероятно, сокрыта в изначальном замысле написания романа как памфлета, который затем осложняется введением трагической фигуры Ставрогина – героя из ненаписанных романов «Атеизм» и «Житие великого грешника». Как

¹⁸⁹ Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. М.: Худож. лит., 1976. С. 167.

точно заметил Вяч. С. Полонский, Достоевский хотел изобразить своих героев сатирически, что после трансформации романа в иную жанровую форму сохранилось только в образе Кармазинова: «Прием, с помощью которого преобразены “Грановские” в Степана Верховенского, есть прием *сатирический*»¹⁹⁰.

Работая над романом, Достоевский имел возможность ознакомиться с различными источниками, из которых ему стала известна биография Грановского. Наиболее полным является биографический очерк А. В. Станкевича «Т. Н. Грановский» (1869), который писатель просто умолял Н. Н. Страхова прислать: «Книжонка эта нужна мне, как воздух, и как можно скорее, как материал, необходимейший для моего сочинения,— материал, без которого я ни за что не могу обойтись» (29, 1, 111). До знакомства с книгой Станкевича он пользуется подробной рецензией на эту книгу самого Страхова, опубликованную в журнале «Заря». Спустя несколько лет Достоевский так напишет о личности Т. Н. Грановского в «Дневнике писателя»: «Грановский был самый чистейший из тогдашних людей; это было нечто безупречное и прекрасное. Идеалист сороковых годов в высшем смысле, и, бесспорно, он имел свой собственный, особенный и чрезвычайно оригинальный оттенок в ряду тогдашних передовых людей наших, известного закала. Это был один из самых честнейших наших Степанов Трофимовичей (тип идеалиста сороковых годов, выведенный мною в романе «Бесы» и который наши критики находили правильным. Ведь я люблю Степана Трофимовича и глубоко уважаю его) — и, может быть, без малейшей комической черты, довольно свойственной этому типу» (23, 64). Достоевскому очень важно было показать в этом типе верность своим прекраснодушным идеям. Именно

¹⁹⁰ Полонский Вяч. П. Николай Ставрогин и роман «Бесы» // Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. Антология русской критики / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 619.

поэтому из всей плеяды московских западников 40-х годов им был выбран Грановский.

«Биографические подробности о талантливом и многотипном Степане Трофимовиче Верховенском», с которых начинается роман, — это обобщенная история жизни русского либерала-западника, хоть и «гонимого», но не покинувшего Россию в поисках арены для дела. Достоевский выстраивает прошлое Верховенского из эпизодов жизни известных московских западников, в первую очередь, Тимофея Николаевича Грановского. Так Степан Трофимович «воспитан был с самого малолетства в одном знатном доме в Москве» (10, 16). Затем герой побывал за границей, а, вернувшись в Москву, «блеснул в виде лектора на кафедре университета уже в самом конце сороковых годов», написал исследование (начало было опубликовано, судя по характеристике, в либеральных «Отечественных записках») и защитил диссертацию, которая «ловко и больно уколола тогдашних славянофилов и разом доставила ему между ними многочисленных и разъяренных врагов» (10, 8–9). Тематика лекций, статьи и диссертации героя – ироническая аллюзия к кругу научных интересов Грановского. Далее упоминается некая поэма, которая была «схвачена» в Москве. Здесь намек на поэму Грановского и еще одного москвича-европейца В. С. Печерина. И далее все краткое жизнеописание героя наполнено подобными аллюзиями.

В 1850-е гг. Варвара Петровна, для развлечения и «для подновления славы», свозит Степана Трофимовича в Москву, где «у ней было несколько изящных литературных и ученых знакомств; но оказалось, что и Москва неудовлетворительна» (10, 20). И тут, в упоминании «заграничных запрещенных изданий», появляется первый намек на еще одного московского западника – А. И. Герцена (10, 20).

Очень любопытны в этой связи наблюдения В. К. Кантора, который предположил, что «настойчивое упоминание имени зарубежного пропагатора можно объяснить двумя причинами. Во-первых, ввести в

происходящую бесовщину некий реальный контекст идей. Во-вторых, завуалировать связь реального деятеля с романным образом»¹⁹¹. Однако он полагает, что А. И. Герцена можно считать одним из прототипов Николая Всеволодовича Ставрогина: «Ставрогин был гражданином швейцарского кантона Ури. Герцен, будучи лишенным в 1851 году прав состояния, принял швейцарское подданство, став гражданином кантона Фрейбург. Ставрогин в предсмертном письме сравнивает себя с Герценом (спутав, правда, название кантона): “Прошлого года я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури, и этого никто не знает. Там я уже купил маленький дом. У меня еще есть двенадцать тысяч рублей; мы поедем и будем там жить вечно. Я не хочу никогда никуда выезжать”»¹⁹². Даже исповедь Ставрогина, по замечанию Кантора, отпечатана за границей «секретно в какой-нибудь заграничной русской типографии, и листочки с первого взгляда очень походили на прокламацию» (11, 12). Это далеко не все упоминания о Герцене в романе. Можно отметить также историю со стихотворением «Светлая личность» или запрещенными сочинениями Герцена, о которых идет речь в тексте. Даже название одной из глав романа «У наших», как именование «бесов» «нашими», отсылает к герценовской книге «Былое и думы», где главы о славянофилах и западниках названы соответственно «Не наши» и «Наши». Известно, что Достоевский внимательно прочитал книгу Герцена.

Представляется, что художественное преломление личности Герцена в романе «Бесы» сложнее, нежели обнаружение каких-то прямых указаний на протипичность его для Н. В. Ставрогина или С. Т. Верховенского, в котором, по утверждению Е. Н. Дрыжаковой, черты личности и мироощущения Герцена, как ее понимает Достоевский, легко угадываются. Е. Н. Дрыжакова пишет: «Само же внимание Достоевского к личности Т. Н. Грановского в конце января – начале февраля 1870 г. было

¹⁹¹ Кантор В. К. Герцен как прототип Ставрогина // Человек. 2014. № 3. С. 149.

¹⁹² Там же. С. 150.

возбуждено, как мы полагаем, чтением “Былого и дум” и размышлением над судьбой только что умершего их автора. Герцен был, по выражению Достоевского, “кумир западничества”, кумир целого поколения передовых русских людей¹⁹³. В своей фундаментальной статье, построенной на скрупулезной работе с рукописными материалами Достоевского, исследовательница аргументированно доказывает, что А. И. Герцен является одним из источников образа С. Т. Верховенского. О внимании Достоевского к «Былому и думам» писал и С. Д. Лищинер: «Мир интеллектуальных борений Герцена неудержимо притягивает мысль и фантазию писателя, побуждая к новым спорам и новым взглядам в “хаос”, тенденции и перспективы действительности. Все чаще, буквально многие десятки раз мелькает имя Герцена в записных тетрадях, отражающих зарождение и движение творческих замыслов, компоновку образов — сгустков идейных исканий. И все шире поток этого идейно-творческого диалога, продолжающийся и за порогом смерти Герцена, из творческой лаборатории он выплескивается на страницы печатных произведений: “Идиот”, “Бесы”, “Подросток”, “Дневник писателя”...»¹⁹⁴.

Если имя Грановского и его биография в романе являются своего рода «ярлыком» определенного типа личности, именуемого в русской истории и литературе «либерал-западник 1840-х годов» или, как его называет в записных тетрадях Достоевский «чистый и идеальный западник со всеми красотами» (11, 65), то другие реальные лица, за исключением еще И. С. Тургенева, упоминаемые в черновиках и окончательном тексте романа, составляют тот масштабный исторический контекст «Бесов», который позволил Достоевскому расширить рамки антинигилистического памфлета до пророческого сочинения о судьбах России и философского романа о человеке, посягнувшем на безмерность. И, конечно, писатель при

¹⁹³ Дрыжакова Е. Н. Достоевский и Герцен // Достоевский. Материалы и исследования. 1972. Вып. 1. С. 222.

¹⁹⁴ Лищинер С. Д. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий // Русская литература. 1972. № 2. С. 55.

создании сложной системы персонажей «Бесов» и образа Ставрогина не мог не рассуждать о «кумире западничества» А. И. Герцене.

Так вне истории московского западничества и его дальнейшей судьбы сложно представить историю создания «Бесов». Тут же необходимо упомянуть еще один образец западника 1840-х гг. – М. А. Бакунина. Л. П. Гроссман в 1923 г. утверждал: «Итак, “Бесы”, — вот то неизвестное исследование о Бакунине, которое подспудно и таинственно живет в нашей литературе в течение целого полувека. Роман, считавшийся до сих пор изображением “нечаевщины”, является у нас первой монографией о Бакунине»¹⁹⁵. И далее ученый развивает мысль о том, что прототипом Ставрогина можно считать Михаила Бакунина, но это суждение далее оспаривалась В. Полонским и П. Бицилли¹⁹⁶. Не вдаваясь в детали этой дискуссии, отметим, что вне рефлексии над личностью Бакунина нельзя полностью представить проблему генезиса «Бесов»¹⁹⁷, что позволяет согласиться с тезисом Г. И. Романовой: «Революционные взгляды Бакунина в период сближения с Нечаевым вполне могли явиться реальной основой для литературного персонажа и в этом смысле быть прототипичными в изображении Ставрогина»¹⁹⁸.

Попутно отметим довольно смелую версию Т. Н. Никитина о еще одном московском прототипе Ставрогина – М. Н. Каткове: «Можно предположить, что, работая над романом “Бесы”, писатель вполне мог использовать некоторые детали биографии, а также существенные черты

¹⁹⁵ Гроссман Л. П. Бакунин и Достоевский // Печать и революция. 1923. Кн. 4. С. 84.

¹⁹⁶ Подробнее см.: Романова Г. И. Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакунине в 1920-е гг.) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2(14). С. 8–15.

¹⁹⁷ Этот вопрос подробно и фундаментально освещен в академическом собрании сочинений. См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 12. Л.: Наука, 1975. С. 192–202.

¹⁹⁸ Романова Г. И. Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакунине в 1920-е гг.) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2(14). С. 13.

личности знаменитого московского публициста»¹⁹⁹. Выстраиваются рассуждения ученого вокруг сопоставления статьи «Щекотливый вопрос», где выводится фигура Каткова (об этом в нашем исследовании написано в первой главе), и описания заседания у «наших», а также именованном Ставрогина «английским принцем», его высокомерием и некоторыми другими деталями, что позволяет говорить, по мнению исследователя, о возможной прототипичности Каткова образу центрального героя «Бесов».

В рассуждениях о природе русского западничества нельзя не сказать о том, откуда вышли видные деятели этого направления. Конечно, это московский кружок Н. В. Станкевича. В истории развития отечественной либеральной мысли 30-х гг. XIX в. Н. В. Станкевич (1813–1840) есть фигура в определенном смысле объединяющая всех главных представителей этого направления. Из этого кружка вышел М. А. Бакунин, который впоследствии называл Станкевича «гигантом». Знали и отдавали должное Станкевичу А. И. Герцен и И. С. Тургенев. Своим учителем называл его Т. Н. Грановский. Именно Н. В. Станкевич объединял этих людей, которых Достоевский называет в письме к А. Романову «самыми талантливыми представителями нашего псевдоевропейского просвещения» (29, 1, 260).

Отдельные черты облика Станкевича не могли не влиться в сложный образ Верховенского-старшего, так как без него образ либерала того времени был бы не полон. Помимо этого в образе Верховенского могли найти свое отражение и некоторые биографические подробности мало известных членов кружка Станкевича. О деятельности кружка Н. В. Станкевича Достоевский мог узнать из упомянутой выше книги Герцена «Былое и думы», статьи Ап. Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (Русское слово, 1859, № 2, 3), в которой тот размышлял об огромном влиянии Станкевича на молодое поколение,

¹⁹⁹ *Никитин Т. Н.* М. Н. Катков как возможный прототип Ставрогина // Достоевский и современность. 2016. Т. 30. С. 120.

из биографии, написанной П. В. Анненковым. Конечно, Достоевский осознавал, что биография Грановского, с которой он знакомился в ходе работы над «Бесами», написана братом Н. В. Станкевича.

Достоевский, сам посещавший кружок Петрашевского и написавший в 1840-е гг. целый этюд в «Петербургской летописи» о кружках, прекрасно знал природу этого явления «национального характера», в котором «выделяется один господин, самого несносного свойства. Этого господина вы очень хорошо знаете, господа. Имя ему легион. Это господин, имеющий доброе сердце и не имеющий ничего, кроме доброго сердца» (18, 13). Уже тогда писатель много размышлял об отвлеченности умонастроений «кружковцев», явленной в образе мечтателя. Кружок Станкевича был блестяще изображен в кружке Покорского в романе Тургенева «Рудин» и в его же рассказе «Гамлет Щигровского уезда», повести «Андрей Колосов», которую очень ценил Достоевский.

Интересны биографические пересечения судьбы Станкевича и Достоевского. Поступив в университет, Станкевич поселился на одной из старейших московских улиц, Большой Дмитровке, в доме профессора университета М. Г. Павлова. На Большой Дмитровке через пять лет в пансионе Кистера будет учиться младший брат Ф. М. Достоевского Андрей. В этом же пансионе, по мнению некоторых исследователей, учился и Степан Трофимович Верховенский, а летом 1833 г. Станкевич и Красов ночами будут вместе «учить Кистера», то есть немецкий язык – так в те времена обозначали предмет фамилией преподавателя. М. Г. Павлов учился на Московском отделении Медико-хирургической академии, где немногим ранее учился Михаил Андреевич Достоевский, а затем перевелся в Московский университет, закончив его по медицинскому и математическому отделениям. В студенческие времена Станкевича и его друзей Павлов состоял в университете профессором кафедры теоретической и опытной физики отделения физических и математических наук, а также читал лекции по земледельческой химии и минералогии.

Именно Павлов привил студентам интерес к философии, к отвлеченной мысли. Так же действовал и Николай Надеждин, профессор по кафедре изящных искусств и археологии, издатель журналов «Телескоп» и «Молва». С ним особенно сблизился кружок Станкевича. Именно Белинскому, Станкевичу и другим членам кружка Надеждин в 1835 г., отъезжая в заграничное путешествие, передаст свой журнал. Но Станкевич быстро поймет, что не способен к журнальной деятельности. Он пробует себя и в науке, но ограничивается всего двумя исследованиями (что очень напоминает Верховенского). Несмотря на огромное влияние на окружение Станкевич создал очень мало и представлял собой тип человека умствующего, но отнюдь не деятельного.

Объединяет Станкевича и Достоевского еще один факт – знакомство с учителем российской словесности Н. И. Билевичем. В 1834 г. Федор и Михаил Достоевские поступают в пансион Л. И. Чермака на Новой Басманной улице, учителем русского языка в которой был Н. И. Билевич, работавший и в пансионе Кистера, а до этого учившийся в Московском университете одновременно со Станкевичем. Билевич был близок и к «Телескопу». Надеждин давал Билевичу переводы. Билевич мог рассказывать ученикам и о новом, открытом Станкевичем и друзьями таланте, А. Кольцове, чья книжка, усилиями Станкевича и Белинского, была издана в 1835 г. в «Телескопе» (1835, ч. 27). Подробно о роли Н. И. Билевича в судьбе Достоевского пишет В. С. Нечаева, которая полагает, что учитель Достоевского мог быть прототипом Николая Семеновича в «Подростке»²⁰⁰.

В ряду западников, прототипов Степана Трофимовича, нельзя не упомянуть еще одного москвича по рождению и первым годам учебы в Московском университете – Валентина Федоровича Корша, о котором есть запись в подготовительных материалах к роману: «Без подробностей — сущность Степана Трофимовича в том, что он хоть и пошел на соглашение

²⁰⁰ *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 47–53.

сначала с новыми идеями, но порвал в негодовании (пошел (с котомкой) и один не поддался новым идеям и остался верен старому идеальному сумбуру (Европе, “Вестник Европы”, Корш)» (11, 176).

Заканчивая рассуждения о прототипах главного представителя поколения «отцов» в романе, необходимо отметить, что центральное место в обширной галерее занимают московские западники, которые в изначальном замысле противопоставляются московским славянофилам, а в окончательном тексте отголоски этого противостояния отражены в беседах Шатова как «коренника» и Ставрогина как русского барича европейского толка, потерявшего связь с родной почвой.

В романе Достоевский противопоставляет западнические взгляды Степана Трофимовича и его воспитанника Николая Ставрогина идеям Шатова, которые, правда, сформировались под влиянием его же самого. Хроникер передает слова старшего Верховенского, который, как известно, еще в молодости своей диссертацией уколол «тогдашних славянофилов» (10, 8) о том, что «национальность, если хотите, никогда и не являлась у нас иначе как в виде клубной барской затеи, и вдобавок еще московской» (10, 33). Эти идеи близки мыслям самого Достоевского, высказываемым в публицистике (мы говорили о них в первой главе диссертации). Но в контексте «Бесов» под «клубной барской затеей» скрывается намек на те самые кружки, из которых вышли как мечтатели раннего Достоевского, так и реальные западники и славянофилы. Верховенский озвучивает важную идею самого писателя о происхождении кружков и генетическом единстве двух полярных направлений русской общественной мысли: «У нас все от праздности, и доброе и хорошее. Все от нашей барской, милой, образованной, прихотливой праздности!» (10, 32). И от этих рассуждений Степан Трофимович переходит к мыслям о природе веры Шатова: «Шатов верует насильно, как московский славянофил. Что же касается до христианства, то, при всем моем искреннем к нему уважении, я — не

христианин (10, 33). В последовавшей за этим дискуссии между Шатовым и Верховенским отражены споры западников и славянофилов 1840 гг.

Сам Шатов отказывается считать себя славянофилом в его современном виде и в разговоре со Ставрогиным утверждает, что прежде «славянофильская мысль» «не православный не может быть русским» опровергнута «нынешними славянофилами» (10, 197). И далее восклицает: «Единый народ-«богоносец» — это русский народ, и... и... и неужели, неужели вы меня почитаете за такого дурака, Ставрогин, ... который уж и различить не умеет, что слова его в эту минуту или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всех московских славянофильских мельницах, или совершенно новое слово, последнее слово, единственное слово обновления и воскресения, и... и какое мне дело до вашего смеха в эту минуту!» (10, 200). Характерна и реплика Петра Верховенского: «Я уже вам говорил, что Шатов славянофил, то есть один из самых глупых людей...» (10, 458). Да и сам Шатов признается в разговоре с женой, что «за невозможностию быть русским стал славянофилом» (10, 436). Представляется, что в современной науке о Достоевском до конца не прояснен вопрос о московско-славянофильском влиянии на генезис образа Шатова (убийство студента И. И. Иванова повлияло на сюжет, но характер не воплощен в герое) и его идей, но несомненно то, что в противостоянии этого «коренника», как его называет в подготовительных материалах писатель, русскому европеизму отразились размышления Достоевского о происхождении двух направлений русской мысли.

Если до этого речь шла о московских прототипах, повлиявших на образы Степана Трофимовича, Ставрогина и отчасти Шатова, то не без московского следа складываются и образы «бесов». Если главным прототипом Петруши Верховенского, конечно, является С. Г. Нечаев, то другие «бесы» создаются из «московского материала».

«Пятерки», о которых говорится в «Бесах», имеют свою прототипическую основу в существовавших в нескольких городах России

отделениях революционного общества «Народной расправы». Один из членов такой пятерки, организованной в губернском городке Верховенским-младшим, был соучастник убийства Шатова Толкаченко. Под этой фамилией писателем выведен действительный сообщник убийства слушателя Петровской академии Иван Гаврилович Прыжов.

Знакомство Прыжова с Нечаевым состоялось в 1869 г. Сорокалетнему историку, этнографу и публицисту при вступлении его в «Народную расправу» было поручено вести агитационную работу в народе и среди студентов, поскольку он нередко печатался в «Голосе», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Северной пчеле», «Московских ведомостях» Каткова и был известен читающей публике по книгам «Нищие на святой Руси: материалы для истории общественного и народного быта в России» (1862), «История кабаков в связи с историей русского народа» (1868). Как отмечает один из исследователей творчества этнографа, «Прыжов, близорукий, нескладный, в каких-то жизненных случаях, действительно, *дитя*, как назвал его на суде адвокат, пошел на убийство вместе с Нечаевым, и держал жертву, студента Иванова, за руки, чтобы Нечаеву было ловчее застрелить Иванова... Крупная научная сила кончила тем, что поучаствовала в гнусном преступлении»²⁰¹.

Удивительным совпадением является тот факт, что И. Г. Прыжов занимал определенное место в московских воспоминаниях Достоевского. Он был сыном писаря Мариинской больницы. Здесь он родился 22 сентября 1827 г., всего лишь шестью годами позже Достоевского, и здесь же прошли его детские годы, как и детские годы писателя. Как пишет Г. А. Федоров, «так жизнь, возможно, свела уроженцев Мариинской больницы, сделав их персонажами московской реальности

²⁰¹ *Васильев К. Б.* Иван Прыжов как зеркало русского социализма, пьянства и юродства // *Философский журнал.* 2016. № 20. С. 3.

Достоевского»²⁰², имея в виду еще и Алексея Альфонского, московского исправника, который мог разъяснить детали убийства студента Иванова писателю. Если Федоров ограничивается лишь этим замечанием, то М. С. Альтман подробно изучает линию Прыжов – Толкаченко и пишет, что «в лице Толкаченко мы имеем редкий в литературе случай неосложненного отражения единого лица, у него нет ни одной черты, которая бы не соответствовала его прототипу — Прыжову»²⁰³.

Есть общее и в судьбах отцов Достоевского и Прыжова. Отец будущего историка Гавриил Захарович Прыжов, как и отец Достоевского, был ветераном Отечественной войны; из вольноотпущенных крестьян он к концу жизни дослужился до титулярного советника с правом на дворянство. В своей книге «Исповедь», изданной уже после его смерти в 1908 г., И. Г. Прыжов вспоминал старшего и младшего Достоевских, называя Михаила Андреевича «добрым приятелем своего отца». Федора Михайловича Прыжова, по его словам, помнил лишь немного. По всей видимости, дети лекаря Достоевского и писаря Прыжова, хотя и знали друг друга, но не общались.

Достоевский и Прыжов – талантливые дети небогатых семейств, оба вынуждены были из-за нужды сами пробивать дорогу своему таланту. Оба впоследствии стали членами революционных кружков, правда, с разницей более чем в двадцать лет. Прыжов в «Исповеди» с горечью отметил это сходство: «Итак, из Мариинской больницы суждено идти в Сибирь двоим – Достоевскому и мне. Не знаю, есть ли еще такая счастливая больница. Жертвы человечья валяются здесь»²⁰⁴. «Да, и в самом деле, больница эта очень примечательная. Самый затейливый писатель-фантаст не придумал бы более подходящего места, чем этот “Убогий дом” для первой встречи

²⁰² Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 52.

²⁰³ Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 92.

²⁰⁴ Там же. С. 99.

автора “Бедных людей” и автора “Нищих на Руси”. Примечательно и другое: тот, кто впоследствии прослышет за одного из “бесов” (кличка Прыжова в кружке нечаевцев была “Чертов”), увидел своего будущего идейного противника и антагониста, автора “Бесов”, еще шестилетним ребенком»²⁰⁵, – отмечает один из немногочисленных исследователей судьбы Прыжова.

Как было отмечено ранее, Прыжов был автором книги о кабаках и пришел в «Народную расправу» сорокалетним человеком. Достоевский об этом так пишет в «Бесах»: «Толкаченко — странная личность, лет уж сорока и славившийся огромным изучением народа, преимущественно мошенников и разбойников, ходивший нарочно по кабакам (впрочем, не для одного изучения народного) и щеголявший между ними дурным платьем, смазными сапогами, прищуренно-хитрым видом и народными фразами с завитком» (10, 302).

Упоминание кабаков, а также сама фамилия Толкаченко (от укр. товкач – целовальник, т. е. продавец вина), на что указывает М. С. Альтман, отсылает нас к статьям Прыжова «Кабацкие целовальники», «Городские пьяницы», опубликованным в московском иллюстрированном литературно-юмористическом журнале «Развлечение» (№ 13 и 22) в 1864 г., а также к упомянутому труду по истории кабаков. Возможно, этот интерес к народному быту Украины отчасти и послужил причиной того, что Достоевский дал Прыжову в романе украинскую фамилию.

Из дальнейшего описания Толкаченко в «Бесах»: «В городе появлялся он временами, преимущественно, когда бывал без места, а служил по железным дорогам» (10, 302–303). Действительно, Прыжов, оставшись «за штатом» в Московской гражданской палате, где прежде

²⁰⁵ Кургузов П. В. И. Г. Прыжов: Фрагменты жизни и творчества забытого историка и публициста (1827 – 1885 гг.) // Белые пятна российской и мировой истории. 2014. № 1–2. С. 99.

служил, от безденежья был вынужден в 1867 г. поступить на работу в контору частной железной дороги, став с 1868 г. смотрителем работ на железной дороге Витебск–Орел–Харьков–Киев.

Еще одно тонкое наблюдение делает М. С. Альтман. Толкаченко несколько раз бывает у Степана Трофимовича, а Прыжов слушал лекции Грановского и даже посещал его могилу, хранил светлую память о нем²⁰⁶.

М. С. Альтман также отмечает то, что хотя для Достоевского Прыжов, наравне с другими членами пятерки, являлся одним из революционных «бесов» и не мог не быть изображен в том же карикатурном, пародийном виде, как и остальные, но, как уже было сказано, его образ занимал писателя в большей степени, чем образы других членов пятерки. Это утверждение подтверждается и тем фактом, что Достоевский в ходе работы над романом не один раз обращался к творчеству Прыжова.

Марья Тимофеевна Лебядкина, или Хромоножка, своим образом перекликается с Татьяной Степановной Босоножкой, московской юродивой, героиней очерка Прыжова «Татьяна Степановна Босоножка и Филиппушка», вошедшего в состав книги «26 московских юродивых, дур и дураков». В сороковых годах XIX в. Босоножка была, как пишет Прыжов, «молодая девица, лет двадцати, недурная собой, стройная; распущенные ее волосы были покрыты черным платком, а ноги босы»²⁰⁷. «Преобладающий запах в ее комнатах — запах белил, румян и тому подобных снадобий: только отворишь дверь, так и тебя обдаст»²⁰⁸, – описывает быт Татьяны Степановны Прыжов. В романе «Бесы» Марья Тимофеевна Лебядкина, как известно, постоянно румянится и пудрится.

²⁰⁶ Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 96.

²⁰⁷ Прыжов И. Г. История пророков, кликуш, юродивых, дур и дураков в России. М.: Изд-во В. Секачев, 2021. С. 46.

²⁰⁸ Там же. С. 48.

Образ другого юродивого в романе «Бесы», Семена Яковлевича, также обнаруживает связи с реально существовавшим и описанным Прыжовым прототипом. Это Иван Яковлевич Корейша (1783–1861). Сведения о нем, как полагают комментаторы академического собрания сочинений, Достоевский черпал в основном из брошюры И. Г. Прыжова «Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве» (12, 234). Прыжов лично посетил Ивана Яковлевича и описал это посещение. Сорок четыре года с октября 1817 г. до дня смерти он провел в Московской Преображенской больнице, где к нему с 1833 г. стали свободно допускаться посетители, которых было в достатке. О Корейше известно следующее: «Иван Яковлевич Корейша, пациент сумасшедшего дома, слыл в свое время главным московским пророком. Он же считался большим целителем». Благодаря Прыжову мы узнаём, как проявлялась врачующая сила Ивана Яковлевича: «Девушек он сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерётся и ругается». «Вдумаемся: на похороны Ивана Яковлевича собралось намного больше скорбящих, чем на прощание с писателем Гоголем, его смерть оплакивали громче, чем кончину военачальника Ермолова»²⁰⁹. Прыжов отмечает: «Скорбная весть о смерти его быстро пронеслась по всем концам Москвы; множество поклонников спешило к нему из-за Яузы, из Таганки, из Замоскворечья, и все несли ему уксусу, спирту, духов, маслу для умащения его тела»²¹⁰.

Публикация «Жития Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве» состоялась в 1860 г. в Петербурге. В своей книге Прыжов критически изобразил само явление юродства и осудил поклонение ему. Корейша представлен как «лжепророк», мошенник, язвительно описаны и

²⁰⁹ *Васильев К. Б.* Иван Прыжов как зеркало русского социализма, пьянства и юродства // *Философский журнал.* 2016. № 20. С. 8.

²¹⁰ *Прыжов И. Г.* История пророков, кликуш, юродивых, дур и дураков в России. М.: Изд-во В. Секачев, 2021. С. 13.

его почитатели, которые и после смерти «лжепророка» скорбят и никак не могут забыть его «мнимые» чудеса.

Прыжов описал в своей книге и другого московского «пророка» — Семена Митрича. Как полагает М. С. Альтман, находящий портретное сходство в герое Достоевского и Корейши, из соединения имен двух юродивых — Семена Митрича и Ивана Яковлевича — Достоевский мог создать имя своего юродивого Семена Яковлевича²¹¹.

Уже в «Селе Степанчикове и его обитателях» романист сравнивал влияние, которое достиг Фома Фомич в доме генерала, с влиянием «различных Иван-Яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц» (3, 8). Здесь же необходимо отметить, что первоначальный сатирический замысел «Бесов» сказывается и еще на одной параллели раннего комического романа и позднего философского. Фома Фомич Опискин — предтеча Степана Трофимовича Верховенского, что аргументировано доказывается в статье Н. А. Макуриной²¹². Однако нам бы хотелось обратить внимание на то, что помимо общего статуса приживальщика в совокупности с учительством, оба героя связывали свои литературные надежды с Москвой. О Фоме Опискине известно следующее: «Говорили, во-первых, что он когда-то и где-то служил, где-то пострадал и уж, разумеется, “за правду”. Говорили еще, что когда-то он занимался в Москве литературою. Мудреного нет; грязное же невежество Фомы Фомича, конечно, не могло служить помехою его литературной карьере. Но достоверно известно только то, что ему ничего не удалось и что наконец он принужден был поступить к генералу в качестве чтеца и мученика» (3, 7–8). В судьбе Степана Трофимовича происходит примерно

²¹¹ Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 101.

²¹² Макурина Н. А. Трансформация пародийных образов в творчестве Ф. М. Достоевского: Фома Опискин как пародийная заготовка образа Степана Трофимовича Верховенского // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2015. Т. 25. № 5. С. 124–129.

то же самое, только не в столь утрированно комичной форме. Если Верховенский написал в Москве диссертацию и поэму, то Фома Фомич «сотворил когда-то в Москве романчик, весьма похожий на те, которые стряпались там в тридцатых годах ежегодно десятками, вроде различных “Освобождений Москвы”, “Атаманов Бурь”, “Сыновой любви, или Русских в 1104-м году” и проч. и проч., романов, доставлявших в свое время приятную пищу для остроумия барона Брамбеуса» (3, 12). Кроме того, русский Тартюф грозит жителям Степанчикова, что он уедет в Москву издавать журнал (3, 12).

Достоевский также упоминает Корейшу в «Ряде статей о русской литературе». Само явление «Иван Яковлевичей, Марфуш и прочих» (18, 64) Достоевский объяснял следствием инстинктивной потребности народа выдвинуть из своей среды какую-нибудь исключительную личность и преклониться перед ней. В «Ряде статей о русской литературе» можно заметить и параллель между «Иванами Яковлевичами» и начетниками из раскольников. И те, и другие имеют «огромное деспотическое влияние» (18, 64) в своей среде. Достоевский порицает ощущение превосходства, на котором держится авторитет подобных личностей, и говорит о том, что он опирается во многом на чувство своего превосходства над другими, схожего с самонадеянностью лакея, надевшего фрак и перчатки, и оттого считающего себя возвысившимся над «крестьянином-хлебопашцем» (18, 64).

В статье Достоевского «Выставка в Академии художеств за 1860–1861 год», опубликованной в 1861 г. в журнале «Время» (№ 10), при описании картины «Духовное завещание» Черкасского есть еще одно обращение писателя к образу Корейши: «С правой стороны стоит какой-то оборванный пилигрим, грязное существо, вроде московского Ивана Яковлевича» (19, 160).

Так в истории создания романа сложно переплетаются такие московские жители, как юродивый Иван Яковлевич и нечаевец Прыжов, с которым Достоевского связывало детство в Мариинской больнице.

Завершая разговор о московских прототипах в романе «Бесы», нельзя не упомянуть графиню Е. В. Салиас де Турнемир (в девичестве Сухово-Кобылина), писавшую под псевдонимом Евгения Тур, как прообразе Варвары Петровны Ставрогиной. Москвичка по происхождению, она принадлежала к старинному дворянскому роду и высшему свету. Варвара Петровна получила образование тоже «в благородном пансионе в Москве» (10, 19). Обучением Салиас очень серьезно занимались родители. Одним из учителей ее был упоминаемый уже Надеждин, который и поселился в их московском доме. Впоследствии ученица и ее педагог полюбили друг друга и мечтали пожениться. Не вдаваясь в подробности дальнейшей яркой судьбы Салиас, отметим лишь то, что позволило Л. И. Сараскиной назвать ее прототипом В. П. Ставрогиной: «Графиня Салиас – хозяйка салона, кумиром и идолом которого является Грановский; Грановский посвящает ей свое сочинение; графиня находится в разрыве с мужем, графом Салиас»²¹³. Варвара Петровна тоже жила отдельно от мужа, у нее был свой салон, обе женщины планировали издавать журнал. Л. И. Сараскина указывает и на схожесть портретов Салиас и Ставрогиной. Как и Варвара Петровна, графиня сочувствовала студенческому движению. Самое же важное в контексте нашей работы заключается в том, что если допустить верность гипотезы Л. И. Сараскиной, то «за В. П. Ставрогиной встает целый мир московских салонов, литературных кружков, подлинных биографий», а если все-таки Достоевский «не имел в виду Е. В. Салиас, создавая образ

²¹³ Сараскина Л. И. В. П. Ставрогина. Гипотеза о прототипе // Достоевский и современность. Материалы X Международных Старорусских чтений 1995 года. Старая Русса, 1996. С. 111.

В. П. Ставрогиной, мы можем только поражаться жизненности, реальности этого характера и человеческого типа»²¹⁴.

Но есть еще один московский прототип автобиографического характера в романе – это няня Алена Фроловна, о которой упоминал Достоевский уже в «Бедных людях». Алена Фроловна начинала нянчить всех детей Достоевских сразу после отнятия их от груди кормилицы. Дети называли ее «нянюшкой» и на «ты». Но и Алене Фроловне было позволено называть своих уже выросших воспитанников на «ты». К тому же единственной из прислуги ей было позволено называть Марию Федоровну и Михаила Андреевича Достоевских по имени отчеству, а не «барином» и «барыней», как их называла вся остальная прислуга.

Немудреная, простонародная вера нянюшки осталась в воспоминаниях детей Достоевских. А. М. Достоевский писал: «Постов Алена Фроловна очень строго не придерживалась, говоря, что она человек подневольный и что с нее за это не взыщется, но зато она почитала страшным грехом есть что-нибудь без хлеба <...> “Ты, батюшка, откуси сперва хлебца, а потом возьми в рот кушанье... так Бог велел!” – это было всегдашнее ее поучение. Помню, что я, бывши уже почти готовым к общему столу, евши суп или щи, заявил ей свое мнение, что я покрошу хлеб в суп и буду так есть. На это она сказала: “Ты покрошить-то покроши, оно вкусно будет; а в ручку-то все-таки возьми хлеба и употребляй как всегда, а то грешно будет, значит, ты пренебрегаешь хлебом...”»²¹⁵.

Алена Фроловна никогда не засиживалась в кухне, считая, что кухонные разговоры ей, как девице, слушать непристойно; поэтому обедала и ужинала она в детской. А. М. Достоевский писал, что у их нянюшки была лишь одна слабость – она нюхала табак. Каждую неделю к Достоевским в дом приходил табачник, у которого Алена Фроловна

²¹⁴ Там же. С. 118.

²¹⁵ *Достоевский А. М.* Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 35.

приобретала еженедельный запас табаку. Из-за этих регулярных визитов М. А. Достоевский в шутку прозвал табачника женихом Алены Фроловны. Незамужняя няня, хотя и не обижалась на Михаила Андреевича за эту шутку, но всегда возражала, что ее жених – «Христос, Царь небесный, а не какой-нибудь табачник»²¹⁶. Единственным человеком, который существовал для Алены Фроловны вне семьи Достоевских, была ее сестра Наталья Фроловна, монахиня Коломенского женского монастыря. Раз в год-полтора сестра приезжала в Москву и останавливалась в каком-нибудь московском монастыре. Тогда Алена Фроловна уезжала в гости к сестре на целый день, а через несколько дней Наталья Фроловна отплачивала ей визит, проводя целый день в доме Достоевских.

Слабости Алены Фроловны, ее непомерный аппетит и страсть к нюхательному табачку были предметом постоянных шуток всего семейства, о чем остались забавные воспоминания А. М. Достоевского. В этой игре принимал участия и будущий писатель. В 1835 г. матушке в деревню из Москвы он пишет с доброй иронией: «Жалко Алену Фроловну, она так страдает, бедная, скоро вся исчезнет от чахотки, которая к ней пристала» (28, 1, 32). Алена Фроловна действительно, по воспоминаниям брата Андрея, часто говорила о том, что скоро совсем исчезнет. В письме к мужу из деревни М. Ф. Достоевская передала ему поклон от няни Алены Фроловны: «45-типудовая гиря свидетельствует тебе свое почтение и благодарит за память твою об ней, детям поручает сказать то же, прибавляя, что она исчезает»²¹⁷. Именно няня приучила детей к фольклору, но не только. По верному замечанию В. П. Владимирцева, она передала

²¹⁶ Там же. С. 36.

²¹⁷ *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939. С. 89–90.

писателю «простонародный художественно-мистический опыт, первозданные низовые православные культурные традиции»²¹⁸.

Няня была в жизни Достоевского все его московское детство, и память о ней он пронес через всю жизнь. Особо памятным для него было одно событие, которое он описал в «Дневнике писателя» за 1876 г. Рассуждая о простом русском народе и его глубинной правде, Достоевский вспоминает событие из своего детства, когда у них сгорела усадьба, а нянюшка предложила родителям писателя все, что накопила за свою жизнь. Достоевский подробно описывает свою няню: «И вот вдруг подходит к ней наша няня, Алена Фроловна, служившая у нас по найму, вольная, т. е. из московских мещанок. Всех она нас, детей, вырастила и выходила. Была она тогда лет сорока пяти, характера ясного, веселого, и всегда нам рассказывала такие славные сказки! Жалованья она не брала у нас уже много лет: “Не надо мне”, и накопилось ее жалованья рублей пятьсот, и лежали они в ломбарде, — “на старость пригодится” — и вот она вдруг шепчет маме:

— Коли надо вам будет денег, так уж возьмите мои, а мне не надо...

Денег у нее не взяли, обошлись и без того. Но вот вопрос: к какому типу принадлежала эта скромная женщина, давно уже теперь умершая, и умершая в богадельне, где ей очень ее деньги понадобились» (22, 111). И далее размышляя о природе такого поступка, вопрошает: «Не из правды ли, напротив, народной, из *милосердия и всепрощения и широкости взгляда народного* произошло это, да еще в самое варварское время крепостного права?» (22, 113). Называя в черновиках няню «святой», Достоевский, несомненно, думает о той самой «русской вере», сущность которой писатель разгадывает на протяжении всего позднего творчества.

²¹⁸ Владимирцев В. П. Еще раз о влиянии «нянюшки» Алены Фроловны на личность и творчество Достоевского: факты и размышления // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения. М.; Иркутск, 2003. Вып. 3. С. 20.

Воспоминания об этом поступке нянюшки, о ее способности к христианскому самопожертвованию и бескорыстии, преданности семейству Достоевских не могли не повлиять на формирование представлений писателя о святости русского народа.

Показательно то, что няне Лизы Тушиной в «Бесах» Достоевский дал имя своей няни, олицетворявшей для него народную святость. «Тень» няни Лизы в «Бесах» является в момент встречи Лизы с ее старым учителем Верховенским. Лиза напоминает Степану Трофимовичу: «А помните ваши рассказы о том, как Колумб открывал Америку и как все закричали: “Земля, земля!” Няня Алена Фроловна говорит, что я после того ночью бредила и во сне кричала: “Земля, земля!”» (10, 87). Это не случайно, поскольку в романе, как и во всем творчестве писателя, Америка выступает как место чуждое, темное, откуда являются «бесы», многое там передумавшие и замыслившие (у Кириллова даже указывается такая деталь, как «американский револьвер» (10, 186)). Бегство туда – возможный и губительный вариант судьбы Свидригайлова или Дмитрия Карамазова. Но важно, что Петруша говорит Ставрогину о том, что он без него, как «Колумб без Америки» (10, 324)²¹⁹. Поэтому упоминание имени няни Алены Фроловны, ассоциирующееся в сознании Достоевского с народной мудростью и правдой, оказывается глубоко значимым, как и упоминание Колумба и Америки. К слову, далее вспоминается еще Гамлет и то, как «из Европы в Америку бедных эмигрантов перевозят» (10, 89). Таким образом, введение эпизодического персонажа приобретает колоссальный символический смысл, который может быть понят только через погружение в автобиографический контекст.

Еще одно московское воспоминание играет важную роль в глубинном постижении романа о безмерности зла. З. А. Трубецкая, внучка

²¹⁹ Как отмечает С. Д. Лищинер, «Петр Верховенский заявляет, что он пока “Колумб без Америки”» (так Герцен характеризовал Бакунина в главе «Н. И. Сазонов» «Былого и дум») (*Лищинер С. Д.* Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий // Русская литература. 1972. № 2. С. 57).

А. П. Философовой, оставила запись об одном разговоре в салоне ее бабушки. Речь зашла о самом страшном грехе, и Достоевский сказал, что самый страшный грех – изнасилование ребенка. И поделился одним воспоминанием о своем детстве в Москве. Юный писатель дружил с девочкой Катей, дочкой кучера или повара, ровесницей: «Это был хрупкий, грациозный ребенок лет девяти»²²⁰. С ней он играл во дворе Мариинской больницы. Однажды ее убил пьяный «мерзавец», тем, что изнасиловал. Девочка «умерла, истекая кровью». И Достоевский признался: «Всю жизнь это воспоминание меня преследует, как самое ужасное преступление, как самый страшный грех, для которого прощения нет и быть не может, и этим самым страшным преступлением я казнил Ставрогина в “Бесах”»²²¹. Так можно с уверенностью говорить, что одним из источников темы униженного ребенка и Матрешы в первую очередь было это детское воспоминание.

И последний тип московских реалий, нашедших воплощение в «Бесах», – это включение в роман деталей московской повседневности, которые разбросаны по тексту. Так, например, Варвара Петровна говорит о губернаторше и ее матери: «Мать ее в Москве хвост обшлепала у меня на пороге; на балы ко мне, при Всеволоде Николаевиче, как из милости напрашивалась. А эта, бывало, всю ночь одна в углу сидит без танцев, со своею бирюзовою мухой на лбу, так что я уж в третьем часу, только из жалости, ей первого кавалера посылаю. Ей тогда двадцать пять лет уже было, а ее всё как девчонку в коротеньком платьице вывозили (10, 49). Достоевский в этом кратком описании очень точно представляет московскую «ярмарку невест», в которой, по-видимому, мать Ставрогина была весьма активной участницей. Также Варвара Петровна помышляет основать в Москве даже не салон, «дамский комитет» для помощи

²²⁰ Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 25.

²²¹ Там же. С. 26.

«беднейшим родильницам» (10, 123), то есть участвовать и в благотворительности. О светской жизни в Москве мечтает и Лиза Тушина, которая признается Ставрогину: «Если ехать, то в Москву, и там делать визиты и самим принимать — вот мой идеал, вы знаете; я от вас не скрыла, еще в Швейцарии, какова я собою. Так как нам невозможно ехать в Москву и делать визиты, потому что вы женаты, так и нечего о том говорить» (10, 399).

Наконец, литературная кадриль, которую организует губернаторша, памятна ей, вероятнее всего, по жизни в Москве. И, будучи прогрессивной дамой, амбициозно мечтающей прослыть таковой повсеместно, она организует ее в своем городе. Как следует из комментариев, «“кадриль литературы” представляет собою шарж на “литературную кадриль”, устроенную Московским артистическим кружком на костюмированном балу в залах Дворянского собрания в феврале 1869 г. Все участники этой кадрили были “загримированы и одеты с намеками на то или другое направление наличных московских и петербургских газет. ... условлено было во время исполнения кадрили временами переходить с спокойных танцев на более или менее смелый канкан, причем из особой “наблюдательной ложи” раздавался звонок, музыка внезапно умолкала, и виновный приглашался к барьеру “наблюдательной ложи”, где ему объявлялось “первое предостережение”. Ежели тот же танцор или танцорка вновь нарушали законы маскарадного благочиния, им, при той же обстановке, давалось “второе предостережение”, затем третье, а за ним уже следовало торжественное изгнание виновного из состава кадрили и из танцевальной залы» (12, 315).

§ 2. Эволюция московских реалий в истории текста романа «Подросток»

Мысль написать большой роман «Житие великого грешника» возникает у Достоевского в 1869–1870-м гг. Известно, что идеи для этого ненаписанного произведения были отчасти воплощены в трех последних романах. Но московские реалии, зафиксированные в подготовительных материалах «Жития...», в большей степени были перенесены на страницы «Подростка». Генетически «Житие великого грешника» восходит к замыслу романа «Атеизм», отчасти реализованного в «Идиоте».

Г. А. Федоров отмечает: «Подготовительные материалы к “Житию...” хранят множество автобиографических деталей поры московского детства и отрочества писателя. Это изначальный этап творческого процесса, когда истоки помечены именами людей, чью жизнь Достоевский знал во многих подробностях»²²². Об этом же писала В. С. Нечаева: «Наброски к “Житию великого грешника” и к “Подростку”, конечно, не автобиографичны, но мы думаем, что в поисках изображения психики двенадцатилетнего героя автор черпал в глубоких подспудных источниках памяти первое осознание своей личности, ее значения, ее положения в мире»²²³.

Первая же запись, сделанная под заголовком «Житие великого грешника» гласит: «Детство. Дети и отцы, интрига, заговоры детей, поступление в пансион и проч.» (9, 125). А уже в следующей указывается московский биографический источник: «Я (?), семейство, с детских лет, Москва, всё ему обязано. Рост. Чермак, первый — последний, обвинение во всем» (9, 125). В одной краткой записи отражена сокровенная мысль Достоевского о несомненной важности в формировании его личности

²²² Федотов Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 1. Л.: Наука, 1974. С. 155.

²²³ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 42–43.

семьи и детских впечатлений, как и в судьбе любого человека. Здесь же впервые возникает фамилия Чермака, с которого, после рассказа о семье и детских годах в Москве, планировалась история жизни героя, пронизанная автобиографизмом. В заметках Чермак встречается еще несколько раз. «Матушкины дети у Сушара и у Чермака (их гадливость от глупости) (9, 127). В этой записи, сделанной в конце 1860-х гг., упоминается Сушар (Сушард), а далее следует показательная для памяти Достоевского особенность: всплывает целый ряд воспоминаний, связанных с ранним детством: «Пансион. В доме — несправедливое наказание. Экзамен. В деревне. Самоотвержение. Катя» (9, 127). Если просматривать письма писателя матушке из Москвы в Даровое, то в них как раз соседствуют деревня, экзамены в пансионе: «Скоро у нас будет экзамен, и теперь мы к оному готовимся, после коего, может быть, скоро с Вами увидимся, о! как приятна будет та минута, когда мы прижмем Вас к нашему сердцу» (28, 1, 32–33); «Экзамен наш будет по-прошлогоднему в конце июня, и посему мы лишаемся надежды вскоре Вас увидеть» (28, 1, 33); «Что же касается до экзамена, то он будет наверно 24 июня, и мы теперь к оному приготавливаемся» (28, 1, 34).

Удивительно, как Достоевский спустя годы вспоминает не только фамилии Чермака и Сушарда, но и своих однокашников Брусилова (в замыслах Брутилов), Ламберта, а также гувернеров Тайдера и Манго. Вот типичный пример записи, где отражены реалии московского детства Достоевского: «А(льфонски)й говорит речи. У Чермака. Развитие, чтение, экзамен. После экзамена Альфонск(ий) влюбляет. Альфонский допрашивает. За Хроменькую. С Катей. Нива. Семейные сцены. Альфонский, его друг, пощечина. В Москве, Lambert. 0 классическом образовании у Чермака. (Гер Тайдер) (9, 132). О роли Альфонского и Кати, упомянутых в приведенном фрагменте, речь пойдет далее. Приведенный пример в очередной раз подтверждает, что воспоминания московского детства были живы в памяти писателя.

Еще Н. Л. Бродский в статье «Угасший замысел» подметил про «Житие великого грешника», что «весь фон романа в первой части густо насыщен сырьем подлинной жизни, воспоминаний о реальном опыте писателя. “Брат Миша” – не Михаил ли Михайлович, один из младших братьев писателя? Сушар (Сушард) – это Николай Иванович Сушард, учитель французского языка, ходивший к Достоевским давать уроки. Чермак – это Леонтий Иванович Чермак, в пансионе коего в 1834–1837 гг. учился Федор Михайлович. Умнов – один из сверстников братьев Достоевских, бывавший у них дома, Ваничка Умнов, доставлявший им разные книжки и рукописные произведения (напр., “Дом Сумасшедших” Воейкова и проч.). Список авторов и книг, известных начитанному герою “Жития”, живо переносит в детские и отроческие годы самого автора: Евангелие, Библия, Гоголь, Пушкин, Вальтер Скотт, Карамзин, исторические и географические сочинения. Арабские сказки и проч., – все это находит подтверждение в подлинных признаниях Достоевского о ранних годах его жизни и в воспоминаниях о нем брата, Андрея Михайловича»²²⁴.

Хорошо изложил краткое содержание ненаписанной поэмы «Житие великого грешника» А. С. Долинин: «В “Житии”, кроме великого грешника, пока еще ребенка одиннадцати лет, должны были действовать и другие дети, честные и преступные: хроменькая Катя, Умнов, Альберт или Lambert, Аркашка. “Дети покидают семью, становятся уличными”. Кроме детей, имеется там какая-то “святая мать, идеальное и странное создание”. О будущем великом грешнике, который должен в конце стать “бойцом за правду”, говорится, что он незаконнорожденный: “У отца его — не братья. Ему дают знать”. Какой-то там учитель; часть действия происходит в пансионе Чермака; там матушкины дети, их “гадливость” — очевидно, к

²²⁴ Бродский Н. Л. Угасший замысел // Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. Антология русской критики. Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 563–564.

нему, незаконнорожденному. Читаются произведения писателей: Вальтера Скотта, Гоголя, “Герой нашего времени” — особенно часто упоминается Гоголь, — и “эффект этих чтений”²²⁵. Гоголь фигурирует и в подготовительных материалах к «Подростку», в которых довольно много совпадений с «Житием...», но уходят имена знакомых по детству в Москве, за исключением Сушарда, Ламберта (в русском написании) и Альфонского, который становится Альфонсиным.

Подробно московский автобиографический контекст «Жития великого грешника» и «Подростка» был рассмотрен Г. А. Федоровым, который детально изучил историю пансиона Л. И. Чермака, где братья Достоевские (в записях фигурирует и брат как один из предполагаемых героев) пребывали с осени 1834 г. по весну 1837 г., и уроки Н. И. Драшусова (Сушарда), у которого они готовились к поступлению к Чермаку в течение года. Федоров очень подробно воспроизводит биографию Чермака и Сушарда, которые были важными фигурами в системе образования дворянства Москвы.

Вынашивая идею создания романа о «современных отцах и детях», Достоевский не мог не обратиться к своим воспоминаниям, связанным с пансионом Чермака. В окончательном варианте «Подростка» выведен образ Тушара, который имеет портретное сходство с реальным Драшусовым. Федоров находит и другие совпадения, из которых самые любопытные связаны с топографическими метами – церковью и заставой. Поэтому нельзя не отметить, что пансион Тушара – это, скорее, топографическая, чем фактическая точность автобиографическому источнику, поскольку сама атмосфера обучения, судя по воспоминаниям А. М. Достоевского и других учеников Чермака, была иной, нежели унижающая человеческое достоинство жестокость вымышленного Тушара. Представляется верным замечание Е. А. Краснощековой, которая

²²⁵ Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 34.

предполагает, что на образ пансиона в окончательном тексте «Подростка» повлияла школа мистера Крикла из романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим»²²⁶.

Скажем несколько слов о Н. И. Драшусове и Л. И. Чермаке. У Драшусова было двое сыновей, Владимир и Александр. Оба они репетировали мальчиков Достоевских: Александр преподавал Федору и Михаилу математику, а Владимир – словесные науки. Родители Ф. М. Достоевского были хорошо знакомы с семьей Драшусовых. Вот как вспоминал Н. И. Драшусова А. М. Достоевский: «Время для старших братьев начало уже подходить такое, что по возрасту их пора было отдавать куда-либо в пансион с гимназическим курсом, и одного чтения и письма, а равно закона Божия и французского языка было далеко недостаточно. Для приготовления к такому пансиону двух старших братьев отдали на полупансион к тому же Николаю Ивановичу Драшусову, куда они и ездили, кажется, в продолжении целого года или даже более, ежедневно по утрам и возвращались к обеду. У Драшусова был маленький пансион для проходящих, он сам занимался французским языком»²²⁷.

Пансион Чермака был интересен Достоевскому как источник живых впечатлений и памятен, возможно, тем, что рядом с пансионом проживал П. Я. Чаадаев, тоже упоминаемый в заметках к «Житию великого грешника» и хорошо знакомый Аркадию Алексеевичу Альфонскому, чье имя часто встречается в рукописях «Жития...» и «Подростка» и сына которого Г. А. Федоров считает прототипом Аркадия Долгорукого. Однако прежде чем говорить о сходствах Альфонского-младшего и героя Достоевского, а также о параллелях реального пансиона Чермака «пансионешку Тушара», коротко скажем о других реальных лицах, упоминаемых в подготовительных материалах к ненаписанному роману.

²²⁶ Краснощекова Е. А. Роман воспитания Bildungsroman на русской почве. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. С. 442.

²²⁷ Достоевский А. М. Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 68.

Умнов Иван – друг братьев Достоевских, бывавший в их доме и знакомивший их с литературой. Именно поэтому в замысле «Жития...» он наизусть знает Гоголя. Он должен был играть важную роль, и главный герой должен был испытывать к нему ревнивое чувство, но «увиваться за ним», в нем также намечаются и отрицательные черты: «Умнов (подглядывает голых, посягает на Хроменькую)» (9, 133). В тексте «Подростка» такого героя нет. Еще один герой из московского пансиона, упоминаемый в замыслах, – Николай Брусилов, в черновиках Брутилов.

Ламберт Евгений учился тоже в пансионе Чермака и был старше Достоевских, а в «Житие...» предполагался отрицательным персонажем. Этот замысел переходит и в роман «Подросток», в котором Ламберт тоже старше Аркадия и по-прежнему остается воплощением зла. Возможно, в итоге в герое соединяются предполагавшиеся в «Житие великого грешника» Умнов и Lambert, хотя уже в заметках к ненаписанному роману читаем: «Lambert и он — полная картина разврата» (9, 135).

Особое место в замысле романа «Подросток» занимает, как указывалось ранее, Альфонский – отец героя, а в действительности сослуживец отца писателя. «Достоевские и Альфонские дружили семьями: мать писателя была в особенно близких, приятельских отношениях с Е. К. Альфонской — рано умершей первой женой доктора Альфонского»²²⁸, – отмечает Б. Н. Тихомиров в словарной статье, посвященной роману. История семьи Альфонских широко представлена в подготовительных материалах. Например, мачеха героя, жена Альфонского, засидевшаяся в девках, напоминает Е. А. Муханову, которая будет второй женой Альфонского. В связи с семейством Альфонских всплывает еще один автобиографический сюжет – убийство Альфонского крестьянами, что отсылает к загадочной смерти Михаила Андреевича Достоевского. Также объясняется появление имени Катя, которая

²²⁸ Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 295.

поминается в черновых набросках про Альфонского: «Открыто держит любовницу», «Натешился над Катей» (9, 135). В. С. Нечаева предположила, что это тоже связано с детскими воспоминаниями Достоевского. Катя – это взятая Марьей Федоровной в услужение девочка из Черемошни. Об этом же говорит Б. Н. Тихомиров: Катей «звали дворовую девушку Достоевских, с к-рой после смерти жены сожительствовал отец писателя и у которой от М. А. Достоевского был умерший в младенчестве ребенок»²²⁹. Но В. С. Нечаева оговаривается, что «сугубо осторожно может исследователь коснуться этого материала»²³⁰. Там же возникают имена двух крепостных крестьянок родителей Достоевского – «Анна и Василиса бежали» (9, 133). Василиса бежала, что соответствует реальному факту из жизни писателя. Все это автобиографический московский пласт, подробно освещенный в работах Г. А. Федорова.

Имя сына Альфонского – Аркадий передано главному герою. Н. Г. Пустыгина предположила, что фамилия главного героя взята у П. В. Долгорукова, известного московского и петербургского повесы и одного из клеветников Пушкина²³¹.

А. С. Долинин указывал еще некоторые биографические источники в черновиках к роману, среди которых есть и московские. Так рядом с фамилией Ахрамковой несколько раз стоят инициалы Е. П. или Ел. Пав-на. Долинин полагает, что имеется в виду Елена Павловна Иванова, поскольку его несостоявшиеся сватовство и женитьба на овдовевшей невестке сестры Веры Михайловны прямо упоминается в черновике: «У него <у младшего князя, Сергея Сокольского> с княгиней было вроде как у меня с Е. П. еще при жизни мужа» (16, 243). Ивановы мечтали о браке Достоевского с

²²⁹ Там же. С. 295.

²³⁰ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 43.

²³¹ Пустыгина Н. Г. О фамилии Долгоруков в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Уч. записки Тартуского государственного университета, 1985. Вып. 645. Проблемы типологии русской литературы. С. 39–40.

любимой тетушкой еще до смерти ее тяжелобольного мужа и о том, что они поселятся в Москве, поэтому поначалу не приняли молодую жену писателя Анну Григорьевну. Сохранились письма Достоевского о том, как было принято Еленой Павловной его решение жениться на другой, а также его дружеские послания к ней (три письма), наполненные искренней симпатией. По мнению А. С. Долинина, старый князь Сокольский, называемый в черновиках Александром Алексеевичем, – это Александр Алексеевич Куманин. Известно, что дядя Достоевских выдавал замуж своих племянниц с небольшим, но довольно приличным приданным, а о князе Сокольском говорится: «У него была, сверх того, одна странность, с самого молоду, не знаю только, смешная или нет: выдавать замуж бедных девиц. Он их выдавал уже лет двадцать пять сряду — или отдаленных родственниц, или падчериц каких-нибудь двоюродных братьев своей жены, или крестниц, даже выдал дочку своего швейцара. Он сначала брал их к себе в дом еще маленькими девочками, растил их с гувернантками и француженками, потом обучал в лучших учебных заведениях и под конец выдавал с приданным. Всё это около него теснилось постоянно» (13, 21). Утрированно и комически здесь передается история из дома Куманиных. Дядюшка в 1856 г. был разбит параличом и взят под опеку, а князь Сокольский после припадка тоже немного повредился умом, и за ним присматривали.

Еще одно имя из московской жизни, упоминаемой в черновиках романа, – Маркус. Федором Антоновичем Маркусом, как отмечает А. С. Долинин, звали эконома Мариинской больницы, который проживал в одном флигеле с Достоевскими, в квартире над ними. В окончательном тексте романа его зовут Петр Ипполитович – это хозяин квартиры

Аркадия. Как и Петр Ипполитович, Маркус любил рассказывать разные занимательные истории²³².

В черновиках к «Подростку» упоминается и Варвара Михайловна Карепина, которая была прототипом в ранних «Бедных людях» и «Неточки Незвановой», а теперь фигурирует как возможный прототип Анны Андреевны Версиловой. Представляется, что имя сестры возникает в связи с тем, что Анна Андреевна становится соперницей Ахмаковой за наследство старого князя Сокольского. Ко времени написания романа уже назревает ссора из-за «куманинского наследства», рокового для самого Достоевского. В героине подчеркивается расчетливость и трезвость ума.

Г. А. Федоров говорит о еще одной московской реалии в романе, где «найден немало отражений московской жизни периода детства и отрочества писателя»²³³. И в одном из своих детских ярких впечатлениях упоминается некая Варвара Степановна: «Эту Варвару Степановну запомнил капельку потому только, что у ней вечно были подвязаны зубы. Помню еще около дома огромные деревья, липы кажется, потом иногда сильный свет солнца в отворенных окнах, палисадник с цветами, дорожку, а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно... » (13, 92). Как утверждает Г. А. Федоров, «случай с голубем реальный, он подтвержден А. Г. Достоевской, женой писателя, но и Варвара Степановна — лицо из детства Достоевского. Андрей Достоевский пишет о Настасье Андреевне Маслович: «Это была дама, вечно страдающая зубными болями и флюсами, и вечно подвязанная белым платком» и «постоянно курила трубку, вероятно, как помощь от

²³² Подробнее см.: Глава VII. Биографические материалы в «Подростке» в книге: *Долинин А. С.* Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 162–176.

²³³ *Федоров Г. А.* Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 63.

зубной боли...». У обоих братьев одна и та же курьезная деталь. Но если для младшего брата образ Н. А. Маслович состоит лишь из ряда забавных деталей, то для его старшего брата комическая частность включена в цепь других, куда более возвышенных подробностей: дом с пейзажем, причастие в церкви, голубь²³⁴. Настасья Андреевна была частым гостем в доме Достоевских. Удивительно поэтичны строки о матери. Светлые воспоминания Аркадия, связанные с матушкой и причастием, голубем, пролетающим через купол, не только бесконечно дороги самому Достоевскому и свято хранимы, но и выполняют важную художественную функцию в романе о становлении человека. В этом романе Достоевского поразительно точно показан механизм человеческой памяти. Для главного героя самыми яркими и полярными по воздействию на формирующуюся его личность становятся спасительные свидания с матерью и губительно-соблазнительные встречи с отцом.

Если пансион Чермака и Сушарда упоминаются в основном в набросках к первой части «Жития» – «Детство», которая интересна с точки зрения отраженной в них московской реальности и которая легла в основу работы над текстом «Подростка», то другая часть набросков – «Монастырь» – отчасти нашла воплощение в «Бесах» и «Братьях Карамазовых». Именно в этой части замысла возникает фигура Чаадаева, который будет одним из прототипов Версилова. Версилов, как и Степан Трофимович Верховенский, представляет собой образ, синтезирующий черты реальных и литературных прототипов, среди которых есть еще «москвичи»: Герцен и Чацкий. В окончательном тексте романа будет говориться о том, что Версилов «прожил в свою жизнь три состояния» (13, 7). А. С. Долинин предполагает, что это факт взят из биографии П. Я. Чаадаева, написанной М. Жихаревым²³⁵. Также А. С. Долинин

²³⁴ Там же.

²³⁵ Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 120.

находит еще целый ряд совпадений с москвичом Чаадаевым в биографии, манере поведения и внешности Версилова. А история с Лидией Ахмаковой, по мнению А. С. Долинина, совпадает с отношениями между Петром Яковлевичем Чаадаевым и Екатериной Дмитриевной Пановой²³⁶. Сравниваются и отказы от дуэлей Чаадаева и Версилова. Ученый, оговариваясь, что Чаадаев, как и Герцен, не являются прототипами, а Версиров своего рода порождение размышлений Достоевского об этих «двух исторических лицах», тем не менее, утверждает: «Гордость, пренебрежение к людям; у них обоих (у Версирова, как и у Чаадаева) чудовищный эгоизм при огромном уме и замечательном остроумии; та же роль в обществе, те же манеры; обилие одинаковых фактов биографических, и главное, повторяем, та же основная идея, та же эволюция ее и те же доказательства этой идеи — при несомненном интересе автора к Чаадаеву как к мыслителю в продолжение всей жизни, а в плане художественном — как к типу — совсем недавно, в “Житии великого грешника”, с которым, как мы видели, “Подросток” связан органически. Все это, вместе взятое, думается мне, является достаточно убедительным»²³⁷. Чаадаев также мог быть осмыслен через Герцена, «Былое и думы» которого уже были знакомы Достоевскому.

Но важно рассмотреть еще некоторые записи в подготовительных материалах к роману «Подросток», в которых встречаются те же биографические отсылки, что и в «Житии великого грешника», а также возникают новые – культурно-исторические. Необходимо отметить, что к этому произведению сохранилось наибольшее количество черновых материалов.

Приведем в пример фразу «Не было ли англичанина-атеиста в Москве, который сделал Подростка атеистом? Не писать ли всю биографию в детстве? (16, 33). И по замыслу, подросток должен был выйти

²³⁶ Там же. С. 121–123.

²³⁷ Там же. С. 124–125.

из Московского университета (16, 41). Представляется, что изначально образ главного героя должен был быть идеологически связан с русским западничеством и европеизмом, что в окончательном тексте выразилось лишь в запомнившемся Аркадием чтении монолога Чацкого Версильевым. Именно это неоднократно становилось предметом дискуссии: можно ли считать Чацкого прототипом Версильева. Традиция заложена А. Богеном, его работа «Грибоедов и Достоевский» упоминалась в предыдущей главе. Несомненно, Версильев, декламирующий монолог Чацкого в Москве, весьма значимый момент в постижении взглядов героя. В подготовительных материалах к роману герой Грибоедова упоминается неоднократно именно в контексте московского периода жизни центрального героя. Вот одна из заметок: «Программа (от Я). Чацкий, у Друшара, лакей, Ламберт и Молод(ой) Князь, книги, мечты. Плакал-плакал. Мать. У Н. С., гимназия, Тушар. Вначале как и все, ввязался в прозу Тушара. Ламберт. Всё было так подло, меня считали предателем, и удалился, и был в товарищах. Мечты, книги, сад, луч, жизнь, мечтательность всё съела» (16, 187). Этот план повествования от первого лица значительно более автобиографичен, нежели в окончательном тексте. Более того, в нем Достоевский будто возвращается к своей юности.

Чацкий для писателя, как было выявлено ранее, является знаковой фигурой русского барства Петровской эпохи, утратившей свою связь с родной почвой. Поэтому вдвойне знаменательно, что в черновых записях дважды Чацкий упоминается рядом с такими героями, как Печорин и Обломов, что позволяет выстроить судьбу русского дворянства: «Про современную литературу отзываешься, что данные ею типы довольно грубы — Чацкий, Печорин, Обломов и проч. Много тонкого ушло незамеченным. Понимания мало было» (16, 238); «Про современную литературу Версильев говорит, что данные ею типы довольно грубы (Чацкий, Печорин, Обломов) и что много тонкого и, несомненно, действительного ускользнуло; бесчисленно больше ускользнуло, чем дано литературой. Ибо мы себя всё

время не понимали и только что капельку выяснили — вдруг оказалось, что еще больше мраку (в последнее двадцатилетие)» (16, 277). В еще одной записи Версиров признается, что он западник, а «Чацкий – крепостник», который, как и сам Версиров, относится к «любопытному типу всемирно болеющего человека из дворянства Петра Великого» (16, 417).

Нам кажется, что Чацкий не просто является неким идеалом для Версирова, как утверждает Т. С. Карпачева²³⁸, происходит своего рода слияние Версирова с ролью, как полагает Л. В. Сыроватко²³⁹ или Аркадий принимает Версирова за Чацкого и считает, что он должен стать велик, как и его отец (версия П. Е. Фокина, наиболее психологически оправданная)²⁴⁰. Учитывая особенности творческой лаборатории Достоевского, мы предполагаем, что Чацкий в контексте московских реалий «Подростка» играет особую роль, хотя и в окончательном тексте нет рассуждений самого Версирова о нем как литературном и общественном типе, которые предполагались изначально.

Важно отметить, что Достоевский тонко выстраивает ряд намеков, благодаря которым читатель понимает, что личность Версирова должна оцениваться с оглядкой на грибоедовского героя. Еще до рассказа о чтении комедии Аркадий вспоминает, как впервые увидел Версирова: «Вы сходили с лестницы чтобы сесть в карету и куда-то ехать; в Москву вы прибыли тогда один, после чрезвычайно долгого отсутствия и на короткое время, так что вас всюду расхватили и вы почти не жили дома» (13, 93). По нашему мнению, такое явление Версирова напоминает появления Чацкого, а для Аркадия – это своего рода схождения бога с Олимпа, который,

²³⁸ Карпачева Т. С. Образ Москвы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Москва и «московский текст». Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сборник научных статей / Редактор-сост. Н. М. Малыгина; научн. ред. Е. В. Кудрина. Вып. 7. М.: МГПУ, 2013. С. 39–45.

²³⁹ Сыроватко Л. В. Подросток: роман об идее // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток». Возможности прочтения. Коломна: КГПИ, 2003. С. 63–81.

²⁴⁰ Фокин П. Е. Грибоедовские фантазии Аркадия Долгорукого (Поэтика детства у Достоевского и ее реализация в романе «Подросток») // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток». Возможности прочтения. Коломна: КГПИ, 2003. С. 205–208.

однако, очень скоро перестанет быть таковым в глазах сына. Второе свидание – это репетиция монолога Чацкого, который для Достоевского был монологом русского европейца-барича, бегущего из России. Сам Версилов восклицает: «И признаюсь, эти тогдашние несколько дней в Москве, может быть, были лучшей минутой всей жизни моей! Мы все еще тогда были так молоды... и все тогда с таким жаром ждали... Я тогда в Москве неожиданно встретил столько...» (13, 94). Эта реплика Версилова полна загадок, но ясно, что под «мы» Версилов имеет в виду определенный круг русского дворянства, ожидавшего после реформ Александра II (первая встреча Аркадия с отцом происходит за девять лет до событий, происходящих в романе) чего-то нового и «европейского», что объясняет ту исключительную патетику, с которой герой произносит реплику Чацкого: «Карету мне! Карету!». Возможно, сохранившееся в черновых вариантах большое рассуждение Версилова о природе современного «случайного семейства» не случайно содержит упоминание Молчалина, той роли, которой отец не желает своему сыну, а также сведения о проникновении «молчалинского подбострастия» в дворянство (17, 144–145).

Версилов, как и Чацкий, покидает Москву. Не случайно, что при описании его бегства за границу, куда он планировал эмигрировать навсегда, возникает фигура Герцена. Аркадий, узнав об этом, восклицает: «К Герцену? Участвовать в заграничной пропаганде? Вы, наверно, всю жизнь участвовали в каком-нибудь заговоре?» (13, 373). Но Версилов его разочаровывает, отвечая, что уехал от «дворянской тоски» – той самой тоски, которая гонит из России всех «русских скитальцев» (Версилов сам признается, что он «скитался» по Европе) и дает характеристику своему же типу: «У нас создан веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, — тип всемирного боления за всех. Это — тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он

хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек — может, более, может, менее, — но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу» (13, 376). Еще одну отсылку к Герцену обнаруживают комментаторы академического собрания сочинений, которая оказывается связана с «идеей Ротшильда» и хорошо известным фактом денежных дел Герцена с Ротшильдом, которые были отчасти описаны в «Былом и думах» (17, 298). Долинин подробно исследует проблему прототипичности Герцена в образе Версилова, особо рассматривая схожесть пессимизма их взглядов на Европу. Но, как пишет Долинин, «Версиров, тоже тоскующий, тоже разочарованный в европейских идеалах, уходит с «тонувшего европейского корабля», как бы исправляет ошибку Герцена»²⁴¹. Конечно, необходимо учитывать, что труд А. С. Долинина писал в советские годы, поэтому его итоговое размышление о том, что Достоевский обеднил и снизил реальную величину Чаадаева и Герцена, необоснованно, но обнаруженные им параллели представляют колоссальный вклад в историю изучения романа «Подросток». Так, в образе Версирова синтезируются, как и в образе Степана Трофимовича Верховенского, размышления Достоевского о природе русского западничества, но несколько иной разновидности, «чаадаевско-чацкой», переосмысленной через Герцена, о которой писатель размышлял до конца своей жизни. Аркадий так определяет этот тип: «Это — дворянин древнейшего рода и в то же время парижский коммунары. Он истинный поэт и любит Россию, но зато и отрицает ее вполне. Он без всякой религии, но готов почти умереть за что-то неопределенное, чего и назвать не умеет, но во что страстно верует, по примеру множества русских европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории» (13, 452). На этом, пожалуй, исчерпывается московский культурно-исторический след в «Подростке».

²⁴¹ Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 107.

Москва оказывается локусом, который играет чрезвычайно важную роль в судьбе Аркадия Долгорукого. Как уже было отмечено, в детской памяти главного героя отпечатались свидания с родителями. Е. А. Краснощекова полагает, что «в ретроспекциях Достоевского — два самых значимых эпизода ранней жизни Аркадия. Краткая встреча незаконнорожденного сына с блестящим отцом, увиденным в роли Чацкого на сцене; тогда и зародился в десятилетнем мальчике узел недетских чувств (непомерная привязанность и болезненное желание преодолеть ее). Встреча с матерью возникает в памяти Подростка в страшную ночь позора (он выброшен из игорного дома и обвинен в краже и доносе). Мелькает мысль о самоубийстве (“голову на рельсы”), затем о мести — “пожар” (“Да, преступление наворачивалось в ту ночь и только случайно не совершилось” (13, 268)). Замерзая на незнакомом дворе, Аркадий как бы слышит звук колокола (погребального?) и в предсмертной дреме видит мать, навестившую мальчика в пансионе»²⁴². Не во всем можно согласиться с исследовательницей, поскольку звон колоколов скорее символизирует спасение, о чем будет сказано позже, но то, что родителей своих герой узнает именно в Москве, представляется Достоевскому очень важным.

Интересны наблюдения Р. Казари, отсылающие к жанру романа воспитания, к которому отчасти можно отнести «Подростка»: «Если считать “Подросток” романом воспитания, весь подготовительный путь к этому процессу лежит именно в Москве. Противоречивые внутренние импульсы Подростка, униженность и самолюбие, желание отомстить всему миру и жажда любви, возникновение его идеи и, наконец, те две встречи с матерью и с отцом, действительно роковые для него, обуславливающие всю его жизнь, — все это связано с Москвой. Город ему открывает настоящих отца и мать. Выходят на передний план именно те —

²⁴² Краснощекова Е. А. Роман воспитания Bildungsroman на русской почве. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. С. 441-442.

семейное и женско-материнское – начала, которые являются характеристиками именно московского уклада жизни»²⁴³.

Несколько слов скажем о Москве как пространственной координате романа «Подросток».

Роман начинается с приезда главного героя из Москвы в Петербург. Оставляя Москву, Аркадий постоянно упоминает этот город, родной для него, и, рассказывая о своем детстве, подробно воспроизводит жизнь у Тушара, полную унижений и обид, походы на Кузнецкий и другие события. К слову, Кузнецкий мост чаще других московских улиц поминается в романе. Именно там одевает Татьяна Петровна Аркадия для первой встречи с отцом: «Появившись, она проводила со мною весь тот день, ревизовала мое белье, платье, разъезжала со мной на Кузнецкий и в город, покупала мне необходимые вещи, устраивала, одним словом, всё мое приданое до последнего сундучка и перочинного ножика» (13, 20). О нем же говорит Альфонсина (некоторыми учеными считается имя героини производным от фамилии Альфонский): «...на Кузнецком мосту, совсем рядом с магазином господина Андрие, – вы, конечно, знаете: парижские новинки, модные изделия, белье, сорочки...» (13, 277). А на Тверском бульваре Аркадий с дружкой пристаёт к девушкам, по нему прогуливающимся. На Арбате находится дом Фанариотовой (13, 99).

В Москве Аркадий принимает решение «уйти в свою идею уже окончательно» (13, 14). Именно там выстраивается «подполье» Аркадия Долгорукого. Как утверждает Т. С. Карпачева, Москва для героя остается тем местом, с которым для него связана хотя бы идея дома, которого он был лишен: «Пять раз (!) в тексте встречается словосочетание “еще в Москве”, указывающее, на наш взгляд, на некую условную укорененность

²⁴³ *Казари Р.* Московское начало в творчестве Достоевского // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 76.

в Москве по сути бездомного главного героя»²⁴⁴. Но если обратить внимание на речь Аркадия, то она изобилует упоминаниями Москвы. Он, будучи уже в Петербурге, будто живет Москвой. И цель его визита в Петербург очень точно определяет Версиков: «Ты приехал к нам из Москвы с тем, чтобы тотчас же взбунтоваться, — вот пока что нам известно о целях твоего прибытия» (13, 90). Интересна в этом отношении одна деталь: купленный Аркадием альбом – первый шаг на его пути к воплощению в жизнь «идеи Ротшильда». В альбоме он читает стихи:

«Я в путь далекий отправляюсь,
С Москвой надолго расстаюсь,
Надолго с милыми прощаюсь
И в Крым на почтовых несусь» (13, 38).

Истории, рассказываемые Аркадием, все из московских впечатлений. Например, история генерала, умершего от горя после смерти двух дочек (13, 46). Г. А. Федоров связывает появление истории генерала с упоминаемым ранее в диссертации Лазаревском кладбищем: «Рассказ главного героя романа «Подросток» до сих пор остается без комментария, а ведь это воспоминание Достоевского о родном ему кладбище. За главным алтарем кладбищенской церкви стоял мавзолей Хлебниковых. Довольно большая каменная часовня с гробницей из мрамора и скульптурной группой на ней: отец и двое маленьких детей. Отец несколько приподнимается с ложа, чтобы обнять двух плачущих малюток. М. Р. Хлебников был не генерал — а подполковник»²⁴⁵. Или выдуманная им прекрасная дама, которую он знал в Москве (13, 196).

С Москвой связана еще одна из историй Макара Долгорукого, которую воспроизводит Аркадий в романе. Это вставная новелла о купце

²⁴⁴ Карпачева Т. С. Образ Москвы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Москва и «московский текст». Москва в судьбе и творчестве русских писателей. Вып. 7. М.: МГПУ, 2013. С. 41.

²⁴⁵ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 47–48.

Скотобойникове, который выписывает самого первого живописца и самого лучшего доктора из Москвы, пытаюсь исправить непоправимое и полагая, что в Москве все самое лучшее. В «Братьях Карамазовых» Катерина Ивановна тоже выпишет доктора из Москвы для Ивана.

Из Москвы же ждет князь Сокольский дочь-вдову – Катерину Ивановну Ахмакову. В Москве проживает Марья Ивановна, жена Николая Семеновича, которая неоднократно упоминается в «Подростке» и играет важную роль в развитии романной интриги. У нее воспитывался Аркадий, и она дает два важных документа, благодаря которым герой и хотел добиться власти над всеми, – письмо Андронникова и Ахмаковой, которая о ней так отзывается: «целый характер, и особый, московский» (13, 128). В этой характеристике, как и в имени героини, можно разглядеть намек на грибоедовскую комедию (Марья Алексеевна, «На всех московских есть особый отпечаток»). Напомним версию В. С. Нечаевой о том, что образ Николая Семеновича напоминает любимого учителя братьев Достоевских Н. Билевича. Аркадий называет его «незабвенным». «Именно этот “незабвенный” для Аркадия человек был им выбран в качестве читателя и судьи написанных им автобиографических записок, тщательно скрываемых от окружавших его людей. Он посылает из Петербурга в Москву рукопись и просит совета — поступать ли ему в университет — у своего “бывшего воспитателя”, как он его называет, хотя ничего об этой его роли не упоминал в записках»²⁴⁶.

В Москве происходит первая встреча и стычка Аркадия со сводным братом. Как верно замечает Т. С. Карпачева, «из Москвы приехали мать и дочь, соседки Васина; в Петербурге дочь Оля кончает жизнь самоубийством, и в этом Аркадий видит часть и своей вины (он зачем-то сказал Оле, что у Версилова много незаконнорожденных детей), а у матери

²⁴⁶ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 53.

вдруг меняется имя: в начале романа ее зовут Дарья Онисимовна, а в конце — Настасья Егоровна»²⁴⁷.

Шайка Ламберта тоже заводится в Москве и там у них, по словам Аркадия, «был чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек» (13, 322). В Москве Ламберт Аркадия в трактире «вилкой пырнул». Но переезжает Ламберт в Петербург потому, что «давно уже помышлял о Петербурге как о поприще более широком, чем Москва, и еще потому, что в Москве он где-то и как-то попал впросак и его кто-то разыскивал с самыми дурными на его счет намерениями» (13, 323). Но потом Ламберт опять возвращается в Москву, где и «попался».

Важным в понимании московского следа в романе «Подросток» является и сохранившееся в черновом варианте рассуждение Версилова о Льве Николаевиче Толстом. В его монологе о детях, «уже с детства задумывающихся над своей семьей, оскорбленных неблагообразном отцов своих и среды своей», был подробный разбор творчества Толстого, которое посвящено другим детям: «О, это не герои: это милые дети, у которых прекрасные милые отцы, кушающие в клубе, хлебосольствующие по Москве, старшие их дети в гусарах или студенты в университете, из имеющих свой экипаж» (17, 143). Но самое важное, что это дети сословия «законченного», каждый «индивидуум» которого «крепок целым, нажитым в два столетия, а корнями и раньше того» (17, 143). Толстой показывает блестящую картину этого высшего сословия, укорененного в русской почве. Версилов связывает эту часть русского дворянства с московским миром, противостоящим хаотической петербургской реальности. Возможно, не случайно для Аркадия Долгорукого так нужна и важна Москва. И сама фамилия его тоже не случайна. Т. А. Касаткина делает интересное наблюдение: фамилия Долгорукий «в очевидной связи с

²⁴⁷ Карпачева Т. С. Образ Москвы в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Москва и «московский текст». Москва в судьбе и творчестве русских писателей. Вып. 7. М.: МГПУ, 2013. С. 43.

историей Московского царства, основание столицы которого связано с именем Юрия Долгорукого; отчество Макара — Иванович, так же будет указывать на московский период развития русской государственности, где среди князей-устроителей и царей династии Рюриковичей — главные, знаковые для российской истории фигуры — Иваны. Андрей же Петрович — птенец гнезда Петрова, создание петербургского периода российской государственности, порождение Петра»²⁴⁸.

Пожалуй, самое любовное и поэтичное описание Москвы в творческом наследии Достоевского мы встречаем в «Подростке», которое как раз связано с упомянутым ранее приездом матери: «Колокол ударял твердо и определенно по одному разу в две или даже в три секунды, но это был не набат, а какой-то приятный, плавный звон, и я вдруг различил, что это ведь — звон знакомый, что звонят у Николы, в красной церкви напротив Тушара, — в старинной московской церкви, которую я так помню, выстроенной еще при Алексее Михайловиче, узорчатой, многоглавой и “в столпах”, — и что теперь только что минула святая неделя и на тощих березках в палисаднике тушаровского дома уже трепещут новорожденные зелененькие листочки. Яркое предвечернее солнце льет косые свои лучи в нашу классную комнату, а у меня, в моей маленькой комнатке налево, куда Тушар отвел меня еще год назад от “графских и сенаторских детей”, сидит гостья» (13, 270). Достоевский хорошо знал эту церковь и любил ее, но важнее не топографическая точность, которую разбирает Г. А. Федоров, а сам образ Москвы, наполненный светом солнца, весенней зеленью («трепещущие новорожденные зеленые листочки» Аркадия напоминают «клейкие весенние листочки» Ивана Карамазова, символизирующие «живую жизнь», жажду жизни) и колокольным звоном. Москва здесь символ

²⁴⁸ Касаткина Т. А. Между Богом и маммоной // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: в 18 т. Т. 10: Подросток. Примечания. М.: Воскресенье, 2004. С. 431.

родного дома, которого фактически был лишен Аркадий Долгорукий, символ русского мира и русской веры. Не случайно делается отсылка в романе о русском европейце к допетровской истории – «тишайшему» царю Алексею Михайловичу, о котором Достоевский в «Дневнике писателя» поместил целую статью, и упоминается церковь, святая неделя, звон колоколов. Р. Казари даже предполагает, что это видение Москвы напоминает видение Версилова о золотом веке, в котором герой замечает уходящее солнце и слышит «звон похоронного колокола» как «конец культурного мира Европы»²⁴⁹. Здесь можно говорить о своего рода оппозиции грядущего воскрешения России и «заката Европы», несомненно, коррелирующей со взглядами Достоевского. Бессознательно или сознательно это творится писателем, но в его последних романах Москва становится местом рождения и формирования его героев. В «Подростке» Достоевскому необходимо показать не только истоки бунта Аркадия, его погруженности в идею, его подполье, которое формируется из униженности, незаконности его положения, соблазнительного обаяния его отца, который, как Чацкий, вторгается в его наполненную насмешками и обидами жизнь, но и возможность спасения и возрождения под руководством матери Софьи (имя, символизирующее мудрость жертвенных героинь Достоевского – Сонечки Мармеладовой и Софьи Матвеевны, книгоноши из «Бесов»), прототипом которой считается Марья Федоровна Достоевская, и странника Макара Долгорукого.

Таким образом, Москва в романе «Подросток» является не просто источником реальных историй и прототипов, но и в окончательном тексте символизирует родной дом, покинутый русскими скитальцами и странниками Достоевского, как в личном, так и в историческом и метафизическом смысле.

²⁴⁹ Казари Р. Московское начало в творчестве Достоевского // Русский язык за рубежом. 2001. №2. С. 79.

§ 3. Московский полюс в художественной структуре романа «Братья Карамазовы»

«Братья Карамазовы» – второй роман «великого пятикнижия», основное действие которого разворачивается в провинциальном городе. Однако и в этом романе, как и в предшествующих, Москва играет важную роль. В значимости этого города в судьбах героев роман «Братья Карамазовы» может сравниться, пожалуй, только с «Идиотом», на наш взгляд, самым «московским» из петербургских романов Достоевского.

Хорошо известно, что город Скотопригоньевск создавался писателем под впечатлением от Старой Руссы. Некоторые ученые полагают, что на роль прототипов этого вымышленного провинциального городишки могут претендовать Козельск, около которого находится Оптина Пустынь (В. Н. Захаров)²⁵⁰ или Тобольск (И. Д. Якубович)²⁵¹. Ю. В. Юхнович утверждает, что «в образе Скотопригоньевска есть и отражение московских воспоминаний Ф. М. Достоевского, которые, прежде всего, связаны с детством писателя и с семейными поездками в село Даровое»²⁵². «На страницах “Братьев Карамазовых” мы сталкиваемся с целым рядом примет московского мира Достоевского»²⁵³, – пишет Ю. В. Юхнович, под «приметами московского мира» имея в виду Даровое и Чермошню, которые посещает Достоевский в самом начале работы над романом. В эту же поездку он совершает паломничество в Оптину Пустынь, чрезвычайно важное для генезиса романа. Чермошняя – деревня родителей Достоевского, а Мокрое было расположено неподалеку от нее и Дарового. Ю. В. Юхнович обнаруживает такие автобиографические детали в романе:

²⁵⁰ Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Москва: Воскресенье, 2004. Т. 14. С. 345–357.

²⁵¹ Якубович И. Д. «Братья Карамазовы» и следственное дело Д. Н. Ильинского // Достоевский: Материалы и исследования. Ленинград: Наука, 1976. Т. 2. С. 119–124.

²⁵² Юхнович Ю. В. Старорусские реалии в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4. С. 142.

²⁵³ Там же.

в Даровом жила собака Жучка, которая сильно, по воспоминаниям А. М. Достоевского, пострадала во время пожара в имении. Возможно, ее кличка не случайно дана собаке, которой бросает хлеб с булавкой Илюша Снегирев. Или А. М. Достоевский упоминает юродивую, жившую в деревне, которую кто-то изнасиловал, и она родила ребенка. Эта история напоминает о Лизавете Смердящей и рождении ею сына Смердякова. «Эти важные замечания, сделанные братом Достоевского, говорят о том, что писатель в последнем романе во многом обращался к своим детским впечатлениям»²⁵⁴. Однако сразу же необходимо оговориться, что принятое в раннем советском достоевковедении сближение образа Федора Павловича Карамазова и отца писателя, развитое и в работах зарубежных литературоведов – фрейдистов, полагавших, что в творчестве писателя можно обнаружить мотив желаемого отцеубийства, на сегодняшний день не представляется доказательным. Можно говорить лишь об отдельных и отдаленных отголосках в романе юношеских воспоминаний Ф. М. Достоевского, связанных с трагической гибелью отца и его судьбой. Нам представляется самым правильным подход Г. А. Федорова, который полагает, что «тогда в 1839-м году известие о скоропостижной смерти отца потрясло Ф. Достоевского. И память об этом потрясении жила всю жизнь. Ему отец адресовал свое последнее письмо, в котором сообщал о неизбежном, близящемся разорении, и он — Федор, первым из старших сыновей узнал о смерти отца в Черемошинском поле, где труп пролежал два дня»²⁵⁵.

Если в «Бесах» вне московских реалий сложно представить генезис центральных героев, а московское убийство в этом романе, как и в «Преступлении и наказании», стало основой сюжета, то в «Братьях

²⁵⁴ Юхнович Ю. В. Старорусские реалии в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4. С. 142.

²⁵⁵ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 144.

Карамазовых» Москва, как и в «Подростке», становится одной из сюжетообразующих координат, помимо Скотопригоньевска и отчасти Петербурга.

Москва фигурирует в романе в разных значениях:

Во-первых, «Москва – это, прежде всего, столица России, как и Петербург»²⁵⁶. Достоевский подчеркивает, что нашумевшее дело об отцеубийстве собирает в городе много гостей, в том числе из двух столиц: «К этому дню к нам съехались гости не только из нашего губернского города, но и из некоторых других городов России, а наконец, из Москвы и из Петербурга. Приехали юристы, приехало даже несколько знатных лиц, а также и дамы. Все билеты были расхвачаны» (15, 89–90). Катерина Ивановна Верховцева о деле Мити говорит: «Меня это с ума сводит, а главное эта огласка: во всех газетах в Петербурге и в Москве миллион раз писали» (15, 14). Она же приглашает столичного адвоката Фетюковича для Мити и выписывает доктора из Москвы для Ивана, который навещает также Илюшечку Снегирева.

Во-вторых, это место взросления братьев Карамазовых, а для Смердякова место получения профессии. Каждый из них вынашивает свою идею, меняется под влиянием окружения или влюбляется. В Москве, как и Аркадий Долгорукий, проводят свое раннее детство Иван и Алеша. Московские годы жизни братьев не описывается, лишь Иван признается Алеше: «Не знаю, любил ли я тебя даже. Когда я уехал в Москву, то в первые годы я даже и не вспоминал об тебе вовсе. Потом, когда ты сам попал в Москву, мы раз только, кажется, и встретились где-то» (14, 208). Иван окончил в Москве гимназию и университет, там сформировались окончательно его личность и взгляды, а Алеша познакомился с Лизой, которая написала ему в письме: «Милый Алеша, я вас люблю, люблю еще

²⁵⁶ Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронежский государственный университет. Воронеж: Научная книга, 2007. С. 187.

с детства, с Москвы, когда вы были совсем не такой, как теперь, и люблю на всю жизнь» (14, 146). В последнем романе Достоевского появляются мотивы, которые были в произведениях 1840-х гг. и в «Униженных и оскорбленных». Например, мотив счастливого детства, чистоты, искренности и духовной близости двух детских сердец: «Он и прежде, еще в Москве, еще в детстве Lise, любил приходить к ней и рассказывать то из случившегося с ним сейчас, то из прочитанного, то вспоминать из прожитого им детства. Иногда даже оба мечтали вместе и сочиняли целые повести вдвоем, но большею частью веселые и смешные. Теперь они оба как бы вдруг перенеслись в прежнее московское время, года два назад» (14, 195). Как говорится в романе, большую часть времени госпожа Хохлакова проживала либо в имении, либо в Москве.

Там же жил Митя и там он становится женихом Катерины Ивановны, о чем оба героя вспоминают не раз. Так, приходя к Мите, сидящему в заключении, Катерина Ивановна припоминает их свидания в Москве. «Я для чего пришла? — испуганно и торопливо начала она опять, — ноги твои обнять, руки сжать, вот так до боли, помнишь, как в Москве тебе сжимала, опять сказать тебе, что ты бог мой, радость моя, сказать тебе, что безумно люблю тебя, — как бы простонала она в муке и вдруг жадно приникла устами к руке его» (15, 187).

Смердяков в Москве учится поварскому искусству, но «Москва его чрезвычайно мало заинтересовала», «был даже раз в театре, но молча и с неудовольствием воротился» (14, 116). Но вернуться он туда мечтает, хочет открыть на Петровке ресторан и разбогатеть. Как утверждает С. А. Скуридина, Петровка – одна из древнейших центральных улиц – «в XIX – начале XX вв. стала одним из торговых центров Москвы, где возникли многочисленные лавки и “торговые галереи” (пассажи)». «Расчет

Смердякова на прибыль оказался бы верен»²⁵⁷. После совершенного убийства сам Смердяков разъясняет свои мотивы Ивану: «Была такая прежняя мысль-с, что с такими деньгами жизнь начну, в Москве али пуще того за границей, такая мечта была-с, а пуще всё потому, что «всё позволено» (15, 67). Из Москвы Смердяков привозит и куплеты, о которых Достоевский писал Н. А. Любимову, опасаясь вмешательства редакции «Русского вестника» в текст «Братьев Карамазовых», как это было с «Преступлением и наказанием» и «Бесами»: «Еще об одном пустячке. Лакеи Смердяков поет лакейскую песню, и в ней куплет:

Славная корона,
Была бы моя милая здорова.

Песня мною не сочинена, а записана в Москве. Слышал ее еще 10 лет назад. Сочинилась она у купеческих приказчиков 3-го разряда и перешла к лакеям, никем никогда из собирателей не записана и у меня в первый раз является.

Но настоящий текст куплета:
Царская корона,
Была бы моя милая здорова.

А потому, если найдете удобным, то сохраните, ради бога, слово царская вместо славная, как я переменял на случай. (Славная-то само собой пройдет)» (30, 1, 64).

Удивительно преобразование, которое происходит в Москве со Смердяковым: «Зато прибыл к нам из Москвы в хорошем платье, в чистом сюртуке и белье, очень тщательно вычищал сам щеткой свое платье неизменно по два раза в день, а сапоги свои опойковые, щегольские, ужасно любил чистить особенною английскою ваксой так, чтоб они сверкали как зеркало» (14, 115). Кокеткой и щеголихой возвращается из

²⁵⁷ *Скуридина С. А.* Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронежский государственный университет. Воронеж: Научная книга, 2007. С. 188.

Москвы и Марья Кондратьевна, за которой приударяет Смердяков и невольным свидетелем ухаживаний за которой становится Алеша: «Мужчина — это, кажется, Смердяков, — подумал Алеша, — по крайней мере по голосу, а дама — это, верно, хозяйки здешнего домика дочь, которая из Москвы приехала, платье со шлейфом носит и за супом к Марфе Игнатьевне ходит...» (14, 204). К слову, в Москве заказывает на суд сюртук Митя: «Главное, он явился ужасным франтом, в новом с иголки сюртуке. Я узнал потом, что он нарочно заказал к этому дню себе сюртук в Москве, прежнему портному, у которого сохранилась его мерка» (15, 93). Москва в романе оказывается и законодательницей моды провинциальной России.

Припадки Смердякова участились и усилились после житья в Москве, и он по-прежнему остался нелюдим и молчалив. По отдельным намекам можно догадываться, что учеба в Москве далась ему непросто: «Я бы на дуэли из пистолета того убил, который бы мне произнес, что я подлец, потому что без отца от Смердящей произошел, а они и в Москве это мне в глаза тыкали, отсюда благодаря Григорию Васильевичу переползло-с» (14, 204). Хотела после освобождения крестьян уйти в Москву и открыть свою торговлю жена Григория, но тот отказался. Верностью барину и семейству Карамазовых, степенностью, важностью Григорий напоминает своего тезку из реальной жизни – Григория Васильева, который вспоминается, как и няня Алена Фроловна, в «Дневнике писателя» за 1877 г. в связи с описанием пожара в усадьбе.

Как в «Идиоте» князь Мышкин, именно в Москве получает наследство Катерина Ивановна: «В Москве у них дела обернулись с быстротою молнии и с неожиданностью арабских сказок» (14, 107). Именно тогда Дмитрий отправляет Ивана к ней, и тот влюбляется в Катерину Ивановну, хотя Митя все-таки объявлен был ее женихом, и молодые получили благословление генеральши-благодетельницы, которая, к слову, невзлюбила Ивана. Дмитрий признается: «В Москве же я много и

с Катей переговорил, я ей всего себя расписал, благородно в точности, в искренности» (14, 108). Вновь это напоминает задушевные разговоры Мышкина с Рогожиным и Настасьей Филипповной.

В Москву бежит Иван, стремясь скрыться от того, что накатывает на него в отчем доме: «В семь часов вечера Иван Федорович вошел в вагон и полетел в Москву. “Прочь все прежнее, кончено с прежним миром навеки. И чтобы не было из него ни вести, ни отзыва; в новый мир. В новые места, и без оглядки!” Но вместо восторга на душу его сошел вдруг такой мрак, а в сердце заняла такая скорбь, какой никогда он не ощущал прежде во всю свою жизнь» (14, 255). А после произошедшей трагедии «летит в Москву», в которой не смог укрыться.

Наконец, Москва – это город, в котором вынашивает свои идеи Иван. Черт рассказывает «легенду о рае», в который попадает атеист-философ. Иван подлавливает черта на том, что сам этот анекдот придумал еще в гимназии, в Москве, и рассказал своему другу Коровкину (15, 79).

Старец Зосима в воспоминаниях о брате называет человека, который повлиял на Маркела и сделал его атеистом: «За полгода до кончины своей, когда уже минуло ему семнадцать лет, повадился он ходить к одному уединенному в нашем городе человеку, как бы политическому ссыльному, высланному из Москвы в наш город за вольнодумство. Был же этот ссыльный немалый ученый и знатный философ в университете» (14, 261). Конечно, конкретного прототипа у этого эпизодического персонажа нет, но то, что здесь присутствует намек на московское западничество в лице Чаадаева, Герцена и др., несомненно. Возможно, поэтому романский европеец получает имя Петр Александрович Миусов. С. А. Скуридина предполагает, что фамилия образована от названия площади и двух улиц в Москве: Миусская площадь, 1-ая и 2-ая Миусские улицы²⁵⁸.

²⁵⁸ Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронежский государственный университет. Воронеж: Научная книга, 2007. С. 72.

М. С. Альтман, размышляя над именем Петр в романах Достоевского, предположил, что имя Миусова восходит к Петру Великому²⁵⁹.

Нам представляется, что этот герой в большей степени имеет связь с такими реальными лицами, как Петр Яковлевич Чаадаев и Александр Иванович Герцен. Так, в имени, отчестве и фамилии героя сходятся Москва и два ее знаменитых сына. Необходимо отметить, что М. С. Альтман указывал на Петра Чаадаева как прототипа Петра Миусова²⁶⁰. До него еще В. В. Розанов в знаменитом труде «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» писал, что «помещик Миусов, очевидно, — переделанная фигура Чаадаева»²⁶¹. Более подробно на этом вопросе остановился И. Л. Волгин и доказал путем сопоставления некоторых биографических фактов «басманного философа» с историей дядюшки Карамазовых, что Чаадаев может считаться прообразом Миусова²⁶². Примечательно, что у него есть дальний родственник, тоже Петр, Калганов, который живет с ним, готовится в университет и соблазняется Миусовым ехать «за границу, в Цюрих или в Йену, чтобы там поступить в университет и окончить курс» (14, 32), но тот пока не решается. В упомянутой книге И. Л. Волгин проводит параллель с М. П. Жихаревым, двоюродным племянником Чаадаева, живущим в его доме. Именно ему Чаадаев завещал свой архив, а Жихарев, в свою очередь, написал первую биографию философа, которую знал Достоевский. Кроме того, Жихарев учился в Московском университете и входил в кружок Аполлона Григорьева, чье имя также находится в прототипической галерее «Братьев Карамазовых». В характере и образе жизни (кутежи, цыгане, любовь к творчеству Шиллера, романтизм и восторженность) Дмитрия

²⁵⁹ Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 187.

²⁶⁰ Там же. С. 188.

²⁶¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / В. В. Розанов; Под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика, 1996. С. 14.

²⁶² Подробнее см.: Волгин И. Л. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М.: Либеря, 2000. 704 с.

Карамазова узнается Григорьев. На это указали В. Г. Селитренникова и И. Г. Якушкин²⁶³. Таким образом, в истории создания романа вновь сложно сплетаются московские лица, памятные Достоевскому.

Исследователи пока не обращали внимания на тот факт, что прототипом Петра Миусова можно считать другого москвича по рождению и воспитанию – Александра Ивановича Герцена. О рецепции Достоевским личности Герцена и его сочинений написано несколько работ, среди которых исследования А. С. Долинина²⁶⁴, С. Д. Лищинера²⁶⁵, Е. Н. Дрыжаковой²⁶⁶, упоминаемые в предыдущем параграфе. Но в этих трудах не говорится о Герцене как возможном прототипе Миусова. Если внимательно прочитать историю «просвещенного, столичного, заграничного и при том всю жизнь свою европейца, а под конец жизни либерала сороковых и пятидесятих годов» (14, 10) Миусова, то указанное нами соотнесение предстанет как несомненный факт: «В продолжение своей карьеры он перебивал в связях со многими либеральнейшими людьми своей эпохи, и в России и за границей, знал лично и Прудона и Бакунина и особенно любил вспоминать и рассказывать, уже под концом своих странствий, о трех днях февральской парижской революции сорок восьмого года, намекая, что чуть ли и сам он не был в ней участником на баррикадах. Это было одно из самых отраднейших воспоминаний его молодости» (14, 10). Личное знакомство с Прудоном и Бакуниным, участие во французской революции 1848 г., наконец, намек на «Былое и думы», которые, как неоднократно отмечалось в работе, Достоевский внимательно читал и в которых все перечисленные факты жизни Миусова находят аналогии в судьбе Герцена. В этой связи важно упомянуть, что уже в

²⁶³ Селитренникова В. Г., Якушкин И. Г. Аполлон Григорьев и Митя Карамазов // Филологические и науки». 1969. № 1. С. 13–24.

²⁶⁴ Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 344 с.

²⁶⁵ Лищинер С. Д. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий // Русская литература. 1972. № 2. С. 36–61.

²⁶⁶ Дрыжакова Е. Н. Достоевский и Герцен // Достоевский. Материалы и исследования. 1972. Вып. 1. С. 219–239.

«Дневнике писателя» за 1873 г. дается подробная характеристика личности А. И. Герцена, в которой можно обнаружить несомненные сближения с описанием Миусова в «Братьях Карамазовых». Достоевский утверждает, что Герцен остается «русским дворянином и гражданином мира» во всем: «Писал ли свои записки, издавал ли журнал с Прудоном, выходил ли в Париже на баррикады (что так комически описал в своих записках)» (21, 9). Так в точности совпадают судьбы реального Герцена и выдуманного Миусова. Достоевский пишет о том, что Герцен «родился эмигрантом», а далее рассуждает о нем как типе. Как тип «русского барича» интересен ему был и московский философ Чаадаев (признавался еще в 1870-м г. А. Н. Майкову²⁶⁷), и московский европеец Чацкий. Далее писатель отмечает: «Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные — индифферентными» (21, 9). А про Миусова читаем: «Либерал сороковых и пятидесятих годов, вольнодумец и атеист» (14, 31); «Миусов так лет тридцать, может быть, и в церкви не был» (14, 32). Все истории, которые рассказываются Миусовым в келье у старца Зосимы, он слышал в Париже. Да и во всем поведении высокомерного и самодовольного Петра Александровича сквозит незнание России, презрение ко всему русскому. Так, в монастырь, скорее, отправился не Чаадаев, как планировал изначально Достоевский, а Герцен, который, как и московский барин Чацкий, «попросту продукт прежнего крепостничества, которое он ненавидел и из которого произошел, не по

²⁶⁷ «Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? Предположите, что Чаадаев, после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например, за границей, на французском языке, брошюру, — очень и могло бы быть, что за это его на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский, например, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман этот тип)» (29, 1, 118).

отцу только, а именно чрез разрыв с родной землей и с ее идеалами» (21, 9). В этой связи кажется продуманным и упоминание в романе доктора по фамилии Герценштубе, который лечит весь город.

Поразительно, что даже в судьбе его двоюродной сестры, Аделаиды Ивановны, в девичестве Миусовой, подверженной новыми идеями «женской самостоятельности» (14, 8) можно обнаружить отголоски рассуждений Достоевского о женской эмансипации, связанные с семьей Герцена и трагической судьбой его дочери Лизы, чья история потрясла Достоевского и была описана в очерке «Два самоубийства». Аделаида Ивановна «увозом» выходит замуж за Федора Павловича из какого-то неясного задора и протеста. Федор Павлович прибирает выделенное ей потом родителями приданное в размере двадцати пяти тысяч (ровно столько Куманины дали за Варварой Михайловной Карепиной), а сама Аделаида Ивановна бежит в Петербург с нищим «семинаристом-учителем», где и умирает на чердаке то ли от голода, то ли от тифа. Рассуждая о диком и эпатажном самоубийстве Лизы Герцен, Достоевский замечает, что она «русская по крови, но почти уже совсем не русская по воспитанию» (23, 145). В рассказе о матери Дмитрия Карамазова приводится история другой самоубийцы, которая бросилась в воду с утеса «решительно от собственных капризов» (14, 7). С ее поступком сравнивается бегство из дома Аделаиды Ивановны. Но очень важны замечания о личности Герцена, оставшиеся в черновом варианте, об «одном из самых [замкнувшихся] резких русских раскольников западного толку» (23, 324), и его дочери: «она возросла [вне всякого вопроса о Боге] в полном [убеждении] матерья<лизме?>, даже, может быть, вопрос о духовном начале души, о бессмертии духа и не пошевелился [в душе ее] в ее уме во всю жизнь» (23, 325). В чертах «бойкой умницы» из «Братьев Карамазовых» много от дочери Герцена, о которой И. С. Тургенев писал П. В. Анненкову, передавая историю ее самоубийства, совершенного для того, чтобы досадить матери: «Это был умный, злой и исковерканный

ребенок (17 лет всего!) — да и как ей было быть иной, происходя от такой матери! Она оставила записку, написанную в шутовском тоне, — нехорошую записку»²⁶⁸. Еще одна отсылка к А. И. Герцену присутствует в диалоге Ивана с чертом, который предлагает герою читать “С того берега” (15, 334). Это позволило предположить в комментариях к роману, что «Иван Карамазов может быть соотнесен и с Герценом-человеком в один из переломных моментов его жизни, запечатленных в книге “С того берега”» (15, 468).

В последнем романе Достоевского Москва традиционно для позднего творчества писателя выступает как источник прототипов, некоторых сюжетных поворотов, берущий начало в личной биографии автора и судьбе русской общественной мысли начала XIX в. Москва выступает также как важный локус романного пространства, в котором происходят события, играющие значимую роль в прошлом героев, определяющие их настоящее.

²⁶⁸ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 18 т. Т. 14. М.: Наука, 2003. С. 204.

Выводы

В романах Достоевского «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» московский полюс приобретает особую значимость. Они вырастают из неосуществленного замысла «Житие великого грешника», в котором Достоевский хотел изобразить трагический путь человека, утратившего связь с корнями, пришедшего к этическому хаосу и нравственной катастрофе. Писатель ищет причины трагедии личности в детстве, которое было для него определяющим в процессе «выделки в человека»: все дурное и все хорошее, по Достоевскому, из детских впечатлений, переживаний. Основа воспоминаний о самых ранних годах Аркадия Долгорукого или описания детских лет Дмитрия, Ивана и Алеши Карамазовых автобиографичны. Местом взросления героев избирается Москва, которую они в дальнейшем вспоминают, и каждое припоминание важно в осмыслении психологии и мировидения персонажей. Особенную роль авторская память о Москве играет в истории создания романа «Подросток», хотя и в других романах этого периода можно обнаружить целую россыпь примет, отсылающих к детству писателя.

Московские реалии становятся фундаментом для построения концепции русского европейца. Вне рассмотрения целого ряда московских прототипов Степана Трофимовича Верховенского, Николая Ставрогина, Версилова, Петра Миусова обедняется понимание природы этих героев. На оформление сложных, генетически и типологически близких друг другу образов повлияла авторская рецепция судеб и мировоззрений таких выдающихся москвичей, как П. Я. Чаадаев, Н. В. Станкевич, Т. Н. Грановский, В. Ф. Корш, М. И. Бакунин, А. И. Герцен. Природа русского либерализма и западничества осмысливается Достоевским через атмосферу Москвы, литературных салонов и философских кружков первой трети XIX в., в которых им обнаруживаются и корни будущего атеизма и нигилизма.

Заключение

Московский мир в творческом наследии Достоевского представляет интерес для литературоведов, занимающихся не только изучением биографии писателя, но и текстологией, проблематикой и поэтикой его художественных и публицистических произведений.

Изучение Москвы как важной пространственной координаты в произведениях Достоевского, московского текста в наследии писателя способствует обнаружению новых углов зрения на уже выявленные в достоевистике основы «реализма в высшем смысле слова» как творческого метода писателя. Это автобиографизм, заключающийся в синтезе личных воспоминаний и переживаний, литературных и культурных впечатлений, опыта общения с людьми посредством писем, живых разговоров, публицистической полемики, и особая прототипика, выражающаяся в сложном генезисе образов героев, в которых могут совмещаться черты нескольких реальных лиц – родных, знакомых писателя или известных общественных деятелей – и литературных персонажей.

Изучение эпистолярия и публицистики Достоевского позволяет говорить о том, что Москва занимала важное место в частной и общественной жизни писателя. Достоевский, родившийся в Москве и проживший в ней до 15 лет, никогда не переставал ощущать себя москвичом, возможно, поэтому стремился поселиться в Москве после каторги и ссылки, несколько раз всерьез задумывался об этом в последующем, вспоминал как об одном из самых счастливых моментов своей жизни о лете 1866 г., проведенном в подмосковном Люблине, искренне радовался радушию и восхищался хлебосольством москвичей, гордился своим триумфом в дни открытия памятника А. С. Пушкина в июне 1880 г. Это выступление с речью о Пушкине, в которой Достоевский смело озвучил свои идеалы с открытой трибуны, мы считаем ярким фактом гражданского подвига: хронология события, впечатления и

настроения автора и реципиентов воссоздаются в работе на основе писем Достоевского жене, в которых рассказывается обо всем происходящем.

В диссертации подробно освещается интерес писателя к общественной жизни Москвы, описывается полемика литераторов и своеобразное противостояние И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике 1880 г., иллюстрируется роль и значение московских впечатлений и событий в формировании почвеннических убеждений писателя. Показана эволюция взглядов Достоевского на Москву и московскую жизнь, постепенное переосмысление роли города в жизни России.

Достоевский как соредaktor и ведущий публицист журналов «Время» и «Эпоха» полемизирует с «Русским вестником» и «Московскими ведомостями» М. Н. Каткова, со славянофильской газетой «День». Достоевский занимает позицию активного участника русской общественной жизни, умело и уверенно транслирующего свои взгляды. Он критикует «олимпийское» высокомерие «Русского вестника» и его редактора, московскую англomанию, «московские идеальчики» славянофилов, отлитые в застывшую форму, публикует в «Дневнике писателя» эмоциональные отклики на события, происходящие в родном городе, участвует в московских литературных чтениях. В спорах и с западниками, и со славянофилами (которые были писателю ближе по убеждениям) постепенно формируется собственная уникальная точка зрения писателя на Москву как древний центр России, центр единения русских, братьев-славян. В диссертационном исследовании утверждается линия все более глубокого и основательного осмысления писателем Москвы и ее значения.

Как символ определенного исторического периода, условно обозначаемого как допетровский, впервые в публицистике Достоевского Москва появляется в 1847 г. в «Петербургской летописи». Тогда еще разделявший западнические идеалы и взгляд на Москву как символ

навсегда ушедшей эпохи, Достоевский присоединяется к дискуссии В. Г. Белинского и новой натуральной школы со славянофилами по вопросу будущего России, облеченной в формулу антагонизма двух путей ее развития, знаками которых становятся Москва и Петербург.

Затем образ Москвы вновь возникает в статьях, публикуемых в журнале «Время» и в «Дневнике писателя». Изучение историософских высказываний Достоевского позволяет говорить об изменении отношения к Москве как категории историко-культурной от западнического определения ее лишь памятником навсегда ушедшей эпохе в 1840-е гг. к почвенническому разграничению славянофильского застывшего идеала и глубинного понимания ценностей московского периода русской истории, свято оберегаемых в русском народе в 1860-е гг. В 1870-е гг. на страницах «Дневника писателя» Достоевский выстраивает собственную концепцию «Обновленного человечества», во многом формирующуюся в результате размышлений над ролью Москвы в русской истории как оппозиции Петербургу и теорией «Москва – Третий Рим».

Исследование художественных произведений Достоевского позволяет нам сделать вывод о том, что можно говорить о московском материале как необходимом фундаменте для построения текстов. Это проявляется в широком использовании московских реалий, воспоминаний, биографий родных и знакомых, известных москвичей, героев литературы на стадии построения фабулы и сюжета, образной системы, перерастающей затем в сложную работу над созданием окончательного текста, в котором весь этот массив, накопленный в литературной памяти автора, оживает в новой художественной реальности.

В ранних произведениях Достоевский опирается на свежие воспоминания о своих детских годах в Москве и московском окружении в силу того, что другого жизненного опыта у него пока не было, и поэтому в романах и повестях этого периода легко обнаружить московский след. Герои этого этапа творчества писателя вспоминают о своем счастливым

детстве, утрата которого особенно остро ощущается в пространстве Петербурга. Вместе с тем, уже в ранний период появляются некоторые сквозные персонажи, которые получают в дальнейшем итоговое развитие. Примером могут быть «добродетельные злодеи» – Лужин или Тоцкий.

В послекаторжный период московский след становится менее явным, но более обширным и весомым. Его можно обнаружить в огромном количестве биографических реалий, фактов и подробностей из московской уголовной хроники, положенных в основу романной интриги или просто воссозданных в отдельных сюжетных линиях, а иногда припоминаемых в тексте; в массиве установленных и возможных прототипов, среди которых многие становятся источником для создания персонажей разных произведений, но при этом типологически близких. К таковым можно отнести сестру Достоевского и ее мужа В. М. и П. А. Карепиных, тетушку А. Ф. Куманину, семью другой сестры, Веры Михайловны Ивановой, П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, М. И. Бакунина, Н. П. Огарева и др. Особое место в галерее московских прототипов занимают персонажи комедии Грибоедова «Горе от ума», среди которых можно выделить Чацкого.

В диссертации доказывается, что в художественных мирах писателя особую роль приобретает литературный контекст: Достоевский оценивает героев предшествующей литературы во многом как живых людей, указывая на их недостатки и их роль в выстраивании русского пути. Писатель анализирует истоки русского европеизма, причины оторванности интеллигенции от народа и своей земли. Огромная смысловая нагрузка при этом ложится в художественных произведениях и публицистике на образы Чацкого и фамусовской Москвы. Любимая писателем комедия А. С. Грибоедова интересовала его до конца жизни, именно в ней Достоевский находил ответы на многие вопросы современности. Умело используя аллюзии к «Горе от ума», Достоевский выстраивает свое видение возникновения феномена «русского скитальчества» –

многочисленные заметки в его записных тетрадях показывают, что указанный феномен восходит к Чацкому. Достоевский по-своему интерпретирует комедию Грибоедова, он не противопоставляет Чацкого фамусовскому обществу, а иллюстрирует, что Чацкий, рожденный этим обществом, бежит из него и в целом из России, пытаясь построить свою жизнь в Европе. В диссертации показано, как фамусовская Москва оживает в отдельных образах всевластных дам московского света в романах Достоевского. Аллюзии к комедии Грибоедова мы обнаружили и в рукописных материалах Достоевского, которые позволили полнее постичь природу некоторых идей и образов позднего творчества писателя, особенно романов «Бесы» и «Подросток», где теперь уже русское либеральное западничество стало для Достоевского объектом художественной критики.

В поздних художественных произведениях Москва представлена как «внесценический» пространственный локус, поскольку в таких романах как «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» многие важные события в жизни героев происходят в Москве, которая, не являясь местом действия, постоянно упоминается рассказчиками или автором-повествователем и вспоминается героями, когда-то жившими там или желающими туда уехать. Между тем, в позднем периоде творчества Достоевский возвращается и к истокам, о которых он никогда не забывал – к детству как основе многих качеств и свойств человека. Московские реалии в поздних романах становятся не только определяющими в мировидении героев (у каждого из них своя Москва и своя история взаимоотношения с городом), но и фундаментом для построения концепции русского европейца, осмыслением дальнейших возможных путей развития России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.: Худож. лит., 1953. 772 с.
2. *Достоевская А. Г.* Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М.: Правда, 1987. 544 с.
3. *Достоевская А. Г.* Дневник 1867 года / Изд. подг. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1993. 454 с.
4. *Достоевский А. М.* Воспоминания / вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 393 с.
5. *Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери / пер. с нем. Е. С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 245 с.
6. Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. РГБ. Ф. 093. Разделы I–III.
7. Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. 623 с.
8. Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. 623 с.
9. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
10. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 14. М.: Наука, 2003. 418 с.
11. Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников: сборник / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 331 с.

Исследования

12. *Аксарова И. Р., Жаглова Т. М.* Аллюзии и реминисценции из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова в позднем творчестве Ф. М. Достоевского // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8-1. С. 199–203.
13. *Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. 280 с.
14. *Андрюкова Е. А.* «Московский текст» в творчестве И. Шмелева: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2013. 149 с.
15. *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга; Петербург Пушкина. М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2014. 400 с.
16. *Балдин А. Н.* Московские праздные дни: опыты по наблюдению календаря. М.: Олимп: Астрель, 2009. 574 с.
17. *Баршт К. А.* Письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому 5 сентября 1844 г.: исправленный текст // Достоевский. Материалы и исследования. 2019. № 22. С. 339–357.
18. *Баталова Т. П.* Историсофские проблемы в публицистике Ф. М. Достоевского 1860–1865 годов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 3. С. 89–93.
19. *Баталова Т. П.* Историсофские проблемы в публицистике Ф. М. Достоевского 1860–1865 годов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 3. С. 89–93.
20. *Батталова А. Н.* Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
21. *Батталова А. Н.* Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» в автобиографическом контексте // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 20. С. 31–34.

22. *Белкина О. А.* «Если наша мысль есть фантазия...»: Пушкинская речь Ф. М. Достоевского: замысел, отклики, споры. СПб.: МиМ-Экспресс, 1995. 160 с.
23. *Белов С. В.* Петербург Достоевского. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. 355 с.
24. *Беловолов Г. В. (Украинский)* Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 9. 1991. С. 167–168.
25. *Бем А. Л.* Грибоедов и Достоевский // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1. [и единственный]: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 415–429.
26. *Бем А. Л.* Эволюция образа Ставрогина (К спору об «Исповеди Ставрогина») // Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. Бесы: Антология русской критики. Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 638–662.
27. *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1994. 510 с.
28. *Березкина С. В.* О повести Достоевского «Хозяйка» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. 2001. С. 282–295.
29. *Березкина С. В.* Ф. М. Достоевский и М. Н. Катков (Из истории романа «Преступление и наказание») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 72. Вып. 5. 2013. С. 16–25.
30. *Бессонова А. С., Викторovich В. А.* Позовём в эксперты Достоевского (Усадьба Даровое: перспективы) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1(13). С. 16–81.
31. *Бирон В. С.* Петербург Достоевского. Л.: Товарищество «Светоч», 1991. 47 с.

32. *Боген А. Л.* Достоевский и Грибоедов (дополнение к комментарию) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 8 / Отв. ред. Г. М. Фридлендер. Л., 1988. С. 292–295.

33. *Боген А. Л.* Достоевский и Грибоедов // Статьи о Достоевском. 1971–2001. СПб.: Серебряный век, 2001. С. 85–88.

34. *Боген А. Л.* Достоевский и Грибоедов. Об одном неосуществленном замысле // Достоевский и современность. 1988. С. 25.

35. *Борисова В. В., Шаулов С. С.* Мотив «рокового наследства» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: реальный, мифопоэтический и историко-литературный комментарий // Проблемы исторической поэтики. 2019. № 3. С. 106–128.

36. *Борисова В. В.* «...Не могу заплатить самых святых долгов» // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. Москва, 2008. С. 270–279.

37. *Борисова В. В.* «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2018. С. 32–42. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (дата обращения: 23.03.2021)

38. *Борисова В. В.* «Долг чести» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXIII Международных Старорусских чтений. Великий Новгород, 2009. С. 46–51.

39. *Борисова В. В.* Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения. Межвузовский сборник научных трудов. Под редакцией Ю. И. Минералова, Н. Н. Богданова, О. Ю. Юрьевой. Иркутск, 2008. С. 197–202.

40. *Борисова В. В.* Н. П. Огарев как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. Вып. 21. М., Иркутск, 2009. С. 85–90.

41. *Борисова В. В.* Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 1. С. 46–49. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (дата обращения: 23.03.2021).
42. *Бочарова И. М., Волкова Е. А., Фролова Е. В.* Монархизм и народность Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2018. № 2(46). С. 24–30.
43. *Бродский Н. Л.* Угасший замысел // *Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. Бесы: Антология русской критики. Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной*. М.: Согласие, 1996. С. 560–567.
44. *Бурдина С. В., Мокрушина О. А.* Изображение школы в русской литературе XIX в.: основные тенденции // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2014. № 2(26). С. 99–108.
45. *Васильев К. Б.* Иван Прыжов как зеркало русского социализма, пьянства и юродства // *Философский журнал*. 2016. № 20. С. 101–113.
46. *Великанова Н.П.* Москва в книге «Война и мир» / Н.П. Великанова // *Москва в русской и мировой литературе: Сб. статей*. М.: Наследие, 2000. С. 170–184.
47. *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л.: Худож. лит., 1988. 208 с.
48. *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2007. 640 с.
49. *Викторович В. А.* «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 4. С. 48–69.

50. *Викторович В. А.* Paideia от Достоевского // Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27 – 29 августа 2006 / сост. В. А. Викторович. Коломна: КГПИ, 2006. С. 5–9.
51. *Владимирцев В. П.* Еще раз о влиянии «нянюшки» Алены Фроловны на личность и творчество Достоевского: факты и размышления // Три века русской литературы: актуал. аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. М., Иркутск, 2003. Вып. 3. С. 14–22.
52. *Владимирцев В. П.* Петербург Достоевского (поэтика локальных историко-этнографических отражений) // Проблемы исторической поэтики. 1990. № 1. С. 82–99.
53. *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского: Исторические записки. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
54. *Волгин И. Л.* Пропаший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М.: Либерия, 2000. 704 с.
55. *Волгин И. Л.* Родиться в России. Достоевский: начало начал. М.: Академический проект, 2018. 749 с.
56. *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского (1506–1933) / предисл. П. М. Зиновьева. М.: Север, 1933. 443 с.
57. *Гачева А. Г.* «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 640 с.
58. *Гершензон М. О.* Грибоедовская Москва // Гершензон М. О. Избранное. Т. 1. Мудрость Пушкина. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. 592 с.
59. *Горбанев Н. А.* Литературная критика Ф. М. Достоевского. Махачкала: ДГУ, 1981. 91 с.
60. *Гроссман Л. П.* Бакунин и Достоевский // Печать и революция, 1923. Кн. 4. С. 82–112.
61. *Гроссман Л. П.* Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935. 382 с.

62. Даровое – земля детства Ф. М. Достоевского: библиогр. указ. / М-во образования и науки РФ, М-во образования Моск. обл., Московский государственный областной социально-гуманитарный институт / сост.: В. А. Викторovich, Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова; науч. ред. и авт. вступ. ст. В. А. Викторovich. Коломна: МГОСГИ, 2012. 85 с.
63. Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 349 с.
64. Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 344 с.
65. Дороватовская-Любимова В. С. «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени; публ. подгот. Маргаритой Райциной // Нева. 2011. № 11. С. 209–226.
66. Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 470 с.
67. Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г. К. Щенникова, А. А. Алексеева; науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск, 1997. 272 с.
68. Дрыжакова Е. Н. Достоевский и Герцен // Достоевский. Материалы и исследования. 1972. Вып. 1. С. 219–239.
69. Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство: Ленингр. отд-ние, 1982. 269 с.
70. Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2004. Т. 14. С. 345–357.
71. Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
72. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Вып. 11:

Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. С. 180–201.

73. *Захаров В. Н.* Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с.

74. *Исупов К. Г.* Диалог столиц в историческом движении // Москва – Петербург: pro et contra: диалог культур в истории нац. самосознания: антология. СПб.: Русский Христиан. гуманитарный ин-т, 2000. 711 с.

75. *Казари Р.* Купеческий дом: историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Вып. 8. С. 87–92.

76. *Казари Р.* Московское начало в творчестве Достоевского // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 75–79.

77. *Камнев В. М., Камнева Л. С.* «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского и его историософия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 112–120.

78. *Кантор В. К.* «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: очерки. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 422 с.

79. *Кантор В. К.* Герцен как прототип Ставрогина // Человек. 2014. № 3. С. 148–159.

80. *Карпач П. Е.* О восстановлении памятника матери Ф. М. Достоевского на бывшем Лазаревском кладбище в Москве // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 149–159.

81. *Карпачева Т. С.* Московские и петербургские секты в изображении Ф. М. Достоевского // Москва и «московский текст». Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сборник научных статей / Редактор-сост. Н. М. Малыгина; научн. ред. Е. В. удрина. Вып. 8. М.: МГПУ, 2015. С. 14–31.

82. *Карпачева Т. С.* Образ Москвы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Москва и «московский текст». Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сборник научных статей / Редактор-сост. Н. М. Малыгина; научн. ред. Е. В. Кудрина. Вып. . М.: МГПУ, 2013. С. 39–45.
83. *Карпиленко А. Ю.* Роль детских воспоминаний в становлении сознания Аркадия Долгорукого в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27–29 августа 2006 г. / сост. В. А. Викторovich. Коломна: КГПИ, 2006. С. 22–27.
84. *Карякин Ю. Ф.* Достоевский и Апокалипсис. М.: Фолио, 2009. 701 с.
85. *Касаткина Т. А.* Что считать событием биографии? История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 44–78.
86. *Касаткина Т. А.* Между Богом и маммоной // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: в 18 т. Т. 10: Подросток. Примечания. М.: Воскресенье, 2004. С. 417–437.
87. *Касаткина Т. А.* Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.
88. *Кирпотин В. Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М.: Худож. лит., 1966. 560 с.
89. *Кирпотин В. Я.* Достоевский и Белинский. М.: Худож. лит., 1976. 301 с.
90. *Кирпотин В. Я.* Ф. М. Достоевский: творческий путь (1821–1859). М.: Гослитиздат, 1960. 607 с.
91. *Китаев В. А.* «Вестник Европы» в полемике с Ф. М. Достоевским (1880–1881 гг.) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 38–48.

92. *Ковалева Е. К.* Термин автобиографизм в современном литературоведении // Вопросы русской литературы. 2013. № 26(83). С. 224–231.
93. *Коган Г. Ф.* «Петербургский роман» и московская хроника (из истории создания романа «Преступление и наказание») // Достоевский и современность. 1991. Ч. 1. С. 87–92.
94. *Коган Г. Ф.* Загадки в родословной Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 375–382.
95. *Коган Г. Ф.* Московский пристав следственных дел и следователь Порфирий Петрович // Достоевский и современность. Новгород. 1994. С. 160–167.
96. *Комарович В. Л.* «Бесы» Достоевского и Бакунин // «Былое». 1924. С. 28–49.
97. *Комлик Н. Н.* Московский текст в творчестве Е. И. Замятина // Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей: материалы межвузовского научного семинара / Под ред. Н.М. Малыгиной. Москва: МГПУ, 2010. С. 62–68.
98. *Корневский А. В.* По следам Филофея: опыт реконструкции биографии древнерусского книжника. М.: Владос, 1998. 320 с.
99. *Краснощекова Е. А.* Роман воспитания Bildungsroman на русской почве. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. 480 с.
100. *Крушлинская Ю. Н., Ковальчук И. Ю.* Ф. М. Достоевский в литературной полемике с изданиями «Русский вестник», «День», «Современник» на страницах журнала «Время» // Межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-тихоокеанского региона. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет. 2018. С. 230–234.
101. *Кургузов П. В.* И. Г. Прыжов: Фрагменты жизни и творчества забытого историка и публициста (1827–1885 гг.) // Белые пятна российской и мировой истории. 2014. № 1-2. С. 92–109.

102. *Левина Л. А.* Два князя (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) // *Достоевский. Материалы и исследования.* 1997. Т. 14. С. 139–152.
103. *Левит Маркус Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994. С. 254.
104. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. /* Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Фридендера Г. М., Будановой Н. Ф. СПб.: Акад. проект, 1993.
105. *Литературное наследство. Т. 77: Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: Творческие рукописи /* АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1965. 519 с.
106. *Литературное наследство. Т. 83: Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. /* АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1971. 727 с.
107. *Лихачев Д. С.* В поисках выражения реального // *Достоевский. Материалы и исследования.* 1974. Вып. 1. С. 5–11.
108. *Лищинер С. Д.* Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий // *Русская литература.* 1972. № 2. С. 36–61.
109. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Семиотика города и городской культуры. Петербург Труды по знаковым системам XVIII.* Тарту, 1984. С. 30–46.
110. *Лурье Л.* Петербург Достоевского: Исторический путеводитель. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 352 с.
111. *Люсый А. П.* Русская литература как система локальных текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 27 с.
112. *Макурина Н. А.* Трансформация пародийных образов в творчестве Ф. М. Достоевского: Фома Опискин как пародийная заготовка образа Степана Трофимовича Верховенского // *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология.* 2015. Т. 25. № 5. С. 124–129.

113. *Малыгина Н. М.* Проблема «московского текста» в русской литературе XX в. // Москва и «московский текст» в русской литературе XX в. М., 2005. С. 3–4.
114. *Маишков А. Д., Руденко Б. Б., Балащенко М. И.* Критика Ф. М. Достоевским нигилистических взглядов на право (на примере образа Раскольников в романе «Преступление и наказание») // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Юридические науки. 2011. Т. 24(63). № 2. С. 62–73.
115. *Меднис Н. Е.* Поэтика и семиотика русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 2011. 232 с.
116. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. 170 с.
117. *Миллер О. Ф.* Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями: в 14 т. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых 1883. С. 1–76.
118. Москва в русской и мировой литературе: Сборник статей. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 304 с.
119. Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей: Сборник научных статей / Ред.-сост. Н. М. Малыгина. М.: МГПУ, 2012. Вып. 6. 172 с.
120. Москва и «московский текст» русской культуры: сборник статей / Российский государственный гуманитарный университет; ответственный редактор Г. С. Кнабе. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 226 с.
121. *Мочульский К. В.* Достоевский: Жизнь и творчество <1947> // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–562.

122. *Мякинченко М. А.* В. М. Карепина (Достоевская) – сестра и героиня романов Ф. М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 113–119.

123. *Мякинченко М. А.* Служение Ф. П. Гааза и его художественное осмысление в творчестве Ф. М. Достоевского // Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.: Тезисы докладов международной научной конференции к 500-летию Московского Новодевичьего монастыря и 300-летию провозглашения Российской империи, Москва, 13–15 октября 2020 года. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 91–94.

124. *Назирова Р. Г.* К вопросу об автобиографичности роман Ф. М. Достоевского «Игрок» // Назировский архив. 2018. № 1. 93 с.

125. *Назирова Р. Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 1. Л.: Наука, 1974. С. 202–219.

126. *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939. 157 с.

127. *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.

128. *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 304 с.

129. *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

130. *Никитин Т. Н.* М. Н. Катков как возможный прототип Ставрогина // Достоевский и современность. 2016. Т. 30. С. 119–131.

131. *Ничипоров И. Б.* «Московский текст» в русской поэзии XX в.: М. Цветаева и Б. Окуджава // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2003. № 3. С. 58–71.

132. *Одесский М. П.* Москва – град святого Петра. Столичный миф в русской литературе XIV–XVII вв. // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998.

133. *Орнатская Т. И.* Бесы. Дополнения к комментарию. «Кадриль литературы» и газетный фельетон «Семейный праздник русских журналов» // Достоевский: материалы и исследования. 1991. Т. 9. С. 243–246.

134. *Отливанчик А. В.* Философско-историческая доктрина Н. Я. Данилевского в восприятии Ф. М. Достоевского: по документальным источникам // Достоевский. Материалы и исследования. 2019. Вып. 22. С. 120–129.

135. *Пашаева Т. Н.* Критическая деятельность Ф. М. Достоевского в журнале «Время». Полемика с М. Н. Катковым // Литературное обозрение: история и современность. 2011. № 1. С. 28–32.

136. *Перевалова Е. В.* Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856–1862). М.: Московский гос. ун-т печати, 2010. 346 с.

137. *Перевалова Е. В.* В борьбе за литературные таланты: гонимая политика журнала «Русский вестник» в 1850–1880-е гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. С. 65–90.

138. *Перевалова Е. В.* Программа русского либерализма в первые годы правления Александра II (по материалам журнала М. Н. Каткова «Русский вестник») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 125–132

139. *Полонский Вяч. П.* Николай Ставрогин и роман «Бесы» // Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. Бесы: Антология русской критики. Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 619–638.

140. Пономарева Г. Ф. Ф. М. Достоевский – сын врача и врачеватель больного мира (к 185-летию со дня рождения) // Врач. 2007. № 1. С. 76–78.
141. Пономарева Г. Б. Достоевский – сын врача // Летние чтения в Даровом / сост. В.А. Викторovich. Коломна: КГПИ, 2006.
142. Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–93.
143. Прыжов И. Г. История пророков, кликуш, юродивых, дур и дураков в России. М.: Изд-во В. Секачев, 2021. 124 с.
144. Пустыгина Н. Г. О фамилии Долгоруков в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Уч. записки Тартуского государственного университета, 1985. Вып. 645. Проблемы типологии русской литературы. С. 37–53.
145. Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л.: Лениздат, 1969. 78 с.
146. Реснянский С. И. «Москва – Третий Рим» как архетип русского православного самосознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. №3. С. 41–49.
147. Розанов В. В. О происхождении некоторых типов Достоевского (литература в переплетениях с жизнью). М.: Нобель-пресс, 2011.
148. Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М.: Республика, 1996. 701 с.
149. Розенблюм Л. М. Творческие дневник Достоевского. М.: Наука, 1981. 368 с.
150. Романова Г. И. Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакуanine в 1920-е гг.) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2(14). С. 8–15.

151. *Сайченко В. В.* «Житие Великого грешника» – трансформация замысла, жанровое своеобразие, роль в творческой эволюции: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 223 с.
152. *Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
153. *Сараскина Л. И.* В. П. Ставрогина. Гипотеза о прототипе // Достоевский и современность. Материалы X Международных Старорусских чтений 1995 года. Старая Русса, 1996. С. 106–118.
154. *Сараскина Л. И.* Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. 825 с.
155. *Саруханян Е. П.* Достоевский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1972. 278 с.
156. *Сафронова Е. Ю.* Проблема правового жизне-текста Ф. М. Достоевского: дело с П. А. Карепиным // Культура и текст. 2016. № 3. С. 29–43.
157. *Селеменова М. В.* «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 20–27.
158. *Селеменова М. В.* «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XX международной научной конференции. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2015. С. 131–139.
159. *Селитренникова В. Г., Якушкин И. Г.* Аполлон Григорьев и Митя Карамазов // Филологические и науки». 1969. № 1. С. 13–24.
160. *Середенко И. И.* «Драгоценные воспоминания» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Летние чтения в Даровом / сост. В. А. Викторovich. Коломна: КГПИ, 2006. С. 10–16.

161. *Скуридина С. А.* К вопросу об автобиографизме антропонимов в художественных текстах Ф. М. Достоевского // Славянский альманах. Вып. 3–4. М.: Индрик, 2019. С. 415–426.
162. *Скуридина С. А.* Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронежский государственный университет. Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.
163. *Смирнов Г. И.* Скотопригоньевск и Старая Русса. М.: Лурена, 2001. 100 с.
164. *Смылова О. Н.* Образ сада в творчестве Ф. М. Достоевского: от мотива к символу // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 3. № 10. С. 35–29.
165. *Соина О. С., Сабиров В. Ш.* Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского. М.: Флинта: Наука, 2015. 312 с.
166. *Степанян К. А.* Биография автора как источник комментария к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119–142.
167. *Субботина Т. В.* Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 111–113.
168. *Сукина Л. Б.* Писатель Достоевский и купцы Куманины // Коммунар. Переславль-Залесский, 1990. 1 дек. С. 3.
169. *Сыроватко Л. В.* Подросток: роман об идее // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток». Возможности прочтения. Коломна: КГПИ, 2003. С. 63–81/
170. *Тарасов Б. Н.* Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (христианская мысль и современное сознание). М.: Academia, 1999. 288 с.
171. *Тарасова Н. А., Жилевич О. И.* Проблема интертекстуальных связей в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2012. № 8. С. 113–127.

172. *Твардовская В. А.* Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). М.: Наука, 1990. 340 с.
173. *Тимошина Е. В.* Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // Правоведение. 2005. № 4. С. 181–208.
174. *Тихомиров Б. Н.* Материалы к родословной Достоевских // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 1998. № 11. С. 188–198.
175. *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб: «Искусство-СПБ», 2003. 614 с.
176. *Туниманов В. А.* Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856–1863) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. 1978. С. 92–113.
177. *Туниманов В. А.* Творчество Достоевского 1854 – 1862. Л.: Наука, 1980. 281 с.
178. *Федоров Г. А.* Из разысканий о московской родне Достоевского. (К генезису рассказа «Маленький герой») // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 2. Л., 1976. С. 66–73.
179. *Федоров Г. А.* Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
180. *Федотов Г. А.* Пансион Л.И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 1. Л.: Наука, 1974. С. 241–254.
181. *Фокин П. Е.* Московский след князя Мышкина // Лекторий «Живое общение». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rz672XcEfSA> (Дата обращения – 5.05.2021).
182. *Фокин П. Е.* Грибоедовские фантазии Аркадия Долгорукого (Поэтика детства у Достоевского и ее реализация в романе «Подросток») // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток». Возможности прочтения. Коломна: КГПИ, 2003. С. 205–208.

183. *Фокин П. Е. Петрова А. В.* «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 2. С. 162–195.
184. *Фокин П. Е.* О восстановлении памятника матери Ф. М. Достоевского на бывшем Лазаревском кладбище в Москве // *Неизвестный Достоевский*. 2017. Т. 4. № 1. С. 149–159.
185. *Фридендер Г. М.* Достоевский и Старая Русса // *Достоевский и современность: сб. тезисов выступлений на «Старорусских чтениях»*. Новгород, 1991. Ч. I. С. 3–7.
186. *Фридендер Г. М.* Творческий процесс Достоевского // *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 12. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1996. 280 с.
187. *Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки*. М.: Фонд Достоевского, 2012. 1233 с.
188. *Чаглыян Ш. К.* Роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и проблема Московского текста: дис. ... канд. филологических наук. М., 2016. 130 с.
189. *Чулков Г. И.* Жизнь Достоевского / сост., подг. текста, коммент. и вступит. статья О. А. Богдановой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 472 с.
190. *Шилова Н. Л.* Редакционная концепция литературы в критике и публицистике журналов «Время» и «Эпоха» (1861–1865): дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2002. 211 с.
191. *Шкловский В. Б.* За и против. Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957. 260 с.
192. *Шмидт С. О.* Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // *Шмидт С. О. После 75. Работы 1997–2001 годов*. М.: РГГУ, 2012. С. 254–300.

193. *Шульц О. фон.* Светлый, жизнерадостный Достоевский: Курс лекций. Петрозаводск, 1999. 366 с.
194. *Шурупова О. С.* Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2011. 24 с.
195. *Шурупова О. С.* Природная сфера московского текста русской литературы // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 8 (часть 5). С. 1243–1246.
196. *Шукин В. Г.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 610 с.
197. *Юхнович Ю. В.* «Куманинское дело» в мемуарном и эпистолярном наследии А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский.* 2018. № 4. С. 176–184
198. *Юхнович Ю. В.* Адвокаты в судебных делах Достоевского // *Неизвестный Достоевский.* 2019. № 2. С. 171–185. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562697405.pdf (дата обращения: 23.03.2021).
199. *Юхнович Ю. В.* Старорусские реалии в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Неизвестный Достоевский.* 2017. № 4. С. 141–163. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514285405.pdf (дата обращения: 29.04.2021).
200. *Якубович И. Д.* «Братья Карамазовы» и следственное дело Д. Н. Ильинского // *Достоевский: Материалы и исследования.* Ленинград: Наука, 1976. Т. 2. С. 119–124.
201. *Якубович И. Д.* Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 9. 1991. С. 39–55.
202. A New World on The Brothers Karamazow, edited by Robert Luis Jackson. Northwestern University Press. Evanston, Illinois, 2004. 261 p.

203. *Lantz K. A.* The Dostoevsky encyclopedia. London, Greenwood Press, 2004. 499 p.

204. *Paris B. J.* Dostoevsky's Greatest Characters: A New Approach to "Notes from the Underground", "Crime and Punishment", and "The Brothers Karamazov". Palgrave Macmillan, 2008. 233 p.

205. *Terras V.* The Idiot: An Interpretation. Boston, 1990. 106 p.